

ISSN 0131-677X

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

La Turcologie soviétique
Soviet Turkology
Sowjetische Türkologie

6

БАКУ • 1987

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 6

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

БАКУ — 1987

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
ACADEMY OF SCIENCES OF THE AZERBAIJAN SSR

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ
LA TURCOLOGIE SOVIETIQUE
SOVIET TURKOLOGY
SOWJETISCHE TURKOLOGIE

Редакционная коллегия: главный редактор Э. Р. Тенишев (Москва), зам. главного редактора С. Н. Иванов (Ленинград), первый зам. главного редактора А. М. Мамедов (Баку), зам. главного редактора К. М. Мусаев (Москва), И. Х. Ахматов (Нальчик), А. А. Ахундов (Баку), Р. Б. Бердибаев (Алма-Ата), Г. Ф. Благова (Москва), Н. З. Гаджиева (Москва), Э. А. Грунина (Москва), Е. З. Кажибеков (Алма-Ата), И. В. Кормушин (Москва), Л. С. Левитская (Москва), Т. Д. Меликов (Москва), Б. А. Набиев (Баку), Б. А. Назаров (Ташкент), Е. А. Поцелуевский (Москва), К. К. Султанов (Москва), З. Г. Ураксин (Уфа), А. А. Чеченов (Москва), А. М. Щербак (Ленинград).

Ответственный секретарь
Н. Г. Наджафов

«Советская тюркология», 370143, Баку, пр. Нариманова, 31. Академгородок. Тел.: 39-24-57, 39-22-86.

Editorial board: editor-in-chief E. R. Tenishev (Moscow), assistant editor S. N. Ivanov (Leningrad), the first assistant editor A. M. Mamedov (Baku), assistant editor K. M. Musayev (Moscow), I. H. Akhmatov (Nalchik), A. A. Akhundov (Baku), R. B. Berdibayev (Alma-Ata), G. F. Blagova (Moscow), N. Z. Gadzhieva (Moscow), E. A. Grunina (Moscow), E. Z. Kazhibekov (Alma-Ata), I. V. Kormushin (Moscow), L. S. Levitskaya (Moscow), T. D. Melikov (Moscow), B. A. Nabyev (Baku), B. A. Nazarov (Tashkent), J. A. Potseluyevsky (Moscow), K. K. Sultanov (Moscow), Z. G. Uraksin (Ufa), A. A. Chechenov (Moscow), A. M. Scherbak (Leningrad).

Executive secretary
N. G. Nadzhafov

«Sovjetskaja tjurkologija», Akademija nauk
Azerbajdžanskoj SSR,
370143, Baku, prosp. Narimanova, 31.
Tel.: 39-24-57, 39-22-86.

The journal is published 6 times a year. Subscriptions should be sent to «Mezhdunarodnaya Kniga» (Moscow Г-200). Annual subscription 6 roubles 60 kopeks.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

И. В. КОРМУШИН

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АЛТАИСТИКИ

Если рассматривать историю алтаистики—дисциплины, изучающей методами компаративистики возможность родства так называемых алтайских языков на основании многочисленных материальных совпадений и подобий слов и форм, окажется следующее: то, что на каком-то предшествующем этапе представлялось свидетельством родства (т. е., говоря терминологически, оценивалось как закономерные рефлексy «алтайского» праязыка), позже признавалось заимствованиями (когда это касается слов) или случайными совпадениями (когда это касается формантов). Контакты алтайских народов действительно оставили многочисленные и разнообразные следы в алтайских языках, поэтому они должны изучаться во всех аспектах, всеми науками исторического цикла—не только языкознанием (историей языка), но и историей, археологией, этнографией, фольклористикой. Доказательство заимствованного характера языкового элемента не обесценивает факта существования подобной параллели; последняя начинает служить дополнительным источником по истории как заимствующего языка, так и особенно языка—источника заимствования. Общий вывод, к которому пришли алтаисты—сторонники и критики гипотезы родства алтайских языков,—это убежденность в том, что в истории этих языков было несколько периодов контактов и что наряду с поздними заимствованиями так называемого монгольского времени (XIII в. и позже) определенная часть параллелей восходит к эпохам древних контактов—древнеписьменной (VIII—IX вв.) и дописьменной. Именно эти параллели углубляют наши представления об истории языковых семей, поддерживая и питая те или иные реконструкции языковых изменений (характерный пример: переоценка ротирующих монгольских форм как заимствований из древнего, периода рубежа—начала н. э., неустановленного источника булгаро-чувацкого типа).

Переоценка многих параллелей как заимствований древнейшего времени и, следовательно, консервантов древнейших состояний языков—источников заимствований должна опираться на сопоставление подобных форм не только с материалом живых и древних языков, но и с праформами, так как только такое сопоставление позволит построить правдоподобную модель взаимоотношений засвидетельствованных форм, в том числе объяснить различия фонетического и семантического планов. Среди наиболее актуальных задач в этой области—применение приемов семантической реконструкции и опора на современные пред-

ставления о морфологическом облике и структуре корневых и аффиксальных морфем на праязыковой стадии.

Широко известна в алтаистике тюрко-монгольская параллель: тюрк. *adaq~atax~adaq~azaq~ura~aja*; 'нога или ступня', 'подставка, ножка', 'низ, нижняя часть', 'устье, низовье', 'конец'//монг. *adaq* (калм., монг., бурят. и др.) 'конец', 'устье реки, низовье', 'последний, худший, плохой', 'самое последнее, на худой конец', 'коренной зуб'. Казалось бы, что может дать факт, когда монгольские формы уже тюркских и потому не без оснований считаются заимствованием из тюркских языков? Ничего нового по сравнению с тюркским материалом они как будто не несут. Однако при более внимательном анализе данной параллели открывается весьма важная эвристическая особенность этого факта для обеих семей. Так, согласно общепринятой этимологии тюркское *adaq~ajaq* является производным от глагола **ad-/aj-* 'шагать, ступать' с довольно ординарным суффиксом *-(V)q*, образующим названия орудий или иных средств действия по мотивирующему глаголу [1. С. 103—104]. В этом случае по внутренней форме 'нога'—некое «шагало» или «ступало»; комплекс значений 'конец' и т. д. при таком подходе объясняется как вторичный, возникший в результате метафоризации значений 'нога': «нога»—это конечность, отсюда значения 'конец', 'конечный', 'последний' и т. п. Центральное положение значения 'нога' в тюркских языках тоже как будто соответствует указанной этимологии и подкрепляет ее. Должно насторожить только одно: семантический облик монгольской параллели.

В самом деле, если значение 'нога' первично для *adaq~ajaq* (судя по предполагаемой внутренней форме) и везде, кроме объяснимых исключений, как, например, в тувинском, сохраняется как ведущее, то почему нигде в монгольских языках этого значения нет? Невозможно представить, что данное слово было заимствовано в периферийном значении, как и трудно допустить, что заимствованное слово утратило основное значение уже на монгольской почве. Остается предположить совсем иное: если тюркское 'нога' и монгольское 'конец'—одно и то же слово и если оно заимствовано в древнейший, дописьменный, период монгольскими языками в значении 'конец', то такое заимствование свидетельствует о том, что в период контакта значение 'конец' (и связанные с ним значения) было основным и ведущим, а значение 'нога' если и было, то не занимало центрального положения. Следовательно, внутренняя форма слова *adaq~ajaq* и история его семантического развития нуждаются в ином объяснении.

Предлагаемая семантическая реконструкция исходит из ряда посылок. Во-первых, значение 'нога' как обозначение всей конечности в свете сохранения в отдельных средневековых памятниках таких значений, как 'подножие (горы)', 'основание (дерева)' [2. С. 8], должно быть признано вторичным, а 'стопа', напротив,—первичным, хотя Дж. Клонсон, например, полагал, будто для значения данного слова «первоначально скорее безразлично—'нога от бедра до ступни' или 'ступня'» [3. С. 45].

Во-вторых, все многообразие значений слова *adaq~ajaq* по современным и древним языкам удается свести к меньшему числу общих семантем. Так, несколько значений явно объединяются тем, что обозначают 'низ, нижнюю часть (какого-л. предмета)': а) нижняя часть ноги человека—'ступня'; б) низ реки—'устье', 'низовье'; в) низ горы—'подножие'; г) низ дерева—'основание ствола'. Далее, если значение 'низ, нижняя часть' понимать как «конечную часть вертикального предмета»,

то значения 'конец' и 'низ' оказываются в действительности семантически соотносительными, т. е. в определенной мере идентичными, различаясь приложимостью соответственно к горизонтальным или вертикальным предметам. При подобном объяснении единства значений 'конец' и 'низ' «горизонтальная» линия значений может быть признана исходной по отношению к «вертикальной». Такое предположение подтверждается исследованием «горизонтальной» линии значений, приводящим к открытию иной мотивирующей связи с производящим глаголом, что и составляет третью предпосылку предлагаемой семантической реконструкции. И решающее свидетельство здесь предоставляют как раз монгольские параллели.

Третье. Алтайско-телеутское *адак* 'последний, худший' Г. Рамstedт считал монголизмом (употребив знак перехода >), дифференцируя его с другими тюркскими формами, которые он привел с пометой «ср.» [4. С. 1]. Возможно, что телеут. *адак*—действительно монголизм, т. е. «возвратное заимствование» из монгольских языков в один из тюркских. Важно другое. В чуткой к нюансам записи В. Вербицкого дано следующее толкование этого слова: 'последний, худший, меньший, плохой, оставшийся (после выбора)' [5. С. 4]. Последняя семантическая деталь («оставшийся после выбора») не фиксируется ни одним монгольским словарем (почему и соотношение телеутского слова с монгольскими нуждается в дополнительных объяснениях), однако именно она позволяет осмыслить весь лексический ряд как выражающий семантику признака по действию 'выбирать, отбирать что-л. меньшее (мелкое) от большего (крупного) или плохое от хорошего'; при этом понятно, что значение 'худший' образуется за счет оценочной коннотации: 'худший', когда 'меньший' или 'мелкий' неблагоприятно для человека, тогда такой предмет становится 'худшим' («менее хорошим») или просто 'плохим'. Та же семантическая деталь показывает пути формирования значения 'последний, конечный',—это «оставшийся после какого-то отбора, разделения», но без прагматической оценки ('меньший', 'худший'). Для обоснования семантики действия мотивирующего глагола ср. не вполне ясное по морфологии (в содержательном плане, но не по формантному строению) тур. *ayıklamak* 'выбирать сор (из крупы и т. п.); перебирать, сортировать (например, овощи)'.

С производящим глаголом *aD- или *Da в *aDaq (прописным D обозначаем архетип—«какой-то согласный из группы дентальных»,—объемлющий рефлексы всего ряда фонетического чередования d~t~δ~z~r~j) ближе всего сходится глагол *aDa~*aDy-, отложившийся в большом числе производных, таких, как *aDyg 'что-л. вилообразное', *aDyg- 'отделять', *aDaš- 'сбиться с пути', *aDyl~*aDyq-*aDyp- 'очнуться, прийти в себя', 'протрезветь' и др. Как устанавливается семасиологическим анализом, глагол *aDa~*aDy- означал 'разделяться, раздвигаться'—о частях раздваивающегося предмета, например о развилке ствола дерева, о развилке дорог и т. п. При этом в различных производных данного гнезда для определенной их части прослеживается характерный оттенок: 'отделяться' неосновной дороге от основной, ответвляться суку от основного ствола, 'сбиваться с дороги'—'сходить с основной (правильной) дороги'; «руническое эпитафийное *adyryldym* 'я отделился (умер)' также сохраняет в себе данную сему, поскольку «отделяется один человек от остального сообщества». Подобная семантическая особенность, несомненно, —примета древнейшего лексико-семантического облика производящего глагола, возможно, даже более древнего, чем обычное значение 'разделяться (надвое, пополам)', хотя и это последнее,

бесспорно, праязыкового формирования. Как бы то ни было, сема «отделения неосновного, меньшего от основного, большего» достаточно отчетливо обнаруживается в целом ряде производных глагола *aDa~aDy-. С учетом этой семы можно понять некоторые другие «горизонтальные» значения *aDaq, трудно поддающиеся какому-либо иному объяснению.

Таковы в турецком *ayak* (наряду с центральным значением 'нога') значения 'рукав реки', 'водоотводный канал', в якутском *атах* (наряду с 'нога') — также в сочетании *куөл атаҕа* 'залив озера', в хакасском *азах* 'нога' — в сочетании *аал азағы* 'окраина села'. Рукав (реки), залив (озера), окраина (села) — это ответвляющаяся, отделяющаяся часть (реки, озера, села), как и в киргизском *жалгыз аяк* 'бобыль', 'редкий лес', где бобыль — человек, 'отделенный' от такой совокупности, как семья, а редкий лес — от совокупности деревьев, создающих густой лес. Если значения 'окраина (села)' и в меньшей мере 'редкий (лес)' допустимо трактовать на основе значения 'конец', то остальные значения — 'рукав (реки)', 'залив (озера)', 'бобыль', на наш взгляд, невозможно осмыслить как метафоры значений 'нога', 'конец', 'низ'. В сравнении с турецкими 'рукав (реки)', 'водоотводный канал', которые отражают горизонтальное положение предметов, встречающееся во многих тюркских языках в *aDaq, значение 'низовье (реки)' объясняется приравниванием, как и во многих языках мира, к предметам с вертикальной ориентацией.

Таким образом, в ряде периферийных значений *adaq~ajaq* обнаруживается семантический признак «отделенности», по которому такие значения оказываются ближе других, центральных, к исходному лексико-семантическому облику мотивирующего глагола *aDa~aDy- 'разделяться, раздвигаться (о частях раздвигаемого предмета)'. Производное *aDaq, судя по соотношению: обобщенные значения — адъективного характера ('последний, конечный' и т. д.), конкретно-предметные — субстантивного ('рукав реки', 'залив', 'бобыль' и т. д.), представляло собой в сигнификативном плане признак по действию мотивирующего глагола ('отдаляющийся, раздвигаемый, отходящий в сторону'; 'располагающийся в стороне'), т. е. было прилагательным на -q (формант, отложившийся в большой серии древнейших общетюркских прилагательных *küçük* 'маленький', *bedük* 'большой', *uzaq* 'далекий' и т. д.); денотативное содержание *adaq~ajaq* образовалось благодаря лексикализации, т. е. закреплению сигнификативного значения за конкретными типами предметов — носителей данного признака, что сопровождалось субстантивацией адъективных значений 'отходящий в сторону' → 'рукав реки', 'лежащий в стороне' → 'залив озера', 'окраина села', 'бобыль', 'редкий лес'. В соответствии с идеей раздвигаемого, но единого (одного) предмета сигнификативное значение 'отходящий в сторону или располагающийся, лежащий в стороне' обязательно содержит дополнительный семантический признак, '...но относящийся к тому же предмету, к той же совокупности предметов'; при таком соотношении сем ('лежащий в стороне, но являющийся частью того же предмета') сигнификация слова *aDaq реализовалась в денотативном признаковом значении 'крайний, последний, конечный' (= характеризующийся как часть предмета, лежащая несколько в стороне от основной, главной части). Именное значение 'конец' образовалось благодаря субстантивации адъективного 'конечный'; далее семантические изменения шли в направлении приложения значения 'конец' к предметам вертикальной ориентации ('конец' → 'низ'), выработки в последнем значения 'нижня

часть ноги' > 'ступня' с последующим метонимическим расширением: 'ступня' > 'нога'.

В целом реконструируемая схема семантического развития *aDaq выглядит следующим образом: 1) исходное отглагольно-адъективное значение: 'отделяющийся, раздваивающийся, отходящий в сторону; расположенный в стороне, но являющийся частью того же предмета'; → 1а) лексикализация обозначений некоторых конкретных носителей данного признака: 'рукав (реки)', 'залив (озера)', 'бобыль'; → 2) семантический сдвиг в исходном адъективном значении: 'расположенный на краю, последний, конечный'; → 2а) субстантивация вторичного адъективного значения: 'конец, край чего-л.'; → 3) семантический сдвиг во вторичном субстантивном значении: 'низ, нижняя часть'; → 3а) лексикализация одного из вторичных субстантивных значений: 'ступня'; → 3б) метонимический перенос и возникновение нового узусализованного значения 'нога'. Обычная этимологическая схема рассматривает историческое развитие данного слова прямо противоположным образом: от 'нога' к 'конец', но тогда остается необъясненным отсутствие в монгольских параллелях исконного ведущего значения. Если же представить этапы семантического развития *aDaq, как предложено в нашей схеме, то в этом случае отсутствие в монгольских словах значений 3а и 3б указывает на более ранний период заимствования тюркского слова — на стадии значений 2—2а. По нашему мнению, монгольские формы также свидетельствуют в пользу большей роли в историческом прошлом значений адъективного плана. Это подтверждается телеутским словом, сохранившим (самостоятельно или благодаря встречному монгольскому влиянию) внутреннюю форму, подсказывающую мотивирующий глагол.

Исконно тюркский характер *aDaq обосновывается прежде всего надежным, как нам представляется, сближением с глагольным корнем *aDa- ~ *aDu-, давшим большое макрогнездо производных, не фиксируемых в таком количестве в монгольских языках. Кроме того, в тюркском *adaq* ~ *aJaq* наряду с указанной выше системой значений, представляющей, в сущности, одну семантическую линию (I) с вариантами (А и Б) в применении к предметам соответственно горизонтальной и вертикальной ориентации, существует еще одна (II) семантическая линия значений, не сводимая к I и полностью отсутствующая в монгольских языках. Вторая семантическая линия организуется использованием исходного мотивирующего глагола для обозначения движений ногами (разделению, раздвиганию ног при шаге), сюда же относится, например, якут. *at-* (< *aDa-) 'разевать, открывать (рот)' (т. е. «раздвигать челюсти». — И. К.), 'отходить, отделяться, отставать'. Движение ногами может заключаться не только в шагании; памятники караханидско-уйгурской поры донесли до нас глагольную форму от данного корня *aduš-* с семантикой, близкой к исходной: ег *adaqu aduštū* 'ноги мужчины были широко расставлены (букв.: 'расставились')'; у Махмуда Кашгари имеется важное для нас добавление: «То же самое (т. е. тот же глагол. — И. К.) о какой-либо паре, одно из которой инфараджа (разошлось подобно сторонам угла)» (цит. по: [6. С. 185]); *adušma butuŋ* '[в обществе] не расставляй ног' [7]. Значение *aduš-* является связующим звеном между исходной семантикой первообразного глагола *aDa- ~ *aDu- 'разделяться, раздваиваться (о концах предмета)'; 'быть расставленным, раздвинутым (о концах парного или циркульного предмета)' и семантикой дальнейшего значения 'шагать'; промежуточность семантики *aduš-* в том, что она близка к исходной по описанию действия, но при этом (и, возможно, преимущественно) к предмету действия (ногам).

В числе других значений *adaq~aјаq*, принадлежащих именно этой семантической линии II ('шагать')—значение 'шаг, шаги' (IIa). В отличие от прилагательных—исходных дериватов по линии I, данное омоформное производное на -q следует квалифицировать как имя действия: 'шагание'→'шаги'. Значение 'шаги' редко сохраняется в языках (и отражается в словарях) как самостоятельное, о нем чаще всего свидетельствуют устойчивые во многих языках словосочетания *ajaq tawuř(lar)y/ ses(lar)i* 'звук(и) шагов'; конечно, притяжательное оформление указывает на известное переосмысление выражения, но иногда встречается и беспритяжательное сочетание, например, кумык. *ajaq towuř* 'звук шагов, топот' (как и ног. *ajaq joł* 'уборная'). Производным от IIa можно считать значение 'первые шаги (ребенка; возможно, также детенышей животных)' (IIб) как семантически более узкое—имеющее ограничения как по носителю, так и по характеру самого действия.

Для доказательства единства происхождения обнаруженных семантических линий I и II важнейшее значение имеет распределение их среди d- и j- форм. Линия IIб свойственна не только d- формам, выделенным Э. В. Севортыном в статью А:ДАГ [1. С. 88], но вместе с IIa обнаруживается и в обычных j- формах с центральным значением 'нога' (а также в производных от этого слова глаголах), где обе присутствуют в явном или скрытом за фразеологизированными сочетаниями виде в узбекском, татарском, турецком, азербайджанском, туркменском языках, причем в огузских языках эта линия заметно активна. Исконный (а не вторичный через возвратные заимствования, как полагали С. Калужинский и Дж. Клосон) характер линии IA ('конец, край чего-л.') доказывался таким же образом: наличием подобных значений в j- формах с центральным значением 'нога' в уйгурском, узбекском, киргизском, казахском, каракалпакском, ногайском, кумыкском, турецком, туркменском. Спорадически же встречающиеся в j- языках дублетные дентальные формы в значении 'конец' следует объяснять внутритюркскими заимствованиями: d- формы (кроме алтайского, где, как указывалось выше, это слово, возможно, из монгольского) располагаются определенно в зоне влияния древнеуйгурского d- языка—в новоуйгурском, узбекском, киргизском, казахском, каракалпакском, тогда как в татарском и башкирском формы с z указывают на языковой источник, условно говоря, хазарского типа. Наличие z- формы в значении 'конец' в татарском, кстати, также служит опровержением «монгольской» версии происхождения d- форм в перечисленных среднеазиатско-тюркских языках. Об этом же свидетельствует анализ семантического облика «законной» d- формы в тувинском.

Центральное положение значения 'низ, нижняя часть' в тув. *adaq*, похоже, сложилось не без влияния монгольского, но само слово не является монголизмом, так как на втором плане в нем присутствует семантика, связанная с характерно тюркским значением 'нога'. Это видно на примере фразеологизмов *adaa čiik* 'быстроногий, подвижный' (ср. аналогичное тур. *ayađına řabuk* 'проворный, ловкий', букв.: 'скорый на ногу'), *adaa aаg* 'неповоротливый' (букв.: «тяжелый на ногу»), но особенно убедительны вторичные морфологические образования *adaqqyг* 'подвижный, легкий, поворотливый'; *adaqta-* 'переходить реку вброд', 'брести по воде' (т. е. передвигаться по воде своими ногами, а не на лодке или плоту). Вполне ясные свидетельства на этот счет дает и значение тофаларского слова *adaq* 'ружейные сошки'. Итак, можно предполагать, что в тувинском слово *adaq* в значении 'нога' просто перестало употребляться, будучи замененным другим общетюркским и близким

по значению словом *but*; однако само слово не ушло из словаря, поддержанное морфологическими и синтаксическими производными и аналогичным монгольским словом. По поводу последнего следует подчеркнуть, что, скорее всего, это была только «поддержка», а не заимствование монгольской семантики, так как аналогичные значения 'низ', 'низовые (реки)' в достаточной степени представлены в тюркских *j*-формах (кирг., к.-калп., туркм. и др.).

Таким же, как и *adaq* 'конец' в *j*-языках, внутритюркским заимствованием является азербайджанская *d*-форма. Азербайджанский язык, как известно, испытал сильное восточно-тюркское (уйгурское) влияние, что подчеркивал еще П. М. Мелиоранский [8. С. 20, 64—65 и др.]. Вероятно, форма *adaq* укоренилась здесь из-за специфичности своего значения ('первые шаги ребенка'). Это же слово, но уже в терминологическом сочетании как название бытовой реалии—детского бегунка, сохраняется в довольно узком ареале—в каракалпакском, в диалектах узбекского и туркменского. Быть может, в каракалпакский и узбекский данная форма попала из огузских языков, но в этих последних она из *d*-языков (древнеуйгурского), поскольку принадлежность ее гнезду *adaq* ~ *ajaq* (ввиду наличия аналогичных значений в *j*-формах) несомненна.

Семантическая реконструкция с ее специфическими приемами анализа является важным резервом углубления наших сведений о доисторических процессах в языке, т. к. позволяет правильно оценить и полнее использовать так называемые алтайские параллели. Вот почему применение методики семантической реконструкции, важное для каждой отдельной специальности—тюркологии, монголистики, тунгусо-маньчжуроведения,—особенно актуально для алтаистики. Еще одной перспективной областью приложения усилий алтаистов может стать проблематика структуры корня в раннепратюркском, раннепрамонгольском и т. д.

Применяемые до сих пор в большинстве случаев традиционные модели типа (С)ГС как единственный изначальный структурный тип в ряде случаев не отвечают накопившимся материалам, указывающим на сосуществование с этим типом других, например, типа (С)ГСГ, при этом для части корней типа (С)ГС структура (С)ГСГ является их предшествующим состоянием, как это постулировалось выше и в отношении пратюркского глагольного корня **ɕ*Da- ~ **a*Dy-.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974. т. I.

² Древнетюркский словарь. Л., 1969.

³ Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.

⁴ Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch. 2-e Aufl. Helsinki, 1976.

⁵ Вербицкий В. И. Словарь алтайского и аладарского наречий тюркского языка. Казань, 1884.

⁶ Dankoff R., Kelly J. Mahmud al-Kašgarī. Compendium of the Turkic dialects (Dīwān Luyāt at-Turk). Harvard, 1982. V. 1.

⁷ Сводный текст «Кутадгу билиг» по изд.: Arat R. R. Kutadgu bilig. Istanbul, 1947. I: Metin.

⁸ Мелиоранский П. М. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900.

Н. Н. ТЕЛИЦИН

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ДЕЕПРИЧАСТИЙ В ДРЕВНЕУЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ

Деепричастие в тюркских языках есть словоизменительная обстоятельственная форма глагола, которая образуется путем присоединения к исходной основе или к основе, способной иметь показатель отрицания и/или залога, одного из целого ряда аффиксов, различающихся обстоятельственными значениями. Термином «обстоятельство» в статье обозначается событие, интерпретируемое коммуникантом как уточнение, пояснение какого-либо другого события [1. С. 384; 2. С. 22]. Иными словами, деепричастие — форма глагола, в которой действие представлено в качестве обстоятельства какого-либо другого действия. В этом смысле деепричастие следует рассматривать как одну из категорий «вторичной репрезентации», т. е. представление действий, называемых исходной основой, в качестве предмета, признака или обстоятельства [3. С. 63; 4. С. 22].

Отличительная семантическая черта данной формы глагола состоит в том, что выражаемое ею действие лишено самостоятельной временной характеристики, т. е. передаваемое деепричастием действие в хронологическом отношении может предшествовать, быть одновременным или следовать за другим, уточняемым им действием [5].

В настоящей статье деепричастие трактуется как форма, не только выражающая отнесенность какого-либо действия к другому, но и несущая информацию о характере отнесенности одного действия к другому: зависимое действие относится к уточняемому как его обстоятельство.

В классическом древнеуйгурском языке выделяются следующие деепричастные формы: *-а/-ы/-у, -п, -пан/-панын, -маты, -матын, -галы, -фынча, -мазқан, -р әрқан*.

1. **Деепричастие на *-п/-[й]ын, -[й]уп***. Отрицательная форма в нашем материале зафиксирована лишь в одном спорном случае: *болма-[йын]*? [7. 6 б, 16] от *бол* — 'стать; становиться'.

В древнетюркских текстах встречаются два типа аффиксов: *-п* и *-пан*, причем более распространены деепричастия на *-п*. Семантических различий между двумя данными формами установить не удалось, однако выявлена такая закономерность: в языке тюркских рунических памятников употребляются обе формы, а в древнеуйгурском форма на *-пан* очень редка. Так, в фактическом материале, собранном для данной работы, аффикс *-пан* не был отмечен, и лишь в одном памятнике встретила форма на *-панын* [8. С. 71—72; 9; 10. С. 71; 3. С. 56—64; 11.

С. 83—90]: *көңүлләринтәки сақынчларын оқупанын тойынларығ оқыпанын ынча тип йарлықады* [12, 23, 12—14; 13] 'Он, поняв мысли в их сердцах и создав монахов, соизволил так сказать'.

Форма на *-[ы]панын*—дальнейшее развитие формы на *-пан* (*-панын* < *-пан* + *-ын*). Ш. Текин считает, что аффикс *-ын* имеет «инструментальную функцию» [8. С. 71]. Далее, сравнивая образование двух форм: *-матын* и *-панын*, он пишет: «Остается открытым вопрос: откуда появилась инструментальность? Может, она абстрагировалась от наречия *ти-й-ин* 'говоря, в то время, когда говорят, что...'?» [8. С. 71]. По мнению А. Н. Кононова, аффикс *-панын* образовался путем слияния аффикса деепричастия *-пан* с аффиксом творительного/орудного падежа *-ын* [14. С. 100—111]. Это, на наш взгляд, наиболее правомерное предположение: из примера с деепричастием *-панын* видно, что значение, выражаемое данным показателем, не отличается от значений, передаваемых деепричастиями на *-пан* и *-п*.

Аффиксы *-п*, *-пан* и *-панын* присоединяются, как правило, к положительной основе [15. С. 128], а эквивалентом их в отрицательном статусе является форма *-матын* (в памятниках рунического письма еще и *-маты*) [15. С. 130].

Деепричастие на *-п* употребляется в функции обстоятельства или стержневого слова деепричастного оборота с семантикой образа действия (а), времени (б), причины (в), условия (г):

а) *мән барып тойын динтар болуп нирван йолын тиләйүр мән* [12. 47, 9—10] 'Я хочу искать путь к нирване, удалившись от мира и став монахом'; б) *аны ашидип өгүрүп сәвинип йинә ынча тип сақынч сақынур* [12. 149, 13—14] 'Услышав это, он, обрадовавшись, снова так думает'; в) *низваны басынчыңа улынып кәнтү әт өзин өлүрүп нирванға барыр* [12. 2, 3—6] 'Из-за укрощения страстей они, погубив свои тела, войдут в нирвану'; г) *әгримиз сәвинтимиз үлкүсүз болғай тәрк кәлип бизни бирлә көрүшсәр* [7. 13 б, 21—23] 'Наша радость будет безграничной, если он, прибыв в скором времени, встретится с нами'.

2. Деепричастие на *-а*, *-ы*, *-у*. В древнеуйгурском языке аффикс с узким гласным *-у* встречается чаще, чем с широким *-а*, редко употребляется аффикс *-ы*. П. М. Мелиоранский считал, что необходимо различать деепричастия на *-ы* и на *-у*, ибо «форма на *а* (*ä*) или *ы* (*i*) при всей своей близости к форме на *у* (*ü*) все-таки, вероятно, не вполне равнозначуща» [16. С. 132]. Однако автор не дает объяснений этому выводу. Видимо, следует принять точку зрения, согласно которой *-у*, *-а* и *-ы* исторически являются вариантами одного и того же аффикса. Отрицательная форма в материале не отмечена.

Основным в данном деепричастии является значение образа действия: *ойнайурлар анта ойнау ырлайурлар* [12. 32 V 1—2] 'Они играют музыку, затем они поют, играя музыку'.

В редких случаях деепричастие выступает в роли обстоятельства цели: *қылу кәлди* [17. 106] 'Пришел, чтобы сделать'. Случаи, когда это деепричастие употребляется в атрибутивной функции, свидетельствуют о его именной природе: *өтрү күйлирә йүзүн бракмайу брукид ынча тип өтүнүр* [12. 38, 9—10] 'Затем Пурохита Брахмаю так просит улыбаясь [букв.: улыбающийся лицом]'.

3. Деепричастие на *-матын*, передающее лишь отрицательный статус, при употреблении соответствует отрицательному статусу деепричастий на *-п*, *-пан*, *-панын*. Аффикс *-матын* есть результат слияния, вероятно, трех аффиксов: *-ма* (аффикса глагольного отрицания) + *-ты* (аффикса деепричастия) + *-ын* (аффикса «инструктивного падежа») [15.

С. 130], т. е. является дальнейшим развитием формы на *-маты*, подобно тому как *-пан* и *-панын*—развитием формы *-п* [14. С. 100].

Обычно деепричастие на *-матын* в предложении выступает в качестве обстоятельств образа действия (а) или условия (б): а) *қачан бу миркачи кәнткә тәгдүктә тәңри бурқан тәбрәтмәдин турды* [7. 8 б. 8—10] 'Когда божественный будда достиг этого города Миркачи, он остановился не двигаясь'; б) *қоп муңта қутқардачы тынлығығ көрмәтин алқу адада қутқардачы адынсыз тәңри тәңриси бурқан көрмәтин өлүрмән* [12. 16, 6—10] 'Если я не увижу счастливых живых существ, которые спасаются от всех бед, и если я не увижу блистательного бога богов будду, который спасает от всех опасностей, то я умру'.

4. **Деепричастие на *-ғалы***; его отрицательная форма образуется при помощи глагольного отрицания *-ма-*: *артатмағалы* [18. 613, 9] от *артат*—'губить'. Его называют «деепричастием цели», так как оно почти всегда обозначает обстоятельства цели; *бу маитрисмит атлығ ном битигиг битигәли көңгәл турқурдум* [12. 118, 20—21] 'Я решил переписать эту книгу [сутру] под названием «Маитрисимит»'.

Функция обстоятельства времени является второстепенной для данного деепричастия: *әринч тиши барс әнүкләгәли йәти күн болмыш* [18. 610, 2] 'С тех пор, как [эта] бедная тигрица родила, прошло семь дней'.

Иногда деепричастие на *-ғалы* встречается в текстах памятников с послелогоми *йүңн* (а) и *бирлә* (б), которые еще более подчеркивают обстоятельственную функцию: а) *өтрү түйкәл билгә маитри бурқан қоп қалын қуврағның сизикләрин тарқарғалы әрүш йкүш тынлығыларның көңүлләрин қорқытғалы йүңн ағзынтын ол өртәнүр қара булыт... түйтүнүг өрә йарлықар* [12. 113, 2—8] 'Затем, с целью рассеять сомнения огромной толпы и испугать сердца многих живых существ, будда Майдари соизволил выпустить из своего рта черное пылающее облако'; б) ... *ашағалы бирлә олуруп мәңилгәли ол киши әдгү қылынч қылзун* [12. 140 V 16—17] '... пусть этот человек творит хорошие дела для того, чтобы вкушать яства и сидя [там же] радоваться'.

Зафиксированы также редкие случаи употребления деепричастия на *-ғалы* в атрибутивной функции: *буши бәргәли сақынч* [12. 117 V 10] '[Его] думы о том, чтобы раздавать милостыню'.

5. **Деепричастие на *-ғынча*** редко встречается в памятниках древнеуйгурского языка. Отрицательная форма образуется посредством аффикса *-ма-*: *болмағынча* [18. 392, 17] от *бол*—'становиться'. Основное значение данной формы—указание на временной предел уточняемого ею действия ('до тех пор пока...', 'пока...'): *мән йәмә ... ру өлгинчә арығ чақшапт күйү күйәтү* [12. 193 V 4—6] 'Я снова ... пока не умру, буду придерживаться святого закона'.

Поскольку действие, выраженное деепричастием, следует хронологически за действием финитной формы, данное деепричастие называют «деепричастием относительно последующего времени» [19. С. 77].

Весьма редко деепричастие *-ғынча* встречается в атрибутивной функции при словах, обозначающих время (типа *өд* 'время, период' и т. п.): *әрңәк соқығынча өдтә* [12. 148, 25] 'В [то] время, пока [не] ударит/стукнет палец [т. е. мгновенно]'.

6. **Деепричастие на *-мазқан***—одно из редко употребляемых в древнеуйгурском языке. Высказывалось мнение, что аффикс *-мазқан* произошел из *-маз* (отрицательный статус причастия на *-р*) + *-ған* (аффикс причастия) [20. С. 114]. С другой стороны, данную форму нельзя рассматривать изолированно от формы *-р әркән* в значении обстоятельства времени. Представляется, что форма на *-мазқан* является отрицатель-

ным аналогом: *-р әркәйн/-маз әркәйн ~ -маз- [әр]кәйн ~ -мазқан (?)* [21].

Деепричастие на *-мазқан* передает временной предел действия финитной формы глагола ('пока не...'): *өртлүг йиринләрдә тақы агтын-мазқан әмти өкүнүр мән билинүр мән* [23. II. 78, 42] 'Я раскаиваюсь, пока еще не попал в ад [букв.: не поднялся/не ступил на огненные земли]'

7. Деепричастие на *-р әркәйн* функционирует как обстоятельство времени: *әдгү қылыңч қазғанур әркәйн сизиндә адрылмақлығ исиг қоз ичинтә әрүш үкүш қата ағнадым* [12. 90 V 11—13] 'Когда [вы] совершали добродетельные поступки, я много раз валялся в горячих углях разлуки с вами'.

Вопрос о деепричастных конструкциях считается одним из спорных в тюркологии, ибо затрагивает также причастные и глагольно-именные конструкции. Дискуссионным является вопрос: могут ли инфинитные формы глагола выступать в роли сказуемого придаточного предложения или нет? По мнению одних, деепричастные конструкции являются придаточными предложениями, так как передают содержание русских придаточных предложений «разного типа» [24. С. 125]. С точки зрения других, придаточными предложениями считаются только те конструкции, которые имеют отличное от основного отдельное подлежащее, в противном случае они являются оборотами [25; 26. С. 122—124].

Можно также исходить из признания переходности или промежуточности синтаксического статуса таких конструкций, определяя их путем сопоставления с данными языков других типов или с фактами предшествующих этапов развития тюркских языков [27. С. 30—36].

Как представляется, одним из необходимых признаков отдельного предложения вообще является наличие в нем сказуемого в финитной форме. Мнение, что наличие самостоятельного подлежащего достаточно для признания той или иной конструкции придаточным предложением, на наш взгляд, не выдерживает критики: главным признаком предложения может быть только предикативность, представленная в тюркских языках финитной формой сказуемого [28. С. 67—79; 29. С. 43—49], и критерием выявления автономной предикативности может служить способность данной конструкции к выделению из состава предложения.

В древнеуйгурском языке ни одна из деепричастных конструкций не отвечает этим условиям, ибо деепричастие, которое здесь выполняет функции «сказуемого», будучи инфинитной формой глагола, не обладает ни категорией лица, ни независимой категорией времени, чтобы функционировать самостоятельно. Если даже конструкции с глагольными образованиями имеют свой субъект действия, то и тогда, как мы полагаем, не представляется возможным считать их самостоятельными предложениями, так как во временном плане они полностью зависят от основного сказуемого. Поэтому данные конструкции «являются особой структурной единицей, для которой нужно ввести и специальное терминологическое обозначение (абсолютные конструкции или какой-либо другой термин)» [30. С. 131].

Следовательно, в случае с деепричастиями речь может идти о деепричастных оборотах, а при наличии в них самостоятельного подлежащего—об абсолютных деепричастных оборотах типа: *ол дидим удун бузулғынча қатәги бар әрди* [7. 86, 17—18] 'Эта корона находилась там, пока не был разрушен Удун'; *йоқ дйан олурғалы йити йүз йыл болмыш* [7. 2 а, 7—8] 'С тех пор, как они погрузились в созерцание, прошло семьсот лет' и т. д.

Поскольку деепричастие выражает действие, то к нему, как и к

другим глагольным формам, могут примыкать различные обстоятельственные слова: *аны айти сөзлайин қотуру қолулап тиңләгил* [23. III. 79, 9] 'Теперь я разъясню [это], а ты выслушай, основательно вдумываясь'.

Важно и то, что деепричастия сохраняют управление тех глаголов, от которых они образованы: *тәңри тәңриси бурқаның өлүргәли сақынып аиңа ашқа өтүнти* [12. 58, 14—15] 'Вознамерившись убить бога богов будду, он пригласил [его] к себе домой на трапезу'. Поэтому деепричастия часто становятся центром, стержневым словом, к которому относятся примыкающие и управляемые им слова [31], т. е. в предложении возникает второй центр предикации, и деепричастие выступает тогда носителем так называемой «вторичной предикации» в рамках развернутого деепричастного оборота.

Деепричастия как зависимые формы, могут относиться к разным формам глагола—личной (а), субстантивно-адъективной (б): а) *мән ... битийү тәгинтим* [12. 127 V 29—30] 'Я написал'; б) *тынлығы озғуруп қутқарып нирванқа бармышым кәргәк* [12. 154 V 13—15] 'Я должен, избавив и освободив живых существ, войти в нирвану'.

Таким образом, всякая деепричастная форма сигнализирует о соотношении, по крайней мере, двух действий, из которых одно главное, а другое—зависимое, представленное именно данной деепричастной формой. Поэтому деепричастная форма и квалифицируется как морфологическое (грамматическое) средство выражения зависимого действия. Временной план деепричастного оборота определяется из типа следования связанных действий: зависимое действие может быть одновременным, предшествующим или последующим по отношению к главному действию. Получается, что финитная форма глагола выполняет две функции: 1) отмечает время протекания главного действия относительно момента речи (или иной точки отсчета) и 2) является ориентиром для определения временной соотнесенности деепричастной формы (и оборота в целом).

В современной лингвистике выдвинута идея рассмотрения смысловых отношений между отдельными действиями, в том числе и выраженными деепричастиями, в рамках или синтаксической категории временной отнесенности [32. С. 136] или категории таксиса [33. С. 95—114; 34. С. 70—98; 35. С. 93—94].

Понятие о таксисе как об особой категории было введено Р. О. Якобсоном, который представил ее как оппозицию: зависимый/независимый таксис. «Таксис характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения» [33. С. 101]. Интересно, что в качестве примера Р. О. Якобсон взял агглютинативный нивхский язык. Описывая зависимый таксис в этом языке, он определяет его как «выражающий различные типы отношений к независимому глаголу—одновременность, предшествование, прерывание, уступительную связь и т. д.» [33. С. 101].

Таксисные отношения на материале русского языка получили подробное освещение в работах А. В. Бондарко, который определяет таксис как функционально-семантическое поле, формируемое различными средствами (морфологическими, синтаксическими, лексическими), объединенными функциями выражения временных отношений между действиями в рамках целостного временного периода, который охватывает комплекс действий, выражаемых в высказывании (т. е. любые репрезентации предиката) [34. С. 71—72]. В рамках таксиса им также выделяются две сферы: зависимый и независимый таксис. Независимые таксисные отношения представляются как относительно самостоятельные.

Зависимый таксис определяется как временное отношение между действиями, из которых одно главное, а другое—зависимое, сопутствующее [36. С. 45]. Главным, или центральным, компонентом зависимого таксиса являются конструкции с деепричастиями, а периферийными—с причастиями и другими глагольными формами [37].

Таким образом, типы временных отношений между двумя данными действиями (таксисные отношения) суть одновременность (а); предшествование (б); следование (в); они представлены также и в древнеуйгурском языке: а) *анта ѳтрѳ читика атлығ қырқын ырақтың улуг ѳнин ѳнтѳйѳ ынча тип тиди* [12. 120 V 20—23] 'Затем молодая девушка по имени Читика так сказала, возвышая голос издалека'; б) *бу савығ ѳшидиң падали браман ынча тип тиди* [12. 11, 7] 'Услышав эти слова Падали брахман так сказал'; в) *аның бизни сѳни алғалы ытды* [18. 7, 13] 'Поэтому он послал нас взять тебя (букв.: чтобы взять тебя)'.

Деепричастия выражают таксисные отношения сообразно со значением своих показателей. В результате проведенного выше анализа деепричастных форм в древнеуйгурском языке можно представить реализацию ими таксисной семантики (отмечено знаком «+») следующим образом (таблица).

Деепричастные формы	Таксисные значения			Дополнительная семантика
	Предшествование	Одновременность	Следование	
-п	+	+		причина, время
-а		+	[+]	условие
-матын	+			цель, время
-ғалы	+		+	временной предел
-ғынча			+	
-мазқан			+	
-р ѳркѳн	+			время

Темпоральные отношения между действиями связаны с другой семантикой, выражаемой в высказывании. Так, таксисные ситуации заключают в себе «единство ... собственно таксисных и аспектуальных элементов» [34. С. 95]. Внутреннюю связь элементов таксиса и аспектуальности можно объяснить тем, что характеристика временных отношений между действиями включает и характеристику протекания данных действий во времени. Аспектуальные значения могут воздействовать на характер временных отношений между действиями, оказывая влияние на их свойства [34. С. 95]. Например: *ѳмти кѳлип барѳагавишай улустың ѳртип ... ѳтдѳм* [7. 13 а, 14—18] 'Теперь же, возвращаясь, я прошел через страну Барѳага'. Данная таксисная ситуация (незавершенное предшествование—следование) имеет и элемент аспектуальной семантики: процессность действия (*кѳлип*), выраженного деепричастием на -п.

Ниже на примере деепричастий на -а и -п древнеуйгурского языка дается характеристика отношений действий с точки зрения аспектуального содержания. Данные две формы избраны вследствие их частого употребления в памятниках и более широкого диапазона значений и представляемых отношений с другими действиями. Тем самым уточняются семантика этих форм в структуре развернутых высказываний и роль деепричастий в реализации разных смыслов.

Для аспектуальной характеристики действий используются понятия: о процессе (т. е. протекающем, развивающемся действии) и о факте: (т. е. реализованном или достигшем предела действия) [35. С. 94].

1. **Деепричастие на -а.** Семантическое отношение действия, выраженного данной формой деепричастия, и действия финитной формы глагола можно представить соответственно как

процесс — процесс (а),
процесс — факт (б):

а) *катун сыңылайу ынча тип тиди* [18. 623, 19] 'Женщина, рыдая, так приговаривала'; *қут қолу алқыш алқайу йәни тоғмыш бодисвтқа йўкўнўрләр* [12. 145, 16—17] 'Моля о счастье и воздавая похвалы, они поклоняются заново рожденному бодисатве';

б) *қамағ қара бодун икилйй йана йула тўтсўк йақыш илтў кәлдиләр* [7. 7а, 6—9] 'Весь народ пришел вновь, неся факелы, курительные свечи и жертвенные подношения'.

Из этого можно заключить, что форма на -а передает прежде всего действие с аспектуальным элементом процессности, одновременное с другим действием, выраженным финитной формой. Редкие случаи, где данное деепричастие имеет значение цели, показывают, что оно может передавать последующее действие, и то лишь в будущем, для которого аспектуальная характеристика менее важна.

2. **Деепричастие на -н.** У данной формы имеется больший, чем у предыдущей, диапазон соотношений с финитной формой. Их можно представить следующим образом:

процесс — процесс (а),
процесс — факт (б),
факт — факт (в),
факт — процесс (г):

а) *инчип әрдәмин батуруп бу йиртинчй йир сувда қамағ тынлығлар ара йорыйур әртиләр* [39. 352] 'Так вот они ходили в этом мире среди живых существ, скрывая свою добродетель'. В данном примере оттенок процессности у деепричастия на -н возникает, видимо, благодаря временной форме конечного глагола: неопределенному имперфекту, который выражает действие, регулярно повторяющееся (т. е. не связанное с каким-либо определенным отрезком времени) в прошлом. Следует отметить, что оттенок процессности у деепричастия на -н встречается очень редко;

б) *әдгў ном номлап асанқи санынча тынлығларығ қоп муңлартын қутқарғай мән* [12. 145 V 12—14] 'Проповедуя хорошее учение, я спасу многие живые существа от всех бед';

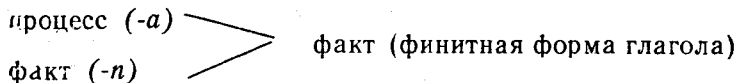
в) *бим балық ондўктә сайқа кирип ики йўз бара йир йорып уғай балыққа тәгди* [7. 14 б, 19—22] 'Войдя в пустыню к востоку от города Бим, пройдя двести ли, он достиг города Угай';

г) *кин бурқан қутын булуп ном тилгәнин тәвйрәр* [37. 455] 'Затем он, обретя счастье будды, будет вращать колесо учения'.

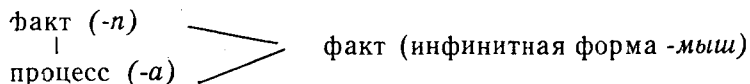
В памятниках древнеуйгурского языка в высказываниях с деепричастной формой -н чаще встречается соотношение «факт—факт», «факт—процесс». В связи с этим можно вспомнить, что форму на -н иногда именуют «деепричастием прошедшего времени» или «предшествующим деепричастием» (В. В. Радлов).

Сравнительный анализ связей у деепричастий на -а и -н позволяет сделать следующие выводы. В самой деепричастной форме на -а как бы заложена семантика процессуальности, а в форме на -н—факта совершения действия. Поэтому, вероятно, следует точнее трактовать случаи, когда обе деепричастные формы встречаются в одном предложении,

например: *анта мунта ынару бәрү йорыйу бир улуг қамышлығ бәрк арығқа кирип өтрү анта тыңғалы олуртылар* [18. 608, 12] 'Прогуливаясь, они, войдя в заросли высокого камыша, сели там отдохнуть'. В данном случае наблюдается соотношение трех действий:

Здесь закономерно употреблены обе деепричастные формы на основе их семантического потенциала в обозначении особенностей протекания действия. Это подтверждают и другие примеры: *бу төрт бақшилар тынлығлар көкүзин йаруп йаңылмақларын йаруту көзүнтүрмишкә төрт күй тип атлары* [7. 1 б, 12—16] 'За то, что эти четыре наставника выявляли заблуждения живых существ, раскрыв их души и освещая их ошибки, их прозвали «Четыре солнца» (букв.: их имя...)'. В данном случае устанавливается соотношение:

Здесь «факт» является условием по отношению к «процессу» и в то же время соотносится с основной глагольной формой (-мыш) как «факт—факт».

Таким образом, употребление деепричастий обусловлено прежде всего их разными системными языковыми значениями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1984.

² Никитин В. М. Обстоятельство как грамматическая категория в русском языке и его место в системе членов предложения. Саратов, 1959.

³ Гузев В. Г. Система именных форм тюркского глагола как морфологическая категория // *Turcologica: К семидесятилетию академика А. Н. Кононова*. Л., 1976.

⁴ Он же. Система тюркских словоизменительных категорий в функционально-семантическом аспекте: (На материале староанатолийско-тюркского языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1986.

⁵ Существует мнение, согласно которому деепричастия в тюркских языках распадаются на две группы: «относимые ко времени» финитной формы и «соотносимые по времени» [6. С. 74—82]. Деепричастия первой группы обозначают преимущественно обстоятельства образа действия, а второй—обстоятельства времени.

⁶ Иванов С. Н. Курс турецкой грамматики. Л., 1977. Ч. 2: Грамматические категории глагола.

⁷ Тугушева Л. Ю. Фрагменты уйгурской версии биографии Сюань-Цзана. Л., 1980.

⁸ Tekin Ş. Maitrisimit nom bitig: Die uigurische Übersetzung eines Werkes der buddhistischen Vaibhāṣika-Schule. Berlin, 1980. Т. 1.

⁹ Данная форма не является редкой для тюркских языков; она отмечена, например, в староосманском языке [10. С. 71].

¹⁰ Гузев В. Г. Староосманский язык. М., 1979.

¹¹ Хаджиолова К. А. Глагольная форма на -р в турецких литературных памятниках XIII—XVI веков // *Сов. тюркология*. 1972. № 6.

¹² Tekin Ş. Maitrisimit nom bitig: Die uigurische Übersetzung eines Werkes der buddhistischen Vaibhāṣika-Schule. Berlin, 1980. Т. 1—2.

¹³ Примеры из памятников даны в упрощенной русской транскрипции.

¹⁴ Кононов А. Н. Опыт реконструкции тюркского деепричастия на -[ʁ]л // *Вопр. языкознания*. 1965. № 5.

¹⁵ Он же. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII—IX вв.). Л., 1980.

¹⁶ Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль-Тегина // *Зап. Вост. отд-ния Рус. археол. о-ва*. СПб., 1899. Т. 12, вып. 2—3.

17 Bang W., Gabain A., von. Türkische Turfan-Texte. 3: Der grosse Hymnus auf Mani. SPAW, 1930. 8.

18 Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951. Сutra «Золотой блеск».

19 Тугушева Л. Ю. Фрагменты уйгурской версии биографии Сюань-Цзана. М., 1980.

20 Кондратьев В. Г. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности VIII—XI вв. Л., 1980.

21 К вопросу о частице *ärkän* в тюркских языках см.: [22. С. 318—324].

22 Насилов Д. М. Несколько замечаний о модальных частицах *ирги* и *иргин*//Учен. зап./ТувНИИЯЛИ. Кызыл, 1964. Вып. 11.

23 Müller F. W. K. Uigurica II. APAW, 1910. Abh 3; Uigurica III. APAW, 1922. N 2.

24 Гордлевский В. А. Грамматика турецкого языка. М., 1928.

25 Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948.

26 Севортян Э. В. О некоторых вопросах сложноподчиненного предложения в тюркских языках//В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1961. Ч. 3.

27 Адмони В. Г. Сложносоединенное предложение в тюркских языках//Сов. тюркология. 1982. № 3.

28 Гузев В. Г. Парадигма глагольных финитных форм как морфологическая категория//Сов. тюркология. 1982. № 4.

29 Он же. К вопросу о разграничении предложений и словосочетаний в тюркских языках//Востоковедение. 1984. № 9.

30 Покровская Л. А. К вопросу о личных и неличных формах глагола в тюркских языках//Turcologica: К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л., 1976.

31 Сказанное нельзя отнести в равной мере ко всем деепричастным формам, так как употребление и синтаксические функции некоторых деепричастий более ограничены. Кроме того, в различных тюркских языках одни и те же деепричастные формы имеют разный уровень употребления. Например, деепричастие на *-a* в большинстве современных тюркских языков менее употребительно по сравнению с деепричастием на *-n*.

32 Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М., 1957.

33 Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол//В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.

34 Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л., 1984.

35 Недялков В. П. Заметки по типологии зависимого таксиса//В кн.: Функционально-типологические проблемы грамматики: Тез. науч.-практ. конф. Вологда, 1986. Ч. 2.

36 Акимов Т. Г., Козинцева Н. А. К определению значения зависимого таксиса в русском языке: (На материале конструкций с деепричастиями)//Учен. зап. Тартус. ГУ. Тарту, 1985. Вып. 719.

37 Более углубленная разработка указанных проблем содержится в коллективной монографии «Теория функциональной грамматики» [38. С. 234—319], где таксисные отношения в рамках функционально-семантического поля рассматриваются на материале не только русского, но и нивхского языка (зависимый таксис).

38 Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.

39 Bang W., Gabain A., von, Rachmati G. R. Türkische Turfan-Texte. 6: Das budhistische Sutra Säkiz yükmäk. SPAW, 1934. 10.

ФОЛЬКЛОР. ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА

С. С. АЛИЯРОВ

К ЭПИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ АЛП-ЭРЕНА

По справедливому замечанию В. М. Жирмунского, «Книга моего деда Коркуда» далеко не исчерпывает всего репертуара эпических сказаний огузов [1. С. 605]. И действительно, в конце второго, третьего, четвертого и одиннадцатого сказаний книги в определенном порядке упоминаются подвиги витязей, о каждом из которых когда-то, вероятно, существовала отдельная песнь. Быть может, мы никогда не узнаем, почему часть песен-сказаний не вошла в книгу. Однако и то, что зафиксировано в ней в виде концентрированной эпической биографии, имеет бесспорное значение для разработки проблемы историзма этого выдающегося памятника, для изучения его сюжетообразовательной концепции.

В одном из сказаний «Книги Коркуда» упоминается Алп-Эрен. Специальная литература сведений об этом герое практически не содержит, если не считать следующую реплику В. М. Жирмунского: «В первом из названных боев (II) упоминается Алп-Эрен, сын Илик-Коджи, с обширнейшей эпической биографией» [1. С. 610; 2]. Положение усугубляется тем, что имя Алп-Эрена приводится в книге только один раз. Шесть героев, имена которых названы во втором сказании—Кара-Гюне, Дели-Дондар, Кара-Будаг, Шир-Шамседдин, Бейрек и Иекенк,—являются участниками действий ряда других сказаний. Литературное клише, воспроизводящее их эпические биографии, повторяется также в четвертом и одиннадцатом сказаниях. Все это дает основание утверждать, что Алп-Эрен—одна из сокровенных тайн «Книги Коркуда».

Между тем эпическая биография Алп-Эрена в чем-то сходна с не менее краткой справкой об Этил-Алпе—герое одной из «Огуз-наме» (речь идет об известном тексте из 65 строк, выявленном в рукописи «Книги Сельджуков» Языджи-оглу Али—автора первой половины XV в.; хранится в библиотеке музея Топкапы в Стамбуле). Ниже приводится перевод каждого отрывка в отдельности [4]:

Элементы сходства очевидны: 1. В обоих отрывках герой овладел ключами множества крепостей. 2. Число последних в обоих случаях—чуть менее ста: в «Книге Коркуда» суммарно их 94 (57+37), в «Огуз-наме»—99. 3. В обоих источниках герой заключил брачный союз с дочерью одного из чужеземных царей. 4. И в том и в другом упоминается имя чужеземного царя Сару (Софы) Сандаля, с той лишь разницей, что в отрывке из «Огуз-наме» с дочерью этого царя герой заключил брачный союз, а в «Книге Коркуда» он с ним вступил в схватку, а брачный союз заключил с дочерью другого чужестранца—белого царя Чешме

КНИГА КОРКУДА

II песнь

...Алп-Эрен, сын Элик-Коджи ... покинув державу (эли), давший коню [своему] порезвиться в водах Айгыр Гезлю, овладевший ключами пятидесяти семи крепостей [5], заключивший брачный союз (никях) с дочерью белого царя Чешме, заставивший изрыгать кровь царя Софы Сандала, закутавшись в сорок кафтанов, захвативший дочерей-красавиц беков тридцати семи крепостей, одну за другой обнимавший, целовавший в лицо и в губы [7. С. 62].

ОГУЗ-НАМЕ

стр. 41, 42 и 43.

Пронзавший и опрокинувший Демир Капы Дербента, овладевший ключами десяти крепостей, заключивший брачный союз (никях) с дочерью Сару Сандала, бравший дань (харадж) с непокоренных краев, приводивший их повиновению [еще] непокоренного врага, покоривший государства (эли) голубых ноздрей, Этил-Алп, сын Этлерше... [8. С. 122].

(возможно, разночтение—недосмотр переписчиков XV в.). 5. В обоих случаях указывается на физическое различие чужеземцев: Ак-Малик Чешме—белый (белолицый) царь Чешме, Сару Сандал—светлый Сандал (Сандал со светлым ликом).

Столь явное сюжетное сходство двух памятников эпического наследия огузов представляет бесспорный источниковедческий интерес. Обращение к выявленным аналогам вполне правомерно в рамках методики исследования, с успехом применяемой в специальной литературе. В частности, мы можем опереться на традицию трактовки аналогичного сходства между генеалогической легендой о скифах у Геродота и легендой о Ростеме в «Шах-наме» Фирдоуси. Согласно версии «отца истории», во время своих скитаний в пустынной стране Геракл-Таргитай засыпает, а проснувшись, находит своих коней пропавшими. Поиск приводит героя в пещеру. Обитающее в ней фантастическое существо—полуженщина, полужмея соглашается вернуть коней в том случае, если Таргитай вступит с ней в брачную связь. От этого брака рождаются трое мальчиков—Гелон, Агафирс и Скиф; к последнему, по легенде, восходят династия будущих царей Скифии и имя соответствующего народа [9. С. 37—38].

По мнению некоторых исследователей, рассказанная Геродотом история проявляет «поразительное сюжетное сходство» с эпизодом о женитьбе героя в «Шах-наме»: Ростем, отправившись на охоту в Туран, также засыпает в пути, а его коня Рехша уводят туранские воины. Поиск коня приводит Ростема в Семенган, где Техмине, дочь местного царя, обещает возвратить коня, если герой на ней женится. От этого брака рождается Сохраб. Такое совпадение («большое сходство») деталей, несмотря на абсолютную разницу в именах, рассматривается в литературе как показатель этноисторического родства двух народов—скифов и персов, как свидетельство преемственности их культурных традиций [9].

Возникает вопрос: каков же подтекст сходства в эпической биографии огузских героев Алп-Эрена из «Книги Коркуда» и Этил-Алпа из «Огуз-наме»?

Несмотря на значительную близость между этими двумя памятниками, порой доходящую до прямого текстуального совпадения, в «Огуз-наме» мы встречаем информацию, которая в «Книге Коркуда» отсутствует. В последней имена отцов—Дели-Домрула, Бекдюз Эмена и Алп-Аруза (Аруз-Коджи) не названы. Эти имена встречаются только у автора «Огуз-наме», которому, по наблюдению В. М. Жирмунского, «было известно довольно многое» [1. С. 612—614], в том числе и о подвигах таинственного Этил-Алпа, имя которого опять-таки выведено только им. Впрочем, то «довольно многое», на что указывает В. М. Жирмунский,

полностью исчерпывается эпической биографией, которая приведена нами выше в правом от читателя столбце. Однако при тщательном изучении эта биографическая справка, действительно, немало может рассказать и объяснить.

Начнем с того, что Этил-Алп представлен в ней как персонаж, «бравший дань (харадж) с непокоренных краев, приводивший к повиновению [еще] непокоренного врага». Обращает на себя внимание тот факт, что деталь характеристики относительно получения дани в самом начале (стр. 4) той же «Огуз-наме» присутствует и в биографии Огуз-хана—родоначальника огузов: он также представлен как персонаж, «бравший дань с кровавых элей неверных». Прежде чем рассмотреть это сходство по существу, необходимо заметить, что подобное дублирование деталей биографии в эпическом творчестве огузов применяется лишь по отношению к представителям социальной элиты. Так, в «Книге Коркуда» эпитет «столп Туркестана, детеныш птицы Тулу» и т. п. прилагается синхронно к именам обоих главных героев эпоса—«хана ханов» Байындур-хана и его «беглярбека» Казан-хана [10]. В свою очередь, в тексте «Огуз-наме» тот же эпитет встречается в «биографии» Огуз-хана и Осман-оглу. Отсюда логически следует вывод о том, что по эпической традиции огузов Этил-Алп должен был стоять на столь же высокой ступени социальной иерархии, как и Огуз-хан, Байындур-хан, Казан-хан и дом Осман-оглу из племени Кайы.

В другой «Огуз-наме», входящей в «Джами ат-таварих» знаменитого средневекового автора Фазлуллаха Рашидаддина (XIII—XIV вв.), мы вновь сталкиваемся с совпадением деталей эпической биографии Этил-Алпа и Огуз-хана. Согласно версии, записанной Рашидаддином, Огуз-хан отправил своих сыновей Гюна, Юлдуза и Денгиза с девяти-тысячной конницей против Рума, а сыновей Ая, Гёка и Дага с девятью тысячами «мужей»—против франков. И далее автор пишет, что франки предпочли не испытывать силу брошенного на них войска и принуждены были согласиться на уплату дани. Они изъявили готовность «служить Огузу», отправив к нему послов с прошением «отозвать войско обратно и назначить [своего] шихне для сбора с них дани» [15. С. 36—37]. Совершенно очевидно, что представление о получении дани с народов без их военного покорения занимает прочное место в эпическом наследии огузов. Остается также добавить, что если Рум традиционно означает Византию, то под франками, должно быть, подразумевались жители другой средиземноморской державы—римляне времен поздней империи. Не случайно, согласно записи Рашидаддина, войска Огуза к франкам были отправлены морем.

Герм. !

Трактовка эпического сюжета о получении дани с непокоренных народов получает новое направление с привлечением источников о походах гуннов против Римской империи во главе с Атиллой. Эти походы как реальность истории, вероятно, явились одним из истоков распространения сюжета о дани. Известно, что война Атилы окончилась для Рима подписанием тяжелейшего мира. По его условиям, империя обязывалась платить Атилле дань золотом 6000 литров одновременно и по 2100 литров ежегодно [16. С. 155].

Когда Атила был обнаружен в своем дворце мертвым (454 г.), то, согласно историку VI в. Иордану, «отборнейшие всадники всего гуннского племени» поминали его подвиги в таком погребальном песнопении: «Великий король гуннов Атила... Ты, который... один овладел скифским и германским царствами, который захватом городов поверг в ужас обе империи римского мира и,—дабы не было отдано и осталь-

ное на разграбление,—умиловленный молениями, принял ежегодную дань» [17. С. 117]. Раннесредневековый европейский источник, как видим, фиксирует очень ранний, едва ли не прижизненный случай привнесения пресловутого сюжета о дани, связанного с именем Атилы, в фольклор; при этом объектом взимания дани здесь столь же определенно выступают «обе империи»—Рим и Византия.

С географией разрушительных походов гуннов связан и рефрен относительно овладения ключами множества крепостей. От Дуная и вплоть до места, где расположена нынешняя столица Франции Париж (в то время—Лютетия), орды Атилы овладели множеством городов: Констанцией, Маргой, Вимианаки, Одессом (ныне Варна), Херсонесом (во Фракии) и городами Галлии: Мецом, Страсбургом (Аргенторатом), Шпейером (Новиомагом), Вормсом (Ворбетомагом), Майнцем (Могонтиаком), Безансоном (Безантионом), Орлеаном (Аурелианом), Труа, Триром и др. [16. С. 154—164].

Разбив везеготов, Атила в 451 г. вторгся в верхнюю Италию и взял город Аквилей. Иордан пишет: «Еще более дерзкие после этого и все еще не пресыщенные кровью римлян гунны вакхически неистовствуют по остальным венецким городам. Опустошают они также Медиолан (Милан), главный город Лигурии, некогда столицу; равным образом разоряют Тицин...» [16. С. 110]. Попутно заметим, что в наибольшей степени от рейдов конницы Атилы пострадало население нордическо-альпийской части Римской империи; не этим ли объясняется указание на цветное различие физического типа поверженных царей («Белый царь Чешме», Сару Сандал), а также эпитет «голубые (голубоглазые?) неверные»?

Дело в том, что в историко-эпической традиции подобное явление встречается не раз. Еще древние шумеры в своих эпических поэмах именovali себя «черноголовым народом», а землю свою—«страной черноголовых» [18. С. 90, 120, 176, 241]. В «Книге Коркуда» такой же эпитет применяется по отношению к огузам, впрочем, как и к их христианским соседям. «Черноголовыми», «черноволосыми», «с длинными, как копья, черными волосами» предстают в ней Бурла-хатун и Сельджан-хатун, мать и сестра Бейрека, жена Дирсе-хана и др. «Черноголовым» именует себя и сына своего Казан-хан (I—III, VI сказания). Во втором сказании упоминаются уже «семь тысяч черноволосых иноверцев». Вместе с тем Байындур-хан, Дирсе-хан и Кан-Туралы—герои «с белым челом», с «руками белыми», с «запястьями белыми». В первом сказании женская половина дома Дирсе-хана—«белолицые, светлоокие девы», в третьем употреблена фраза: «пока сын Аруза Басат не захватил моей белолицей красавицы (жены)», в восьмом—«ты сделал вдовой мою белолицую невестку» (жену брата) [7. С. 15, 27, 38, 43, 47, 54, 106, 115, 124, 128, 130, 210—211, 244—245, 249; 19. С. 21, 66, 82, 86, 88, 104]. Все это соответствует стереотипу описания в средневековой космографической литературе населения ряда провинций Азербайджана—Мараги, Хоя, Сараба и др.: «народ здешний белолицый, тюркский», «жители его белолицы», «жители белолицы» [20. С. 47—49]. На физическое отличие славян—румяные, с русыми волосами—указывали Ибн-Фадлан и другие арабские авторы, в связи с чем В. В. Мавродин писал, что в представлении арабов русоволосость была «типичным признаком славян» [21. С. 34]. На основе сказанного можно заключить, что распространение в конкретной этнокультурной среде само- и инообозначений, указывающих на признаки того или иного народа по цвету лица, волос, и т. п.,—обычное явление в истории.

Созвучен истории Аттилы и эпический сюжет о заключении брачного союза с дочерью белого царя Чешме (в «Огуз-наме» — с дочерью Сару Сандаала).

В сочинении Иордана, жившего на сто лет позже описанных событий, сообщается, что сразу же после прибытия с мирными предложениями посольства «самого папы Льва» отношения Аттилы с империей вновь резко ухудшились. Виновницей тому была дочь императора Констанция — Юста Грага Гонория. Ее брат Валентиниан, став императором, сразу же заточил сестру во дворце для соблюдения обета девства в течение всей жизни (тем самым ее личная жизнь приносилась в ритуальную жертву во имя спасения Рима от надвигавшихся на него бед). Гонория, достигшая к тому времени 32 лет (род. в 418 г.), в 450 г. послала через своего внука обручальное кольцо Аттиле, предложив ему брачный союз. Реакция Рима на это была резко отрицательной. Повелением Валентиниана III Гонория немедленно была увезена в Константинополь. Аттила же, не желая мириться с полным фиаско «личных планов», разразился угрозой новой войны, если ему не пришлют нареченную невесту с причитающейся ей частью сокровищ и если не отдадут ему западные земли империи в качестве приданого (полагают, что последнее домогательство явилось причиной упоминавшегося похода в Галлию в 451 г.) [17. С. 110, 310]. Между тем сосланная в Константинополь Гонория была здесь насильно выдана замуж и вскоре умерла.

Из восточной столицы империи эхо этой «брачной» повести могло распространиться и до отдаленных земель. Сопутствующим тому фактором выступало, прежде всего, само имя грозного царя гуннов. «Аттила, „виновник“ столь многих легенд и преданий, спустя примерно шесть веков после своей смерти выступил уже с достаточно большим налетом фантастики, хотя и пронес через шестивековой промежуток времени бесспорно для него характерные черты „варварского“ князя». Мы имеем в виду Аттилу в образе Этцеля в «Песне о Нибелунгах». Автором цитируемых слов приводится следующее высказывание А. Тьерри: «Имя Аттилы завоевало себе место в истории... рядом с именем Александра и Цезаря» [16. С. 64, 153].

Другим сопутствующим фактором могло быть то, что древние тюрки имели частые военно-политические контакты с Римской империей. Ко всему прочему, они группами селились на постоянное или временное жительство в ее восточных владениях. Трагедия Гонории — первые семь лет ее жизни и последние дни прошли в Константинополе — не могла пройти мимо внимания тюркских воинов и их семей, проживавших в этом городе. Константинополь, будучи столицей Византии, поддерживал тесные сношения с остальным тюркским миром. Примерно через сто лет после упоминавшихся событий (568—569 гг.) сюда прибыло посольство Тюркского каганата. В состав ответного Византийского посольства 576 г. было включено 105 тюрков, проживавших в Константинополе [22. С. 56]. Что касается огузов, одна их ветвь — оногуры (onoguz) [23], по результатам новейших исследований, была вовлечена в продвижение на запад в составе орды Аттилы и поселилась во Фракии и Мезии; после крушения господства Аттилы оногуры вернулись на Кавказ, поселившись вблизи Дарьяльского ущелья по соседству с обитавшими здесь родственными племенами сарагур и огур. По истечении девяти лет после смерти Аттилы, т. е. в 463 г., эти три племени, оказавшись во вражде с преемниками царя гуннов, отправили своих послов через Закавказье в Константинополь и вступили с ним в прямые сношения [27. С. 48—51]. Кстати, все три этнонима специальная литера-

тура относит к собственно булгарским (точнее будет сказать,—к протобулгарским) племенам. Это тем более важно, что в «Книге Коркуда» рядом с этнонимами и эпонимами *Канглы-Коджа*, *Дондар-бек*, *Ушун-Коджа*, *албаны* встречаются имена: «муж—*Балгар*»; другой витязь—«*Дюгер*, глава тысячи сородичей» [28]. Последний эпоним, как не трудно заметить,—это имя одного из 24 огузских племен по Махмуду Кашгари; вместе с тем здесь налицо очевидное тяготение к ономастике центрального Кавказа (Балкарского ущелья). Дигорцев—осетин, диалект которых изобилует тюркизмами и которые говорят «на самом старом тюркском наречии» [29. С. 70], соседи балкарцы называют тем же древним булгарско-огузским именем: *дюгер*. Связующим звеном между информацией огузского героического эпоса «Книга Коркуда» и ономастикой Кавказа следует считать тех же оногуров. Дело в том, что в течение синхронного отрезка времени часть оногуров появилась в Закавказье [30. С. 153—162].

Таким образом, знатные богатыри Алп-Эрен из «Книги Коркуда» и Этил-Алп из «Огуз-наме» предстают перед нами как бы двуединым эпическим персонажем. Анализ исходной информации, заключенной в их эпической биографии, устанавливает тождество основных деталей жизненного пути обоих. Здесь мы имеем дело с идентичной моделью эпического сходства между Гераклом-Таргитаем у Геродота и Ростемом у Фирдоуси.

Алп-Эр//Алп-Эрен на древнетюркском означает «герой воин, исполнил муж». Большая надпись памятника Кюль-Тегина: *alp ăr bizinä tǣgmiš ǣrti* «герои воины бросились на нас» [31. С. 32, 41; 32. С. 82]. «Книга Коркуда» (в этой части рукопись дефектна): *الب ار نلر قومينلن فيورردى اولور* «герои мужи отворачиваются разве от своего жребия?» [7. С. 181]. В древнетюркских и средневековых источниках встречается целый набор мужских имен с приставкой *alp*: Алп-Кутлуг, Алп-Тархан, Алп-Тегин, Алп-Тогурул и др. Судя по надписи памятника Кюль-Тегина, даже боевой конь этого полководца носил имя Алп-Шалчы. Однако простое сочетание *алп* и *эр* в качестве самостоятельного имени не является характерным. Трудно освободиться от мысли, что имя фиксировано не полностью, что в нем недостает какого-то звена.

Основой предположительной реконструкции может служить хорошо известное имя легендарного царя Турана Тонга-Алп-Эр. Быть может, первоначально на языке сказителей имело хождение имя собственное подобной модели: Этил-Алп-Эр (Эрен). Когда же сказания достигли определенного уровня дифференциации или когда появились первые их записи (задолго до сохранившихся Дрезденской и Ватиканской рукописей), произошло расчленение единого имени на две части, в каждой из которых остался промежуточный компонент «алп»: Этил-Алп, который фиксирует «Огуз-наме», и Алп-Эрен в «Книге Коркуда». Более чем очевидное сходство эпической биографии двух героев по их источникам едва ли имеет другое объяснение.

Эпическая биография Этил-Алпа/Алп-Эрена сохранила в себе отголоски жизненной летописи Аттилы. Более того, с течением времени в эпических сказаниях огузов черты Аттилы закрепились и за Этил-Алпом/Алп-Эреном и за легендарным родоначальником Огуз-ханом. Становится очевидным, что в становлении эпического образа Огуз-хана наряду с древнейшим гуннским князем Моде//Мете, жившим во II в. до н. э. (об этом в литературе уже писалось) [33. С. 33—43; 16. С. 61—67; 224—235], «принимал участие» и Аттила. Свой отпечаток этот факт на-

от.
сашн.

ложил и на эпические имена: *Этил* (*عتیل*) и *Аттила*—патронимы, связь которых, пожалуй, настолько очевидна, что едва ли может вызвать сомнения. Однако следует оговориться, что здесь имеется в виду фонетическое и графическое соответствие между *Atil* (Этил) и *Аттила*. Что же касается этимологии, то А. Вамбери, И. Ф. Граммер-Пургшталь, Фр. Альтхайм, Г. Моравчик, О. Прицак, М. Я. Сироткин связывают имя *Аттилы* с тюркским *Atil* (Волга), Р. Л. Рейнгольдс—с тюркским *ata* (отец), в то время как Г. Дёрфер, О. Менхен-Хельфен и некоторые другие исследователи считают его однозначно германским [34. С. 97 и след.; 35. С. 43]. Более дифференцированно, как нам представляется, подошел к вопросу К. Г. Менгес. Согласно его точке зрения, это имя, «как кажется, уменьшительное образование готск. *atta* 'отец', т. е. Аттила 'батюшка'. *Ata* 'отец' также в алтайских и тюркских языках, но диминутивы или другие производные с *-il* (-а) здесь неизвестны. Некоторые сопоставляют это имя с названиями Волги: Атил, Эдил, Идил, Итил» [36. С. 38, примеч.].

Второе ономастическое совпадение связано с именем *Дэнгиз*, означающим в переводе с древнетюркского «море». То, что один из сыновей и Аттилы и Огуз-хана носил имя Денгиз (в этом мы убедились выше), есть важное доказательство взаимозависимости упоминаемых образов, один из которых принадлежит подлинной истории, другой же является персонажем эпического творчества древних огузов [в этой связи привлекает внимание следующее наблюдение Х. Г. Короглы: азербайджанский правитель XV в. Мирза Джаханшах Кара-Коюнлу, ссылаясь на какую-то огуз-наме, полагал, что его отец Кара-Юсуф (1390—1420) в сорок первом поколении восходил к Денгиз-Алпу [37]—младшему сыну Огуз-хана] [3. С. 70].

В сущности, по общим канонам эпического искусства переплетение разновременных событий представляет собой заурядное явление. В эпосе «Давид Сасунский», как подметил еще И. А. Орбели, оказались сплетенными в единое целое представления об арабском времени (образ халифа) с доисламской—«предшествующей стадией развития начальных этапов эпоса» [38. С. 72—73], ибо тот же образ халифа хранит в себе отголоски ассирийских времен (есть варианты, в которых вместо халифа выступает ассирийский царь Сенекерим—Синахериб). Не менее типичный пример—русская былина «Добрыня и Василий Казимирович». Исследованием С. Н. Азбелова установлено, что после Куликовской битвы 1380 г. подвиг в Золотой Орде русского посла Захария Тютчева послужил основой для раннего былинного сказания, которое в XV столетии было переработано с использованием не дошедшей до нас былины о поездке Добрыни за данью; в дальнейшем под воздействием освобождения Руси от золотоордынского ига и высылки Иваном III новгородского посадника Василия Казимира (1480—1481) былина приобретает свой окончательный вид [39. С. 76—133].

Образы эпических героев создавались синтетическим путем—путем напластования друг на друга наиболее выдающихся, особо памятных эпизодов истории и духовной культуры народа. Отчетливо прослеживаемая линия связи Алп-Эрен/Этил-Алп—Огуз-хан—Аттила является тому доказательным примером.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л., 1974.

² Напомним также, что Х. Короглы отождествляет Алп-Эрена с Афшар-беком из

анонимной «Генеалогии» — источника сочинения автора XVI в. Османа Байбуртлу [З. С. 167]. Однако о том, имеет ли подобная идентификация под собой какую-то основу, исследователь ничего не пишет.

³ *Короглы* Х. Огузский героический эпос. М., 1976.

⁴ По «Книге Коркуда» за основу взят перевод В. В. Бартольда, по «Огуз-наме» — перевод В. М. Жирмунского. Однако для точности нами в них внесены некоторые коррективы. По техническим причинам оригиналы отрывков из рукописей в арабской графике не приводятся.

⁵ Фраза «овладевший ключами 57 крепостей» имеется и в описании биографии другого героя — Дюлек-Вурана. Исходя из этого, Ф. Сюмер и Ш. Джемшидов полагают, что Алп-Эрен и Дюлек-Вуран — один герой. Однако эта версия лишена основания. Полностью разделяем мнение В. М. Жирмунского [1. С. 610—611] и О. Ш. Гекья [6. С. 157], считающих упоминаемых героев братьями. В книге оба они проходят как «сын Элик-Коджи». Очевидно, во взятии крепостей участвовали оба брата. В остальном детали их биографий не совпадают.

⁶ *Dedem Korkudun Kitabı*. Istanbul, 1973.

⁷ *Китаби Деде Коркуд*: Факсимиле Дрезденской рукописи/Изд. М. Эргина, 1958 г.

⁸ *Gökyay O. Ş. Dede Korkut*. Istanbul, 1938.

⁹ *Раевский Д. С.* Модель мира скифской культуры. М., 1985.

¹⁰ Совпадение элементов эпической биографии указанных героев в данном случае обязательно было результатом того, что истинно главный герой книги — Казан-хан будто оказался оттесненным на второй план образом Байындур-хана, «вставленного» в эпос «в период военной гегемонии в Малой Азии» (?) племени Байындур из объединения Ак-Коюнлу [1. С. 564—565]. Напротив, в таком совпадении мы усматриваем отражение древнетюркской дуальной власти, при которой верховное государственное управление осуществлялось не самим «великим хаканом», а его военачальником джебу (ягбу) или шадом, также носившим титул «хакан» (по этому вопросу см.: [11. С. 279—295; 12. С. 195—229; 13. С. 150—159; 14. С. 121—124]). Историческим аналогом древнетюркского «двоевластия» в какой-то мере можно считать институты средневековой Японии, где вся полнота управления государством была сосредоточена не у микадо — императора, а в руках его наследственного *сёгуна* (букв.: главнокомандующий военачальник), которого в европейских источниках опять-таки уподобляли императору, наделяя титулом «великий король». Тот факт, что Байындур-хан из «Китаби Коркуда» — историческое лицо, а не персонификация этнонима, довольно веско подтверждает Х. Г. Короглы [З. С. 66].

¹¹ *Григорьев В. В.* О двойственности верховной власти у хазаров//ЖМНП. 1834. Ч. 3.

¹² *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962. Т. 1.

¹³ *Новосельцев А. П.* К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя//История СССР. 1982. № 4.

¹⁴ *Буниятов З. М., Алияров С. С.* О титуле «каган»//Изв. АН АзССР. Сер. истории, философии и права. 1984. № 4. На азерб. яз.

¹⁵ *Oğuz destanı. Resîdeddin oğuznamesi*. Istanbul, 1972.

¹⁶ *Бернштам А. Н.* Очерк истории гуннов. Л., 1951.

¹⁷ *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов/Вступит. ст., пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. М., 1960.

¹⁸ *Крамер С. Н.* История начинается в Шумере. М., 1965.

¹⁹ Книга моего деда Коркуда/Пер. акад. В. В. Бартольда. М.; Л., 1962.

²⁰ *Якут ал-Хами*. Муджам ал-булдан. Хамдаллах Казвини. Нузхат ал-Кулуб/Пер. с араб. З. М. Буниятова и П. К. Жузе. Баку, 1983.

²¹ *Мавродин В. В.* Очерки истории СССР: Древнерусское государство. М., 1956.

²² *Еремеев Д. Е.* Этногенез турок. М., 1971.

²³ О закономерности звукового перехода $p \rightarrow z$ в тюркских языках см.: [24—26a].

²⁴ *Дмитриев Н. К.* Соотношение p/z /В кн.: Исследование по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1955. Т. 1.

²⁵ *Ахметьянов Р. Г.* К вопросу о природе звуковых переходов в тюркских языках: (о переходе $p \rightarrow z$)//Вопр. языкознания. 1961. № 6.

²⁶ *Серебрянников Б. А.* Что было первичным — z или p ?//Сов. тюркология. 1971. № 1.

^{26a} *Хелимский Е. А.* Происхождение древнетюркского $r \rightarrow z$ и дилемма «ротацизма-зетацизма»//Сов. тюркология. 1986. № 2.

²⁷ *Джафаров Ю. Р.* Гунны и Азербайджан. Баку, 1985.

²⁸ В рукописи — *бин гавум башлары*, что В. В. Бартольд неточно перевел как «глава тысячи народов» [19. С. 58].

²⁹ *Мизиев И. М.* Шаги к истокам этнической истории центрального Кавказа. Нальчик, 1986.

³⁰ *Джафаров Ю. Р.* Оногуры византийских писателей и хайландуры Елише//В кн.: Византийский временник. 1980. Т. 41.

- 31 Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951.
32 Стеблева И. Я. Поэзия тюрков VI—VIII веков. М., 1965.
33 Бернштам А. Н. Историческая правда в легенде об Огуз-кагане//Сов. этнография. 1935. № 6.
34 Дёрфер Г. О языке гуннов//В кн.: Зарубежная тюркология. М., 1986.
35 Баскаков Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985.
36 Менгес К. Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». М., 1979.
37 Здесь присутствует древнетюркский смычно-носовой звук *ng*; у Короглы—Дениз.
38 Орбели И. Армянский героический эпос. Ереван, 1956.
39 Азбелов С. Н. Историзм былин и специфика фольклора. М., 1982.

АХМЕД Б. ЭРДЖИЛЯСУН

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ О ДАСТАНЕ «ОГУЗ КАГАН»

Турецкий историк-мамлюк Абу-Бекр бин Абдуллах бин Ай Бек Ед-Девадари в своем произведении под названием «Дюрерю-т Тиджан ве Гуреру Таварихи-л-Эзмай» говоря о татарах, которые, победив Желал-ад-Дина хорезмшаха, пришли в Восточную Анатолию и окружили Нусайбин, пишет следующее: «Скажем, откуда пришло это племя, и упомянем о их предшественниках, ссылаясь на их собственную книгу под названием „Улу-хан Ата Битигджи“. Это название означает: „Книга великого правителя-отца“. Из ранних тюрков эту книгу знают монголы и кыпчаки и относятся к ней с очень большим уважением. Так же, как и у других тюрков, есть книга под названием „Огуз-наме“. Ее передают из рук в руки. В ней упоминаются их истоки и первый правитель, то есть Огуз» [1. С. 202].

Книгу «Улу-хан Ата Битигджи» в 826 г. перевел с тюркского на персидский врач по имени Джибрилль бин Нахтишудж (?). Девадари использовал этот персидский вариант. Имя отца Джибриля, переводившего книгу в 826 г., очевидно, не было понято или Девадари или переписчиками. Графическая запись *بحشیو* возможно, содержит слово *bahşi*. К тому же о переводчике упоминается как о враче. По нашему мнению, ошибка есть и в названии книги. В слове «Битигджи» буква «джим», поставленная между буквами «кяф» и «йе», появилась в результате непонимания слова. Должно быть не «битигджи», а «битиги». К тому же название переведено как «Улу баба хюкюмдарын китабы» («Книга великого правителя-отца»), что в точности соответствует содержанию заглавия «Улу-хан Ата Битиги».

Можно ставить под сомнение эти сведения Девадари начала XIV в. 826 год на самом деле—очень древняя дата. Но невозможно и полагать, будто Девадари эти сведения полностью выдумал. Во всяком случае, до Девадари среди тюрков были распространены и даже записаны две книги: «Улу-хан Ата Битиги» и «Огуз-наме». Девадари, который упоминает и об «Огуз-наме», ничего не говорит о дате ее написания или о каком-либо переводе. Но только из характера повествования можно понять, что во времена Девадари «Огуз-наме» была более распространенной. Он пишет: «Так же, как и у других тюрков, есть книга под названием „Огуз-наме“», т. е. «Огуз-наме» в качестве более известной книги приводится в виде примера с тем, чтобы монголы и кыпчаки знали и уважали книгу «Улу-хан Ата Битиги». И «Огуз-наме», оказывается, тюрки передают из рук в руки, в ней упоминается их исток и первый правитель Огуз. Затем Девадари кратко излагает рассказ о Тепегезе,

имеющийся в «Огуз-наме» [1]. Ясно, что «Огуз-наме» не является ни одним из известных дастанов Огуза, так как в ней есть как упоминание об истоке тюрков и Огуз-хане, так и рассказ о Тепегезе. Это показывает, что повествующий о жизни Огуза дастан «Огуз Каган» с течением времени пополнился приключениями внуков Огуза и их беков, превратившись в большую «Огуз-наме». Эта «Огуз-наме» должна была иметь широкое распространение среди западных огузов. Впоследствии «Тепегез» и одиннадцать других рассказов уже отдельно от «Огуз Кагана» были включены в «Книгу Деде Коркуда». В дастане «Огуз Каган» на уйгурском языке нет следов, связывающих его с рассказами Деде Коркуда. Очевидно, в той среде, где он писался, эти рассказы не имели особого распространения. Что же касается Рашидаддина, то он сознательно не включил рассказы Деде Коркуда, поскольку хотел написать чисто историческое произведение. Когда повествование касается Кайы Инал-хана, упоминается и о Деде Коркуде, при этом отмечается, что он вершит чудеса и знает много рассказов и что о нем будет сказано отдельно [2. С. 55]. Но Рашидаддин, к сожалению, отдельно об этих рассказах не упомянул.

Дастаны, и особенно дастан «Огуз Каган», имеют большое значение с точки зрения отношений между тюрками и монголами. Сведения Девадари привлекают внимание и в этом плане. По его мнению, книга «Улу-хан Ата Битиги» повествует о том, откуда вышли татары, преследующие Джелал-ад-Дина хорезмшаха, и кто их предки. Указанную книгу «из ранних тюрков знают монголы и кыпчаки и относятся к ней с очень большим уважением». Эти заметки свидетельствуют о том, что Девадари, являющийся тюрком-мамлюком, не видит особого различия между названиями «тюрк—татарин—монгол—кыпчак», он всех их считает тюрками. У Рашидаддина о монголах говорится, как о племени дядей Огуз-хана. Огуз-хан с ними борется и ссылает их в Каракорум. Обращаясь к Огуз-хану, монголы говорят: «Мы из твоего рода и племени; мы являемся ростками и ветвями, произрастающими из одного корня, мы—плоды их» [2. С. 20]. Эти замечания свидетельствуют о том, что во времена Рашидаддина туркмены полагали Огуз-хана и монголов детьми братьев. Как нам кажется, разделить мнение о том, что такая вера среди туркмен возникла после Чингис-хана, довольно трудно. Так, у Абу-ль-Гази говорится, что Алынджа-хан имел двух сыновей-близнецов по имени Татар и Монгол. Огуз-хан является внуком Монгол-хана. Таким образом, указывается, что огузы произошли от Монгол-хана, а сами монголы—от Татар-хана [3. С. 25]. Нелегко полагать, что все эти легенды возникли после Чингис-хана. ?

Разумеется, после Чингис-хана эти туркменские сказания могли получить некоторые добавления. Но составляющая их основу мысль о родстве тюрков и монголов несет, по нашему мнению, следы гораздо более древних эпох, может быть, и эпохи гуннов, праотец которых Мотун имел много схожих черт с Огуз-ханом. Для Рашидаддина, который, передавая дастаны и легенды, говорит о тюркско-монгольском родстве, туркмены той поры являются как бы первыми представителями алтайской общности. Подробное изучение описания этих отношений в дастанах и их сравнение с историческим материалом, вероятно, может дать еще и иные результаты. !?

Другой вопрос, на котором мы хотели бы остановиться, касается тюркской космогонии, нашедшей свое отражение в дастане «Огуз Каган» на уйгурском языке. Когда Огуз Каган женился на девушке, спустившейся с неба вместе со светом, у него родилось три сына, их

назвали Кюн, т. е. солнце, Ай и Йултюз. Когда он женился на девушке, находившейся посреди озера в дупле дерева, у него также родилось три сына, которых назвали Кек, Таг и Тенгиз [4. С. 12—14]. По нашему мнению, эти мотивы являются отражением в дастане в сильно измененном виде первых представлений тюрков о сотворении мира. Ясно, что имена, данные детям, не могут быть случайными: первые три имени представляют мир звезд, а три вторых—поверхность земли, о чем много раз упоминалось и раньше. И в самом деле, первые трое названы Солнцем, Луной и Звездой и представляют мир за пределами Земли, т. е. космос. К тому же мать их вышла из голубого света, пришедшего с неба. Дети, рожденные от второй жены, названы Небом, Горой и Морем, они представляют поверхность земли. Здесь небо тоже принадлежит поверхности земли. Мать же их вышла из дупла дерева, находящегося посредине озера. Если исходить из этих символов, то мы можем следующим образом передать первые верования тюрков о сотворении мира.

Вначале был создан космос, где находятся солнце, луна и звезды. В этом определенную роль сыграл Небесный Бог (девушка, которая вышла из спустившегося с неба света). Затем была создана поверхность земли, где находятся небо, горы и моря. В этом замешан Бог Земли и Воды (девушка, вышедшая из дупла дерева посредине озера).

В алтайских преданиях, несмотря на многочисленные пропуски, добавления и изменения, основная линия аналогична. Имеется Бог-создатель: Юльген, Кудай, или Кайракан. Этот бог летает над бескрайними водными просторами. Земли, неба, луны и солнца нет. По легенде, переданной Вербицким, бог Юльген «сказал, пусть будет создана земля,—земля была создана; сказал, пусть будут созданы небеса,—небеса были созданы. Так он создал весь мир». После этого он создал человека [5. С. 19—20]. По алтайской легенде, записанной Радловым, вначале были бог Кудай и человек. Бог с помощью человека создает землю, горы и холмы [5. С. 14—19]. Эта основная линия, связанная с созданием неба, земли и человека, находит самое точное отражение в следующей фразе из орхонских памятников: «*üze kök tengri asra yağız yir kılındukdık iki ağı ağı kişi oğlu kılınımış*» [6].

Принимая то, что, как мы выше указали, в дастане «Огуз Каган» имена детей символизируют сотворение мира, мы можем сказать, что и Огуз Каган представляет Человека [9]. Таким образом, по дастану «Огуз Каган», вначале был создан человек, затем мир звезд, а уже затем—земля. Описанная Рашидаддином борьба Огуз-хана с его отцом Кара-ханом также, возможно, есть не что иное, как содержащаяся в алтайских легендах борьба между Богом Кайраканом и Человеком. Беки же Огуза, умеющие искусно делать плоты, телеги, соответствуют в алтайской легенде духам-помощникам, имена которых взяты из буддийского пантеона. Майтере обучает людей многим вещам, он делает телеги, назначает травы для употребления в пищу. Мангдашире изготавливает удочку и ловит рыбу, он изобретает ружье и порох и подстреливает белку.

В связи с тем, что верования древних тюрков о сотворении мира отразились в дастане «Огуз Каган», интересно знать, каковы же были суждения создателей дастанов, какой метод у них преобладал. Создавали ли они дастан, непосредственно одухотворяя небесные и земные тела, богов и духов или приспособливали к своим предкам, о геройстве и делах которых до них доходили некоторые легенды, имевший место в их верованиях процесс сотворения мира и присваивали им имена сотворяемого? [11]. Предполагаем, что ответить на эти вопросы, опи-

раясь на тексты дастанов и легенд, сильно отклонившихся с течением времени от оригиналов, невозможно. Однако удивительные обстоятельства рождения и женитьбы Огуза Кагана, то, что имена первых детей были, несомненно, связаны с космосом, а последующих — с землей, мысль, что эта связь не могла быть случайностью, так или иначе привели нас к самым древним верованиям тюрков.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Süleymaniye Dâmad İbrâhim Paşa Kt. Nu: 913.
- ² Zeki Velidi Togan A. *Oguz Destani*. Istanbul, 1972.
- ³ Ebûlgazi Bahadır Han. *Secere-i Terakime/Hazirlayan Muharrem Ergin*.
- ⁴ Bang W. ve Rahmeti G. R. *Oguz Kagan Destani*. Istanbul, 1936.
- ⁵ Inan Abdülkadir. *Tarihte ve Bugün Şemanizm*. Ankara, 1972. (*Verbitski*. *Altayskiye porodtzi*, s. 89—100' den naklen).
- ⁶ С. П. Толстов придерживается того же мнения. См.: [7. С. 3—41; 8. С. 26].
- ⁷ Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен//Проблемы истории докапиталистического общества. 1935. № 9—10.
- ⁸ Mireli Seyidov. *Azerbaycan Mifik Tefekkürünün Gaynaglari*. Baki, 1983.
- ⁹ Вспомним, что здесь Поль Пелио (Paul Pelliot) слово «oguz» связывает с «oguş», ранее означавшим «семью». См.: [10. С. 4].
- ¹⁰ Sinor D. *Oguz Kagan Destani Uzerine Bazi Mûlahazalar*//TDED. Istanbul, 1950. IV/1—2.
- ¹¹ Мирали Сейидов, похоже, разделяет эту точку зрения. См.: [8. С. 263—264].

Перевод с турецкого Ю. В. Щек

С. А. КАСКАБАСОВ

ЖАНР БЫЛИЧКИ В КАЗАХСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

В казахском фольклоре имеются возникшие в давние времена рассказы, повествующие о встрече человека с демоническими существами—албасты (ведьма), насылающая порчу и смерть на рожениц), үббе (водяной), күлдіргіш (колдунья, изводящая людей смехом и щекоткой), жезтырнак (демоническая женщина с медными ногтями), жалғыз кеді дәу (одноглазый великан) и т. п. Рассказы подобного характера о встрече человека с лешим, домовым, водяным, полудницей, чертом имеются и в русском фольклоре и называются «быличками». Они хорошо изучены русской фольклористикой [1; 2. С. 185—188 и др.], чего, к сожалению, нельзя сказать о казахских быличках.

В наши дни былички исчезают из фольклора. В данной статье рассматриваются в основном тексты, изданные в XIX—начале XX в.

В. И. Ленин в «Конспекте книги Гегеля „Наука логики“» отмечал: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но творит его» [3. С. 194]. В этом смысле казахские былички—отражение древних верований, народного мифотворчества. Веря в созданный ими самими фантастический мир, люди рассказывали о нем различные истории, повествовали о приключениях, якобы случившихся с тем или другим человеком, верили в них и поэтому придавали им правдоподобный характер. Такие повествования, возникшие в незапамятные времена, сопутствовали обществу на протяжении многих веков и, видоизменяясь в каждую эпоху, трансформируясь, дошли до XX в. Они донесли до нас архаические представления о мире, верования и мифологические понятия наших далеких предков.

Имеющиеся казахские материалы говорят о том, что быличка [4] представляет собой трансформировавшийся в эпоху феодализма архаический миф, который утратил свою сакральность и этиологичность, но сохранил мифологический характер, хотя и видоизмененный. «Предполагают, что большинство из этих демонологических представлений сложилось в эпоху раннего феодализма, так как крестьянская, избяная основа их устанавливается без труда, но **какая-то часть демонологических представлений могла быть и более древней**. В представлениях о лешем, водяном, злыднях и полуднице угадывается естественная природная основа. Леший, несомненно, олицетворяет дремучую лесную глушь, водяной—опасные речные и озерные глубины, полудница—дневной жар, губительный для неосторожного человека. **Возможно, что какая-то часть этих представлений ведет начало от древнейшей мифологии наших далеких предков**» [5. С. 13] (выделено нами. — С. К.).

На наш взгляд, эти демонологические образы сложились в недрах мифологических представлений. В патриархально-родовом обществе они активно бытовали в системе мифологии, а с разложением рода и становлением феодальных отношений переосмыслились и трансформировались. Нет сомнения в том, что все эти лешие, водяные в русских быличках, равно как и казахские албасты, жезтырнак, үббе, первоначально, в архаических представлениях и мифах, считались духами-хозяевами отдельных местностей, леса, воды и т. п. В результате перехода предков русских и казахов от родового строя к феодализму, минуя рабовладельческий, а также распространения монотеистического учения (христианства—среди русских, ислама—среди казахов) эти мифологические образы не были приняты новой религией, и связанные с ними обряды стали преследоваться как язычество и шаманство. Рассказы о них в условиях монотеистического феодального общества перестают выполнять познавательную функцию и отходят на периферию духовной жизни общества, уступив место тем жанрам фольклора, которые имели идейно-эстетическое, дидактическое назначение, и ранней литературе.

Быличка является одним из жанров устной народной прозы. Ее жанровые признаки характеризуются своеобразной системой образов и композиционными приемами, формой исполнения и тематикой. Сюжетная организация былички, изображение персонажей в ней, описание природной ситуации, образ самого рассказчика—все это обусловлено целевой установкой и подчинено одному—доказать наличие в мире сверхъестественных существ и заставить слушающего поверить в них. Поэтому быличка в большинстве случаев рассказывается как личное воспоминание или же как событие, случившееся с каким-либо хорошо известным в народе человеком, либо с близким другом, родственником рассказчика.

Следует сказать, что быличка, рассказанная от первого лица в форме личного воспоминания, часто включается в ткань сказочного или иного типа художественного повествования. Обычно главный герой рассказывает быличку как историю, случившуюся с ним самим. Классическим примером этого могут служить былички о встречах батыра Мамай с жезтырнак и пери, рассказанные самим героем.

Они отличаются фактической точностью описания места действия, достоверностью изображения чувств и поступков героя, реалий быта.

Перед нами—будничная, ничем не примечательная жизнь казахского аула, в которую врывается история о встрече человека и жезтырнак, которая кончается победой человека над злыми силами. Когда же речь заходит о приключениях самого рассказчика, у слушателей наряду с любопытством возникает чувство страха, вызванное и содержанием, и интонацией рассказываемого. Это составляет еще одну жанровую особенность казахской былички, отличающую ее от сказки или эпоса.

По сравнению со сказкой в быличке мифологические персонажи более опасны для человека. Не случайно, например, некоторые былички кончаются трагически: после встречи с представителем другого мира человек либо теряет сознание, либо погибает. Таинственный и трагический характер сюжета, а также то, что событие нередко происходит с человеком, когда он находится один в безлюдном месте, как бы между сном и явью, усиливают мифологичность былички и веру в рассказываемое.

При определении жанровых особенностей былички следует учитывать специфику ее бытования среди населения. Она никогда не расска-

3 «Советская тюркология» № 6

зывается для развлечения или веселья. Надобность рассказать быличку возникает при определенной ситуации, когда собравшиеся, в зависимости от темы беседы и психологического настроя, начинают вспоминать разные истории и приключения из своей жизни или же услышанные и происшедшие с кем-либо из друзей, либо знакомых. Так рассказываются одна быличка за другой, а слышавшие эти истории затем пересказывают их.

У казахов былички рассказывали чаще всего охотники, путники и пастухи, которые по роду занятий подолгу бывали в безлюдных местах, ночевали под открытым небом, постоянно находились в окружении безмолвной и таинственной природы с ее необъяснимыми для них явлениями. Естественно, что они воспринимали окружающий их мир полным опасностей, неведомых, враждебных человеку существ. Помня рассказы о жезтырнак, албасты, үббе и других, они воображали, что сами встретились с ними и рассказывали затем об этом. О подобном процессе пишет В. Аникин, упоминая о быличке про встречу крестьянки с лешим: «Здесь рассказ-быличка о встрече с лешим идет от имени самого лица, ругающегося за правду происшедшего. Такие былички напоминают сказ. Распространенность подобных быличек выдает их принадлежность массовой традиции. Несомненно, еще до памятного случая крестьянка, которой привиделся леший, была подготовлена подобными рассказами и приняла в испуге шум, показавшийся ей человеческим голосом, и другие явления собственного воображения за достоверный факт встречи с хозяином лесной глуши. Вся форма вымысла типична для народных суеверий. Каждая из таких быличек-сказов воспроизводила мир сверхъестественных существ в меру пылкости воображения рассказчика, пережившего сильное чувство испуга» [5. С. 14].

В отличие от сказки и некоторых других жанров устной народной прозы, в быличке описывается внешность мифологических персонажей: общий вид, цвет лица, глаза, походка, одежда. Обычно в рассказе долго не сообщается, что это за существо: в облике девушки оно может сопровождать путника (шайтан), в облике женщины явиться к охотнику и делить с ним трапезу (жезтырнак), в виде лисицы забежать в юрту, где лежит роженица (албасты) и т. п. Только в конце повествования раскрывается, кто это был.

Однако есть и исключения—в отдельных быличках дан портрет жезтырнак, албасты и пери. Вероятно, они были записаны в поздний период и в процессе длительного взаимодействия фольклора и письменной литературы испытали влияние последней.

В устно-поэтическом творчестве казахов, наряду с простыми быличками типа сказа (или мемората), имеются и несколько циклизированные и более или менее разработанные в художественном плане былички. Разумеется, здесь нельзя сбрасывать со счетов и возможность влияния других художественных жанров фольклора и даже письменной литературы, поскольку образцы быличек записаны очень поздно. Но превращение былички в сказку и даже в эпос, видимо, вполне закономерно для фольклора общества, перешедшего от патриархально-родового строя непосредственно к феодальному, минуя рабовладельческую формацию. Такое обнаруживается и в русском фольклоре [6. С. 24—25; 5. С. 15]. Но, в отличие от русского фольклора, в казахском сюжеты и герои быличек встречаются и в сказке и в эпосе [7].

Это объясняется спецификой казахского фольклора, в течение долгого времени игравшего основную роль в духовной жизни народа. Фольклорные жанры развивались в тесном взаимодействии друг с другом.

Быличка как один из жанров, с одной стороны, все больше обретала черты художественного произведения, а с другой—все активнее функционировала в системе других жанров. Это способствовало относительно быстрому переходу былички в форму легенды или сказки, что привело к уменьшению быличек в составе казахского фольклора. Однако былички не исчезли совсем, имеются тексты быличек, опубликованные и записанные на рубеже XIX и XX вв. Определенная часть этих произведений являет собою не просто рассказ «очевидца», а целое повествование о встречах с демоническими существами. Излагавшийся прежде как воспоминание сюжет, в основе которого лежало одно событие, усложняется и становится произведением с более или менее развитой фабулой. Бесхитростный меморат превращается в фабулат, а быличка—в сказку. Это особенно заметно в быличках, где действия и поступки мифологических персонажей носят целенаправленный характер, имеют своеобразную «психологическую мотивировку». Например, в быличках «Мамай батыр» и «Жайық пен Еділ» («Жайык и Едиль») потомки жезтырнаков, убитых батырами Мамаем, Жайыком, Едилем, стремятся отомстить людям за гибель своих родителей, идут на конфликт с людьми сознательно. В быличках рассказывается о столкновении потомков жезтырнаков с детьми батыров [9. П. 116; 10. С. 38—44; 11. С. 202—207; 12. П. 152; 13. С. 103—108; 14. П. 204 и др.]. Здесь сюжет развернут в фабулу, действия мотивированы и налицо не только сюжетная, но и генеалогическая циклизация, присущая богатырской сказке и героическому эпосу. Вражда между предками переходит к их потомкам. Можно сделать вывод, что часть дошедших до нас быличек является переходной формой к сказке. В них присутствуют элементы поэтизации, что свидетельствует об ослаблении познавательной функции и усилении эстетической направленности быличек.

Родившиеся в древности рассказы о встречах человека со сверхъестественными существами—циклопом, бабой-ягой, драконом, жезтырнак, үббе, пери, албасты, шайтаном первоначально возникли как меморат или быличка.

Со временем часть этих рассказов проникла либо превратилась в другой жанр—сказку—и стала рассказываться только в виде сказки либо в ее составе. Таковыми являются сказки, где фигурируют дракон, баба-яга, див, пери и шайтан. Несомненно, когда-то рассказы о них тоже были быличками и воспринимались как реальные истории. Другая же группа подобных рассказов осталась в виде быличек. Правда, часть их в условиях казахской устно-поэтической культуры и традиции дошла до нас в стадии перехода от былички к сказке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.

² Аникин В. П., Круглов Ю. Г. Русское народное поэтическое творчество. М., 1983 и др.

³ Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Наука логики»//Полн. собр. соч. Т. 29.

⁴ Под быличкой в казахском фольклоре мы понимаем устные рассказы, основанные на верованиях в сверхъестественные существа и повествующие об их встречах с людьми и чинимых ими кознях. По своему характеру, назначению и другим признакам эти рассказы соответствуют быличкам в русском фольклоре, что и позволило нам использовать этот термин для перевода понятия «хикая».

- ⁵ Аникин В. П. Художественное творчество в жанрах сказочной прозы: (К общей постановке проблемы)//В кн.: Русский фольклор. М.; Л., 1972. Т. 13.
- ⁶ Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре.
- ⁷ См., например, эпос «Өтеген батыр» в исполнении Джембула [8. С. 181—183].
- ⁸ Жабаев Ж. Екі томдық жинағы. Алматы, 1982. Т. 1.
- ⁹ Мамай батыр//Рукоп. ф. Ин-та лит. и искусства им. М. О. Ауэзова АН КазССР (Далее: РФ ИЛИ).
- ¹⁰ Қазақ ертегілері. Алматы, 1962. Т. 2.
- ¹¹ Буран батыр//Этногр. обозрение. 1891. № 1.
- ¹² Жайықтың әңгімесі//РФ ЦНБ. П. 152.
- ¹³ Жайық пен Еділ//Қазақ ертегілері. Алматы, 1962. Т. 2.
- ¹⁴ Мергенші//РФ ЦНБ.
-

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Б. А. АХМЕДОВ, Р. Г. МУКМИНОВА

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ПЕРСОЯЗЫЧНЫХ ХРОНИК XV—XVII вв.

Как известно, развитие языка, обогащение его лексического состава происходит и за счет заимствований, обусловленных потребностями экономических, социально-политических и культурных контактов народов, возрастающих по мере развития экономики, науки и культуры. Определенную роль в общении народов играл и политический фактор, когда какая-либо страна оказывалась временно завоеванной другим народом. Подобными событиями чрезвычайно богата история Средней и Центральной Азии, поэтому в составе лексики тюркских языков можно встретить большое количество арабских, персидских и монгольских слов, а в персидском языке—множество тюркских и монгольских.

Проблема тюрко-монгольских заимствований в средневековых персидских хрониках впервые глубоко и всесторонне была изучена немецким ученым Герхардом Дёрфером в его четырехтомном исследовании «Тюркские и монгольские элементы в новоперсидском языке» [1]. Отсутствие более ранних исследований в этой области связано со значительным отставанием развития сравнительного тюркского языкознания и с чрезвычайными трудностями проведения таких исследований. Работа Г. Дёрфера, несмотря на отдельные ее недостатки [1) узость хронологических рамок изучения; 2) привлечение не всех персоязычных сочинений XIII—XV вв.; 3) не полностью раскрыта семантика некоторых терминов и слов и неточное определение их языковой принадлежности] — важное событие в научной жизни. Особый интерес она представляет для исследователя, занимающегося изучением социально-политической истории феодального общества Средней и Центральной Азии, Ирана и Афганистана. Надо сказать, что в настоящее время весьма остро ощущается отсутствие толкового словаря хотя бы социально-экономических, административных и военных терминов, столь необходимых для изучения истории аграрных отношений, государственного и военного строя феодальных государств X—XIX вв. Материал для создания такого словаря можно почерпнуть из дошедших до нас исторических хроник, биографических и иных сочинений восточных авторов.

Большой фактический материал заключают в себе следующие персоязычные сочинения:

«Рузнаме-йи газават-и Хиндустан» («Дневник похода в Индию», написано между 801/1399—805/1403 гг.) Гийас ад-Дина 'Али;

«Зубдат ат-таварих» («Сливки летописей») Хафиз-и Абру (ум. в 833/1430 г.);

«Тарих-и арба' улус» («История четырех улусов») Мирзы Улугбека (составлено в 828/1425 г.);

«Зафар-наме» («Книга побед») Шараф ад-Дина 'Али Йезди (завершено в 858/1454 г.);

«Муджмал-и Фасихи» («Фасихов свод») Фасих Ахмада Хавафи (777/1375—845/1442);

«Матла' ас-са'дайн ва маджма' ал-бахрайн» («Место восшествия двух светил и место слияния двух морей») 'Абд ар-Раззака Самарканди (816/1413—887/1482);

«Раузат ас-сафа фи сират ал-анбийа ва-л-мулук ва-л-хулафа» («Сад чистоты относительно жизнеописаний пророков, государей и халифов») Мирхонда (ум. 902/1496 г.);

«Хабиб ас-сияр фи ахбар афрад ал-башар» («Друг жизнеописаний в известиях об отдельных людях») Гийас ад-Дина Хондемира (ум. в 942/1535 г.);

«Бадаи' ал-вакаи» («Удивительные события») Зайн ад-Дина Васифи (890/1485—после 958/1551);

«Шейбани-наме» («Книга о Шейбани») Камал ад-Дина Бинаи (857/1453—918/1512);

«Михман-наме-йи Бухара» («Книга бухарского гостя») Фазлал-лаха ибн Рузбехана (862/1457-58—927/1521);

«Тарих-и Абу-л-Хайр-хани Мас'уда ибн Усмана Кухистани (первая половина XVI в.);

«Тарих-и Рашиди» («Рашидова летопись») Мирза Мухаммад Хайдара (905/1499—1500—958/1551);

«Ахсан ат-таварих» («Лучшая из летописей») Хасан-бека Румлу (937/1530-31—год смерти неизвестен);

«Шараф-наме-йи шахи» («Книга шахской славы») Хафиз-и Таныша Бухари (написана между 992/1584—998/1590 гг.);

«Тарих-и 'аламара-йи 'Аббаси» («Мироукрашающая Аббасова история») Искандера Мунши (969/1561-62—1043/1633-34);

«Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» («Море тайн относительно доблестей благородных») (написано между 1044/1634—1050/1640-41);

«Шаджара-йи тюрк ва могул» («Генеалогия тюрков и монголов») Абу-л-Гази (хивинский хан в 1054/1644—1074/1663-64 гг.);

«Тарих-и Муким-хани» («История Муким-хана») Мухаммад Юсуфа-Мунши (составлено в нач. XVIII в.) и др. [2].

Все эти персоязычные сочинения включают множество заимствованных тюрко-монгольских слов и терминов. Процесс их заимствования продолжался вплоть до XVII в., и позднее в большей мере заимствовались термины и слова социально-экономического, административного и военного характера. В одной статье вряд ли можно показать всю заимствованную лексику в указанных сочинениях, поэтому мы приводим данные только из некоторых произведений, а именно: «Зафар-наме» Шараф ад-Дина 'Али Йезди, «Шейбани-наме» Камал ад-Дина Бинаи, «Шараф-наме-йи шахи» Хафиз-и Таныша Бухари и «Бахр ал-асрар» Махмуда ибн Вали.

Прежде всего отметим, что объяснение смысла и значения многих из приводимых в персоязычных хрониках тюркских и монгольских слов и терминов так запутано в двуязычных словарях, что трудно сказать, какое из них тюркского, какое—монгольского происхождения. Вопрос этот требует специального исследования, поэтому назовем их тюрко-монгольскими заимствованиями.

В «Мукаддима» и «Зафар-наме» Шараф ад-Дина 'Али Йезди встре-

чаем следующие тюркские и монгольские слова:

- 1) **Азука** — провизия и фураж, собираемые с населения для нужд войска.
- 2) **Атабек** — заступающий на место отца, регент.
- 3) **Ахтачи** — придворный конюший.
- 4) **Бакаул** — стольник.
- 5) **Барангар** — правое крыло войска.
- 6) **Баскак** — монгольский наместник в завоеванных оседлых областях.
- 7) **Бахши** — писцы при монгольских ханах.
- 8) **Башламиши** — отряд, идущий впереди войска.
- 9) **Билик** — правило, совет.
- 10) **Бугра** — верблюд-производитель; лакаб караханидского правителя.
- 11) **Гаджарчи** — проводник, путеводитель.
- 12) **Даруга** — наместник, градоначальник.
- 13) **Жавангар** — левое крыло войска.
- 14) **Жада таш** — камень, вызывающий или отвращающий дождь, снег, град.
- 15) **Жар** — объявление, призыв; приказ о мобилизации.
- 16) **Жарчи** — глашатай; разносящий приказы.
- 17) **Жирга** — круг загонщиков во время охоты; круг или полукруг для окружения неприятеля.
- 18) **Жиргамиши + кардан** — строить жиргу; встать в круг.
- 19) **Жибачи** — латник.
- 20) **Илгар** — нападение на неприятеля или город отборного конного отряда.
- 21) **Иль** — народ, племя, общество людей.
- 22) **Ильчи** — посланник, гонец.
- 23) **Ильчигири** — посольство.
- 24) **Канбул** — фланговое охранение.
- 25) **Караул** — сторожевой отряд, идущий впереди авангарда.
- 26) **Кайтул** — главная квартира, основная ставка.
- 27) **Кишлак** — зимовье.
- 28) **Кошун** — отряд, созданный из представителей одного племени; позднее — вообще войско.
- 29) **Купчур** — дань, оброк, налог с кочевого населения.
- 30) **Курчи** — стрелец, оруженосец.
- 31) **Курчи-баши** — глава курчиев; командир специального кавалерийского отряда, составленный из детей благородного класса.
- 32) **Кушламиши** — охота, устройство охоты.
- 33) **Кушчи** — сокольничий.
- 34) **Мангулай** — передовая часть войска, авангард.
- 35) **Нойон (нуйин)** — князь, предводитель у монголов.
- 36) **Савары (савурин)** — всякое подношение государю.
- 37) **Салик** — налог, подать.
- 38) **Санач** — кожаный мешок, бурдюк.
- 39) **Санчак** — знамя; небольшая область.
- 40) **Сачик** — разного рода подарки, преподносимые в случаях торжества; мелкие монеты, бросающиеся народу во времена свадебных торжеств.
- 41) **Сувчи** — должностное лицо, ответственное за переправу войска через водные преграды.
- 42) **Сукламиши** — приведение войска в движение.

- 43) **Суран** — боевой клич.
- 44) **Суюргал** — наследственная лень.
- 45) **Суюргамиши** — оказывать милость.
- 46) **Тавачи** — облаченный большими полномочиями военный сановник.
- 47) **Тагар** — съестные припасы; продовольственный налог.
- 48) **Такамиши** — преследование отступающего войска.
- 49) **Тамга** — печать, знак; торговые сборы.
- 50) **Ол-тамга** — красная печать; большая ханская печать.
- 51) **Танга** — золотая монета.
- 52) **Тансукат** — редкие вещи, преподносимые хану, заповедные товары.
- 53) **Таргу** — пища и питье; провизия.
- 54) **Тархан** — освобожденный от налогов и повинностей, облаченный особыми привилегиями сановник.
- 55) **Туг** — знамя, штандарт.
- 56) **Туман** — десятитысячное войско; денежная единица; подвластный столичному городу район.
- 57) **Тункал** — оповещение войска собраться в условленном месте.
- 58) **Тункатар** — ночной страж.
- 59) **Тура** — передвижное защитное сооружение при обороне.
- 60) **Тускал** — защита, охрана, конвой.
- 61) **Угрук** — палатка, стан; собрание палаток с членами семьи и слугами верховного правителя; обоз.
- 62) **Улаг** — вьючные или верховые животные.
- 63) **Улжа** — военная добыча.
- 64) **Улжамиши** — обязательство приходить к хану на аудиенцию с подарками.
- 65) **Улус** — подвластное хану, султану и крупному эмиру население.
- 66) **Улка** — территория; владение, край.
- 67) **Умак (уймак)** — род, племя.
- 68) **Урду** — ставка верховного правителя.
- 69) **Хан (хакан)** — верховный правитель у тюрко-монгольских народов.
- 70) **Хираул (ираул)** — передовой отряд; небольшой отряд, направляемый на помощь загонщикам или наездникам.
- 71) **Чапгун** — наезд, ограбление.
- 72) **Чигдаул (Чиндаул)** — арьергард.
- 73) **Чомак** — деревянная дубина, палка с крупным набалдашником; булава.
- 74) **Чуб ясак** — наказание палочными ударами.
- 75) **Юриш** — поход, нападение.
- 76) **Юрт** — страна, государство, владение, стойбище, народ.
- 77) **Юртчи** — строитель юртов; чиновник, ведавший делами устройства и упорядочения юртов.
- 78) **Юсун** — правило, обычай, порядок, строй, образ действия.
- 79) **Яйлак** — летовье.
- 80) **Ям** — курьерская запасная лошадь.
- 81) **Ямчи** — ямщик.
- 82) **Ям-ханэ** — почтовая станция.
- 83) **Ярак** — оружие.
- 84) **Яргу** — юридическое право; суд; приговор, расправа, наказание.
- 85) **Ярлыг** — указ.

86) **Яса** — уложение, постановление, закон; обычное право у тюрко-монгольских народов.

87) **Ясак** — запрет, запрещение; наказание.

88) **Ясакчи** — осуществляющий суд согласно ясе.

89) **Ясал** — строй войска.

90) **Ясамиши + кардан** — построение войска.

91) **Ясаул** — исполнитель повеления хана по ясе [3].

В «Шараф-наме-йи шахи» Хафиз-и Таныша Бухари, «Шейбани-наме» Камал ад-Дина Бинаи и «Бахр ал-асрар» Махмуда ибн Вали, встречаем такие тюрко-монгольские слова и термины, как **гул** (центр армии; специальная часть, находящаяся лично при хане; синоним термина «*кул*»), **ишик-акаси** (глава старших придворных слуг, обер-церемониймейстер), **корик** (осмотр, инспекция войска), **чухра** (паж, юноша из благородного сословия, находившийся на службе у хана, султана и крупных феодалов), **чухра-акаси** (начальник пажей), **шигаул** (букв. стоящий у входа аудиенц-зала, церемониймейстер), **юз-беги** (командир сотни) [4], **башлыг** (начальник, предводитель), **коруниш** (аудиенция), **коруниш-ханэ** (аудиенц-зал), **юртавул** (набег в близлежащие селения с целью угона скота и ограбления населения во время военного похода) [5], **караул-беги** (начальник стражи; командир караульного отряда), **карачу** (нечингизид, незнатный, подданный), **конарга** (обязанность предоставлять ночлег гонцу, послу и др.), **корук** (заповедник), **корукчи** (страж заповедника), **могул-беги** (глава племени могулов), **орин** (местоэмира, предводителя племени в церемониале и в военном строе), **токуз** (девять; обычай преподносить в подарок девять предметов), **топчи-баши** (начальник артиллерии), **туг-беги** (командир знаменосцев), **туксаба** (начальник войскового соединения, имеющего собственное знамя), **ханоглы** (ханский сын, принц), **чанги** (совет, совещание), **чапаул** <чапгунчи> (гонец, наездник), **шукурчи** (придворный зонтиконосец) [6].

В двуязычных словарях обычно к этим терминам даются лишь краткие пояснения. Исчерпывающее их толкование можно дать только в результате изучения в контексте и сличения с теми же словами в аналогичных сочинениях.

Попытаемся сделать это применительно к трем терминам: «караул», «тавачи» и «юртчи».

Так, термину «караул» в словарях дано следующее толкование: 1. «стража, часовой»; 2. «сторожевой отряд, назначенный на известный пункт для встречи неприятеля» [7]. Вместе с тем в обязанность караула вменялась и другая задача, а именно—разведка местонахождения неприятеля и доставка сведений о нем в ставку:

[حضرت صاحبقران] بعد از وصول و نزول در ارض جمعى را بقراولى فرستاد و صبحگاه خبر آوردند که از دور سپاهى جمعى سواران (دشمن) مى‌نماید.

([Его Величество сахибкиран] после прибытия в Арсиф всех [эмиров] послал в **караул**, и на рассвете [другого дня] они сообщили о том, что издали была видна конница [неприятеля]) [8].

و چون بآب توبل رسیده بگذاشتند قراولان خبر رسانیدند که هفتاد محل آتش دیدیم و هر چند در تفتیش آن کوشش نموده شد از هیچکس اثر نیافتیم.

После того, как достигли берега реки Тобол и переправились через нее, **караулы** доставили известие о том, что в семидесяти пунктах обнаружили огонь, но как ни старались, не могли обнаружить там следов человека [9].

Здесь же отметим, что караул порою был многочисленным (например, в преследовавшем хорезмшаха Мухаммада тридцатитысячном мон-

гольском войске сторожевой отряд состоял из 3000 человек [10] и, притом, каждая часть (центр, фланговые соединения, арьергард и т. п.) имела свой сторожевой отряд:

[حضرت صاحبقران] تیمور قتلوق اعلان وسونچک بهادر وعثمان بهادر را بوسم متغلاي ثعين فرمود و چون ایشان بر حسب فرمان روان شدند قراولان آن بیش بفرستادند و فرستادگان قراول دشمن را دیده باز کردیدند و خبر بامرادسانیدند.

([Его Величество сахибкиран] Тимур Кутлуг-оглана Суюнчак-бахадур и Усман-бахадур послал в авангарде, и как только они выступили, согласно приказу впереди себя направили караулы. Последние, обнаружив караул неприятеля, повернули назад и доставили об этом известие [упомянутым] эмирам [11].

ميرك ايلچی (بوغا) وپرعلی تاز قراول دست راست لشكر منصور بودند

Мирак Ильчи [بوغا] и Пир 'Али таз были [назначены] в караул правого фланга победоносного войска [12].

По сведениям Хафиз-и Таныша Бухари и Искандар-бека Мунши был еще караульный отряд, обязанностью которого была охрана ханской ставки во времена военных походов. Назывался он **кешик караул** [13].

«Тавачи» объясняется как «комиссионер высшего класса при монгольском дворе, назначавшийся для набора и ревизии рекрут, для на-блюдения за казнью по уголовным преступлениям» [14]. Примерно та-кое же объяснение дано термину «тавачи» Г. Дёрфером [15]. Однако, как показало тщательное изучение указанных выше сочинений, обязан-ности тавачи были несколько шире. Они включали:

1) Распределение войска перед штурмом какой-либо крепости:

حكم لازم الاتباع نفاذ يافت كه تمام لشكر از اطراف و جوانب نقيبها در اوند و بيخ قلعه را تمام خالی سازند تواچيان بر حسب فرمان زمين بخش کرده بموجب مفصل بر لشكريان قسمت نمودند.

Был издан обязательный к исполнению приказ о том, чтобы все войска приступили к устройству подкопа со всех сторон [крепости Тек-рит] и полностью оголили основание ее. [Поэтому] тавачи, согласно приказу, распределил земли между воинами [16].

2) Распределение даров и добычи среди войска:

وشیخ ابراهيم ساوري بسيار آورده بترتيب طوی مشغول گشت و چندان اسب و گوسفند جبهه ان طوی کسته بود که مطبخان از بختن ان عاجز آمدند و تواچيان انرا برلشكر قسمت کرده...

(И Шейх Ибрахим [17], доставив многочисленные дары (савари), приступил к устройству большого пиршества, для чего заколол столько лошадей, что повара были бессильны сварить их. Поэтому тавачи распределили их между воинами' [18].

مرحمت پادشاهانه غنايم حاجی ترخان و سرای [بركه] را از غلات و اموال و انواع فتوحات كه آورده بودند بر لشكريان ارزانی داشت و تواچيات بر ایشان قسمت کردند.

'По царской милости добыча Хаджи-тархана и Сарая [Берке], со-стоящая из зерновых и добра, также всякого рода военной добычи, была пожалована воинам, и тавачи распределили ее между ними' [19].

3) Мобилизацию войска на царскую охоту:

حضرت صاحبقرانی در روز شنبه اول جمادی الآخر [سنه ۷۹۲] شكار اختيار فرمود و تواچيان با مرء جوانفار برانفار جار رسانيد سپاه بحر كاروان شدند و تمام صحراء بی انتها فرو گرفته و حوشی طیور بی شمار برانند

'Его Величество сахибкиран в субботу первого числа месяца джу-мада II 792 года изъявил желание поохотиться, и тавачии объявили эмирам правого и левого крыльев, чтобы воины построились в длинный

ряд и окружили ту бескрайнюю степь и приглушили клекотание бесчисленных птиц' [20].

4) Розыск пропавших особ:

حکم علم مطاوی صادر گشت و تواچیان در همان زمان بجست و جوی ایشان روان شدند بعد از چند روز موسی را یافته پیش حضرت صاحب قرانی آوردند.

'Был издан покоряющий мир приказ о том, чтобы **тавачии** в тот же час отправились на розыск их (Мусы и Мустафы, сыновей Илдирима Баязида.—Б. А.), и спустя несколько дней нашли [только] Мусу и доставили к Его Величеству сахибкирану' [21].

5) Выполнение посольских миссий:

از مدت پنج شش سال کات و خبوق را والیء خوارزم پسر نغذای که اوماقش قونکرات بود تصرف مینمود همت خسروانه سایه' التفات بران حال انداخت و علفه تواچیرا برسم رسالت پیش او فرستاد —.

'В течение пяти-шести лет Кятюм и Хиваком правил [эмир Хусайн-суфи] сын Тангудая из племени конгурат [и поэтому] царский помысел [Его Величества] обратил свое внимание на сие обстоятельство и направил туда послом Алуфы-тавачи' [22].

6) Руководство ремонтом и строительством каналов:

همت پادشاهانه مقتضی تجدید حفرات جوی شده و جهت امضاء آن قصد از اب ارسی عبور نموده بحفرات نهر فرمان داد و بر حسب اشارت علیه تواچیان انرا بر امرا و لشکریان قسمت کردند و به قرب يك ماه جولی که ده فرسخ و بیشتر طول آن بود بنوعی حفر کرده شد که جریان کشتی در آن امکان داشت.

'Поскольку царские помыслы сочли необходимым восстановить сей канал, с этой целью переправился через реку Арс (Аракс?) и велел построить этот канал. Согласно этому высочайшему указу, **тавачии** распределили работу между эмирами и войском, и в течение одного месяца в степи, протяженность которой была свыше десяти фарсахов, был сооружен такой канал, что по нему даже могли ходить суда' [23].

Автор «Шараф-наме-йи шахи» указывает еще на ряд обязанностей тавачи, а именно: руководство переселением населения из окрестных селений в крепость в случае опасности осады, доставка по назначению победных реляций и голов убитых предводителей неприятеля и др. [24].

Термин «**юртчи**» в словарях объясняется как «строитель юртов, архитектор... Чиновник, заведовавший устройством и порядком в стане» [25]. Помимо всего этого, согласно источникам, обладатель этого чина занимался:

1) Выбором зимовья:

حضرت صاحب قران کنار اب کره میرفت چون از کریختن سیاه دشت [قبچاق] خبر امفرمان داد که یورتچیان از برای قشلاق یورت مناسب اختیار نمایند.

'Его Величество сахибкиран шел по берегам реки Куры и после получения известия о бегстве войска Дашт-и [кипчака] приказал, чтобы **юртчи** выбрали удобное место для зимовки' [26].

2) Руководил переводом обоза (угрук) с одного места в другое:

و فرمان همایون صادر شد که یورتچیان بروند و اغرق را بموکب نصرت قرین رسانند.

'И было оглашено августейшее повеление о том, чтобы **юртчи** отправились [в Карабах] и перевели обоз к победоносной свите [в Дамаск]' [27].

3) Охраной пастбищ, предназначенных для верховной ставки:

چون رایت نصرت شعار را دهد روز در آن منزل توقف افتاده بود و علف نمانده فرمان شد تا یورتچیان علف غوطه را که در شرقی دمشق واقعست احتیاط نمایند.

‘Ввиду того, что победоносное знамя вот уже десять дней пребывало там (в местности к западу от Дамаска.—Б. А.) и не осталось там травы, было приказано, чтобы **юртчии** стерегли травяное поле, расположенное к востоку от города’ [28].

Махмуд ибн Вали говорит, что **юртчиям** во времена военных походов поручалось и оповещение рассеявшихся (для охоты, ограбления близлежащих сел) войск [29].

Примеры можно было бы продолжить, но и из приведенного ясно, что смысл и содержание этих терминов гораздо шире, чем то, что приводится в двуязычных словарях, а специального словаря, включающего хотя бы социально-экономические, административные и военные термины, как уже было сказано, пока не создано, хотя такой словарь крайне необходим всем тем, кто занимается средневековой историей стран Востока.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Türkische und mongolische elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer Neupersischer geschichtsquellen, vor allem der mongolen und Timuridenzeit. Wiesbaden, 1963. Bd. 1: Mongolische elemente im Neupersischen von Gerhard Doerfer; 1963. Bd. 2: Türkische elemente in Neupersischen, 1967. Bd. 3: Türkische elemente in Neupersischen; 1975. Bd. 4: Türkische elemente in Neupersischen.

2. Об этих трудах см.: Собрание восточных рукописей АН УзССР. Ташкент, 1952. Т. 1; 1960. Т. 5; *Стори Ч. А.* Персидская литература. М., 1972; *Ахмедов Б. А.* Историко-географическая литература Средней Азии XVI—XVIII вв. Ташкент, 1985. С. 17—87.

3. *Шараф ад-Дин ‘Али Йезди.* Зафар-наме/Подготовка к печати, предисл., примеч. и указ. А. Урунбаева. Ташкент, 1972. С. 1203—1219.

4. *Хафиз-и Таныш Бухари.* Шараф-наме-йи шахи: Рукоп. ИВ АН УзССР. Инв. № 2207, л. 245а, 253б, 255а, 258б, 261а, 276а, 267б, 287а, 289б, 293а, 302а и др.

5. *Камал ад-Дин Бинаи.* Шейбани-наме: Рукоп. ИВ АН УзССР. Инв. № 844, л. 12аб, 14б, 27а, 32а, 37б.

6. *Махмуд ибн Вали.* Бахр ал-асрар: Рукоп. биб-ки «Индия Оффис». Инв. № 575, л. 56а, 67б, 68б, 76б, 70а, 87а, 104б, 171а, 174б, 192а, 194а, 198а, 223б, 224б, 241б, 242а, 246б, 248а, 249а, 255а, 257б, 260б, 274б, 283а, 284а и др.

7. *Будагов Л. З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Спб., 1869. Т. 2. С. 48. Ср.: *Дёрфер Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 399.

8. *Шараф ад-Дин ‘Али Йезди.* Зафар-наме. Л. 104б.; *Хондемир.* Хабиб ас-сияр. Техран; 1333/1915. Т. 3, ч. 3. С. 285. *Мухаммад Хайдар.* Тарих-и Рашиди: Рукоп. ИВ АН УзССР. Инв. № 1430, л. 156а; *Махмуд ибн Вали.* Бахр ал-асрар. Л. 68а, 106б, 120а, 173а.

9. *Шараф ад-Дин ‘Али Йезди.* Зафар-наме. Л. 213б.

10. Там же. Л. 47 б.

11. Там же. Л. 47 б.

12. Там же. Л. 200б.

13. *Хафиз-и Таныш Бухари.* Шараф-наме-йи шахи: Рукоп. ИВ АН УзССР. Инв. № 2207, л. 130, 150а; *Искандар-бек Мунши.* Тарих-и ‘аламара-йи ‘Аббаси. Техран., 1414. Т. 2. С. 428.

14. *Будагов Л. З.* Сравнительный словарь. Т. 1. С. 382.

15. *Дёрфер Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 260.

16. *Шараф ад-Дин ‘Али Йезди.* Зафар-наме. Л. 248б. Ср.: *Мухаммад Хайдар.* Тарих-и Рашиди. Л. 156а; *Хондемир.* Хабиб ас-сияр. Т. 3, ч. 3. С. 251; *Хафиз-и Таныш Бухари.* Шараф-наме-йи шахи: Рукоп. ИВ АН УзССР. Инв. № 2207, л. 292а; *Махмуд ибн Вали.* Бахр ал-асрар. Л. 170б.

17. Шейх Ибрахим (полное имя Шейх Ибрахим ибн Султан Мухаммад ибн Кейкубад)—правитель Ширвана (1382—1417) из династии Дербенди.

18. *Шараф ад-Дин ‘Али Йезди.* Зафар-наме. Л. 352б.

19. *Там же*. Л. 2816—282а.
 20. *Там же*. Л. 2106.
 21. *Там же*. Л. 4136.
 22. *Там же*. Л. 146а.
 23. *Там же*. Л. 4016.
 24. *Хафиз-и Таныш Бухари*. Шараф-наме-йи шахи. Л. 526, 2226.
 25. *Будагов Л. З.* Сравнительный словарь. Т. 2. С. 371.
 26. *Шараф ад-Дин 'Али Йезди*. Зафар-наме. Л. 2706.
 27. *Там же*. Л. 334а.
 28. *Там же*. Л. 3796.
 29. *Махмуд ибн Вали*. Бахр ал-асрар: Рукоп. биб-ки «Индия Оффис». Л. 2456.
-

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

К. А. ЖУКОВ

ЕЩЕ РАЗ О СЛОВЕ «ЧЕЛЕБИ»

К началу 80-х годов XIII в. набеги тюрок стали привычными для населения византийских провинций Малой Азии. Имена некоторых предводителей воинственных кочевников (как правило, в искаженном виде) дошли до нас из сочинений Георгия Пахимера, Никифора Григоры, Максима Плануда и других византийских авторов. Во время одного из таких набегов (около 1284 г.), когда турки подступили к стенам Тралл, вражеское войско, как сообщает Георгий Пахимер, возглавлял «Салпакис (Σαλπᾱκῖς), что на их языке значит мужественный (αὐδρεῖος), по имени Мантахиа» [1. Т. 1. С. 472; 2. С. 435]. После недолгой осады турки штурмом взяли город, а спустя десятилетие переправились через Меандр и захватили Милет.

Защита восточных провинций империи была возложена на талантливого военачальника пинкерна Алексея Филантропена. Летом 1295 г. у стен Приены византийцы разбили войска тюркского бея по имени Саламатес (Σαλαματῆς), который сделал своей резиденцией Мавзолей в Галикарнассе. Об этом сообщает в одном из своих писем Максим Плануд, сопровождавший византийское войско [3. С. 176; 4. С. 95—98].

Вскоре турки были изгнаны из провинции Кария, их предводитель Салампакис (Σαλαμπακῖς, как его теперь называет Пахимер) погиб, а его гарем и казна попали в руки византийцев [1. Т. 2. С. 211].

Таковы первые страницы истории тюркского бейлика Ментеше, сильнейшего в начале XIV столетия среди тюркских эмиратов Эгейского побережья Малой Азии. Кто же был основателем этого бейлика? В надписи на надгробии Ахмеда Гази Ментешеоглу, умершего в месяце шабане 793/4.VII—2.VIII. 1391 г., правители эмирата перечислены в следующем (обратном) порядке: «Ахмед Гази ибн Ибрахим-бей ибн Орхан-бей ибн Месуд-бей ибн Ментеше-бей ибн Иблистан-бей ибн Карабай-биг» [5. С. 145]. С первого взгляда, Салпакиса (Салампакиса, Саламатеса) среди них нет, если не усмотреть в его имени искаженное Иблистан (предположение М. Ф. Кепрюлюзаде) [6. С. 10].

В восточных источниках имя Ментеше-бея впервые встречается в анонимной сельджукской хронике, составленной во второй половине XIII в. жителем Коньи. Автор хроники пишет, что Ментеше-бей вместе с Мехмедом Караманоглу весной 1277 г. захватил столицу Сельджукидов [7. С. 60(39)]. В советской историографии это событие известно как «восстание Джимри». Имя Ментеше упоминается также в связи с походом (зимой 1291/92 гг.) ильхана Кейхату на Караманский бейлик, город Ладик (Денизли) и бейлик Ментеше [7. С. 87—88(61—63)].

Таким образом, и данные анонимной хроники, и генеалогическая стемма позволяют считать, что Пахимер имел в виду именно Ментеше-бея, когда писал «по имени Мантахиа», а не просто какого-нибудь представителя рода Ментешеоглу. В пользу этого предположения свидетельствует и тот факт, что византийский историк счел необходимым объяснить значение слова «Салпакис» как «мужественный». Несмотря на это, некоторые исследователи, занимавшиеся историей бейликов, либо игнорировали это толкование Пахимера (Н. Йорга) [8. С. 142], либо пытались подобрать соответствующее имя (например, Саламат-бей Ментешеоглу в недавнем исследовании Э. А. Захариаду) [9. С. 105—106].

Остается неясным, почему Пахимер дает греческий эквивалент имени предводителя тюрок и тут же пишет, что имя предводителя было Ментеше. Отсюда можно сделать вывод, что Салпакис — это титул. **Первым, насколько нам известно, к такому мнению пришел В. Томашек, который придумал для Ментеше титул «алп-бей»** [10. С. 37]. Идея В. Томашека была подхвачена П. Виттеком, посвятившим дешифровке слова несколько страниц монографии о бейлике Ментеше, где он доказывал, что Салпакис — это «сахиль беги» (что, по мнению П. Виттека, могло быть тюркским эквивалентом сельджукского титула «мелик ус-севахиль») [5. С. 26—30]. П. Виттек настолько увлекся своей гипотезой, что даже не стал всерьез рассматривать варианты написания слова «Салпакис» в других списках сочинения Георгия Пахимера, в результате чего не смог дать верную дешифровку этого слова, к которой он был так близок [5. С. 53]. Слабость аргументации П. Виттека была отмечена и в уже упомянутой работе Э. А. Захариаду [9. С. 106].

В целом можно заключить, что, несмотря на многочисленные попытки дешифровки, Салпакис по-прежнему остается загадочной фигурой. Чем же это объясняется? Думается, определенная «доля вины» за это ложится на самого Георгия Пахимера, который, пытаясь истолковать титул или прозвище Ментеше, решил, что речь здесь идет о слове «селабет» — «стойкость непреклонность» (араб.-тур.). Еще более запутали дело позднейшие переписчики его «Истории», стараясь подогнать незнакомое слово под привычный стандарт. Отсюда варианты: *σαλλαῖς* (в двух самых ранних списках середины XIV в.), а также *Σαλλαῖς* и *Σαλαμῆς* (в более поздних списках) [11. Т. 1. С. 280; Т. 2. С. 265].

Известно, что византийские авторы формами *Παῖς* передавали тюркское слово «бей» (бег) [11. Т. 2. С. 250—251]. Однако в оригинале сочинения Георгия Пахимера этого слова, по-видимому, не было. Этот вывод позволяет сделать форма *Σαλαμῆς*, встречающаяся в письме Максима Плануда [3]. Д. Моравчик предположил, что, по палеографическим соображениям, здесь вероятна конъектура *Σαλαμῆς* (Сулейман) [11. Т. 2. С. 264; 12]. Думается, что можно дать и другую конъектуру: *Σαλαμῆς-Σαλαμῆς* [13].

Приняв во внимание, что сочетанием букв *μλ* византийские авторы передавали звук *в* [14. С. 261. прим. 3], а сигмой (наравне с сочетанием *τς* — звук *ѣ*) [11. Т. 2. С. 310 *Τετραταῖδες-Σαχатаτοι* С. 313 *Τοῦκῆκα-νις-Σιτῆδχαν*], мы обнаруживаем, что перед нами слово, которое давно уже привлекает к себе внимание исследователей, а именно *челеби* [15].

Уместно ли это слово в данных контекстах? Безусловно. Во-первых, это титул. Во-вторых, в XIV в. как византийцы, так и латиняне очень часто именовали тюркских правителей просто Челеби, без упоминания имени. С другой стороны, этот титул, как правило, не фигурировал в надгробных надписях, и, таким образом, генеалогическая стемма, приводившаяся выше, не нарушается. Итак, Ментеше Челеби? В таком

случае, это один из первых тюркских беев — обладателей титула челеби [18].

Что же известно о Ментеше-бее до его появления у стен византийских Тралл? Любопытные подробности на этот счет содержит хроника Шикари [19], в которой говорится, что отцом Ментеше был курд Хадджи Бахааддин — наместник в Сивасе при сельджукском султани Алааддине II (1254—1257), а впоследствии — везир Мехмеда Караманоглу [5. С. 50—51; 20]. Шикари сообщает, что Ментеше-бей, получивший от караманского бея во владение «страну Чине» [5. С. 51, 165—166; 23], принимал участие в захвате Коньи (1277 г.) Мехмедом Караманоглу и Джимри [5. С. 53]. Это, как мы уже отмечали, подтверждает анонимный сельджукский автор.

Интересно, что в то время в Конье главой дервишского ордена мевлеви был преемник Джалаледдина Руми Хусамеддин Челеби, т. е. первое известное историческое лицо, носившее титул челеби [24. С. 611]. Поскольку тюркские беи в период монгольского владычества в Малой Азии постоянно стремились заручиться поддержкой влиятельного суфийского ордена [25. С. 600—601], то вполне вероятно, что Ментеше-бею удалось получить от мевлеви титул челеби в период царствования в Конье Джимри (1277—1278). Это предположение подтверждает и тот факт, что через два-три десятилетия, когда власть ильханов стала призрачной, уже ордену мевлеви пришлось проявлять заботу об укреплении своего влияния среди тюркских беев. При Султани Веледе (1284—1312) и Ариффе Челеби (1312—1320), сыне и внуке Джалаледдина Руми, орден вел активную миссионерскую деятельность в западно-анатолийских бейликах, причем довольно успешно. Например, Мехмед и Умур Айдын-оглу, Месуд и Орхан Ментешеоглу были мюридами султана Веледа и Арифа Челеби [26]. Если принять во внимание, что у османцев, которые сравнительно поздно установили связи с мевлеви [28], члены правящей династии также довольно поздно (по сравнению с другими анатолийскими эмирами) стали носить титул челеби [30], то орден мевлеви следует признать ответственным за распространение этого титула среди тюркских беев в первые десятилетия XIV в. [31].

Широкая распространенность титула в Малой Азии, как известно, заинтересовала Ибн Баттуту, путешествовавшего по землям Рума в 1333 г. Арабский путешественник в своих записках объясняет, что «челеби» на «языке Рума» означает «наш господин». Не включаясь в дискуссию о том, какой из языков — греческий или тюркский — следует разумеать под «языком Рума» [33. С. 53 и след.], полагаем, что иного ответа, кроме как «наш господин», на свой вопрос о значении слова «челеби» арабский путешественник получить просто не мог ни от тюрка, ни от грека, поскольку истинный смысл слова, который в него вкладывали мевлеви, был им в равной степени неведом.

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы:

1. Впервые в византийских нарративных источниках слово «челеби» как инородное фиксируется Георгием Пахимером около 1284 г.

2. Толкование им этого слова наводит на мысль, что истинный смысл «челеби» византийскому автору был неясен, как, впрочем, и неискушенному в тонкостях суфизма дервишей-мевлеви тюрко-греческому населению Малой Азии XIV в.

3. Распространение титула челеби в Малой Азии в конце XIII—начале XIV в., возможно, связано с активной миссионерской деятельностью ордена мевлеви. Одним из первых тюркских беев, носивших этот титул, был Ментеше-бей — основатель эмирата, просуществовавшего до 1424 г.

4. Коль скоро орден мевлеви выступает, пусть даже пока гипотетически, как «проводник» слова «челеби», то путь к выяснению этимологии этого слова лежит через изучение процесса формирования взглядов Джалаледдина Руми, а в более широком смысле, как это уже подчеркивалось Н. Я. Марром [34. С. 134—136; 16. С. 179] и недавно К. Г. Менгесом, — через изучение еретических движений в Малой Азии в XI—XII вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Georgii Pachymeris de Michaelis et Andronico Palaeologis libri XIII, rec. I. Bekkerus, I—II. Bonnæ, 1835.

² Георгий Пахимер. История о Михаиле и Андронике Палеологах: В 13 кн./Пер. под ред. проф. Карпова. Спб., 1862. Т. 1: Царствование Михаила Палеолога. 1255—1282.

³ Maximi monachi Planudis epistulae/Ed. M. Treu. Vratislaviae, 1890.

⁴ Laiou A. Some observations on Alexios Philanthropenos and Maximos Planoudes// Byzantine and Modern Greek Studies, 1978. Vol. 4.

⁵ Wittek P. Das Fürstentum Mentesche. Studie zur Geschichte Westkleinasiens im 13—15. Jh. — Istanbul, 1934.

⁶ Köprülüzade M. F. Anadolu beylikleri tarihine ait notlar//Türkiyat mecmuası. 1926 (1928). С. 2.

⁷ Tarih-i Al-i Selçuk/Neşreden ve Türkçeye çeviren F. N. Uzluğ. Anadolu Selçukluları Devleti Tarihi. Ankara, 1952. С. 3.

⁸ Jorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches. Gotha, 1908. Bd. 1.

⁹ Zachariadou Eliz A. Trade and Crusade: Venetian Crete and the Emirates of Menteshe and Aydin (1300—1415). Venice, 1983.

¹⁰ Tomaschek W. Zur historischen Topographie von Kleinasien im Mittelalter//Sitzungsberichte d. ph.-hist. Cl. d. Akad. d. Wissensch. Wien, 1891. Bd. 124, H. 8.

¹¹ Moravcsik Gy. Byzantinoturcica, 3; unveränderte Auflage, Berlin, 1983.

¹² Самые ранние списки переписки Максима Плануда относятся к XV в. [11. Т. 1. С. 421].

¹³ Ср. форму Τζαλανης в тексте договора 1346 г. Хызыра Айдыноглу с госпитальерами: [9. С. 201], а также [11. Т. 2. С. 311].

¹⁴ Zachariadou Eliz. A. Observations on some Turcica of Pachymeres//Rev. des Etudes Byzantines. 1978. Vol. 36.

¹⁵ См.: обзор литературы в [16. С. 174—180П]. Новейшая статья по этой проблеме [17] нам недоступна.

¹⁶ Менгес К. Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.

¹⁷ Erdal M. Early Turkish names for the Muslim God and the title çelebi//Asian and African Studies (Naiifa). 1982. Vol. 16.

¹⁸ Анонимная сельджукская хроника упоминает, например, эмира Садедина Челеби в связи с событиями 1280—1281 гг. [7. С. 63—64 (41—42)].

¹⁹ История Караманидов, составленная Шикари в начале XVI в., представляет собой переработку поэмы «Шах-наме», написанной на персидском языке поэтом Яраджани для Алааддина Караманогулу (1356—1397).

²⁰ Шикари Хаджи Бахааддина называет иногда Хаджи Бахадур (Бахадур) [5. С. 51]. С подобным явлением мы сталкиваемся также в «Дюстур-наме-и Энвери», где Ибрахим Айдыноглу именуется то Ибрахим-бей, то Ибрахим Бахадур, то Бахадур-бей [21]. На надгробии Ибрахима высечено: Бахадур-бей [22. С. 423].

²¹ Le Destan d'Umur Pacha/Ed. et trad. par I. Melikoff-Sayar. Paris, 1954. Index.

²² Köprülüzade M. F. Aydınoğulları tarihine ait//Türkiyat mecmuası. 1926 (1928). С. 2.

²³ В XIV в. Чине был, видимо, достаточно крупным городом [9. С. 110].

²⁴ Бартольд В. В. Челеби (статья из «Энциклопедии ислама»)//Соч., М., 1968. Т. 5.

²⁵ Turan O. Selçuklular zamanında Türkiye. Istanbul. 1971.

²⁶ Это хорошо известно из рассказов Эфляки [27. С. 316—317, 390—392].

²⁷ Les Saints des devriches tourneurs. Récits traduits du persan et annotés par Cl. Huart. Paris, 1922. Т. 2.

²⁸ Если верить д'Оссону, то первые контакты между Османской династией и мевлеви были установлены в середине XIV в. (визит в Конью сына султана Орхана Сулейман-паши). См. об этом: [29. С. 294].

²⁹ Brown J. P. The Dervishes, or oriental spiritualism. L., 1968 (new impression).

³⁰ Вероятно, первыми были сыновья султана Мурада I (1362—1389) Якуб Челеби и Баязид Челеби.

³¹ В. В. Бартольд также был склонен связывать ношение титула челеби членами Османской династии с их принадлежностью к ордену мевлеви [32. С. 426].

³² Бартольд В. В. Турция, ислам и христианство//Соч. М., 1968. Т. 6.

³³ Смирнов В. Д. Мнимый турецкий султан, именуемый европейскими писателями XVI в. Caleripus Cyriscelebes. К вопросу о происхождении и значении слова 'челеби'// Зап. Вост. отд. Импер. рус. археол. о-ва. Спб., 1907. Т. 18.

³⁴ Марр Н. Я. Еще раз о слове «челеби»: К вопросу о культурном значении курдской народности в истории Передней Азии//Зап. Вост. отд. Импер. рус. археол. о-ва. Спб., 1912. Т. 20.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Л. Ш. АРСЛАНОВ

ОБ ИЗУЧЕНИИ ДИАЛЕКТОВ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ НИЖНЕВОЛЖСКО-СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО РЕГИОНА

Изучение истории, этнографии и частично языка тюркоязычного населения нижневолжско-северокавказского региона можно разделить на три этапа.

1. Конец XVIII—XIX—начало XX в., когда на территории Нижнего Поволжья и Северного Кавказа исследователями выделялись следующие народы и этнические группы: астраханские ногаи, казахи, туркмены, ногаи, татары-«каракалпаки». И. С. Гмелин [1], И. Г. Георги [2], И. В. Раввинский [3], А. Далингер [4], И. А. Щеглов [5], А. И. Якобий [6], А. А. Володин [7], П. И. Небольсин и др. [8; 9. С. 1—30; 10. Ч. 38, № 4—6. С. 35—66, 205—245, 352—391; Ч. 39, № 7—9. С. 42—71] четко различают в этом регионе казахов, туркмен, ногаев, татар; по отношению к коренному населению Астраханского края употреблялись названия «астраханские татары», «татары-ногаи», «астраханские ногаи».

В настоящее время под «астраханскими татарами» проходят юртовские татары (ногайцы), карагаши (ногайцы), алабугатские татары (утарцы-ногайцы) и татары поволжские, которые, в свою очередь, делаются на татар казанских—выходцев из бывшей Казанской губернии, т. е. носителей среднего диалекта татарского языка, и мишарей—выходцев из бывших Пензенской, Симбирской, Саратовской, Тамбовской, Рязанской, Нижегородской губерний, т. е. носителей мишарского (западного) диалекта татарского языка.

2. 30—40-е годы XX в. Этот период характеризуется повышением интереса к быту, этнографии, истории и языку тюркоязычного населения Нижнего Поволжья и Ставрополя и сопредельных районов.

В 1927 г. у карагашей побывал Вл. Пятницкий, опубликовавший впоследствии специальную статью. Вл. Пятницкий считал карагашей «осколком ногайских орд, кочевавших в свое время от Эмбы до Волги и далеко на запад по южно-русским степям» [11. С. 155]. Рассматривая материальную и духовную культуру карагашей (ногайцев), он приводит и некоторый языковой материал, дающий определенное представление о фонетических, морфологических и лексических особенностях языка карагашей.

В. Трофимов считает карагашей «осколками или потомками татарских групп, входивших в состав Золотой Орды, а после ее распада подпавших под влияние калмыков, затем в более позднее время—под культурное воздействие казанских татар» [12. С. 115].

Судя по литературе, в историко-этнографическом отношении астраханские ногайцы (частично и поволжские татары) изучены достаточно полно. О языке же их упоминается лишь в связи с изучением ногайского языка и его диалектов. Так, Н. А. Баскаков в книге «Ногайский язык и его диалекты» выделяет «крымских и астраханских ногайцев», из которых первые в настоящее время пользуются крымско-татарским, а вторые—татарским языком [13. С. 3].

С. А. Калмыкова сообщает, что «астраханские ... ногайцы ассимилировались с местным населением, приняв их язык и письменность» [14. С. 5].

Наиболее изученными тюркскими диалектами Ставрополя и Дагестана являются диалекты ногайского языка и ставропольских туркмен.

Впервые ногайскими диалектами заинтересовался Н. А. Баскаков, который выделил среди них собственно ногайский диалект, акногайский и караногайский [13].

В 40-е годы ногайский говор Татарской слободки под Новочеркасском был изучен М. К. Милых [15. С. 35—55].

В 1960—1970 гг. ногайскими диалектами занималась С. А. Калмыкова. Результатом ее работы стали монография, посвященная акногайскому диалекту [16] и ряд статей [17. С. 167—181; 18. С. 44—49; 19. С. 92—104; 20. С. 158—198]. Ею же написаны «Очерки о ногайских диалектах» для сборника «Диалекты тюркских языков» (Институт языкознания АН СССР), представлен материал о диалектах ногайского языка для «Диалектологического атласа тюркских языков».

Достаточно полно изучен говор (диалект) ставропольских туркмен. Первое его описание дал Н. А. Баскаков [21. С. 140—182]. Этому же говору посвящена и кандидатская диссертация С. Куренова [22].

Вопросы взаимодействия говоров ставропольских туркмен и татар рассмотрены в одной из наших статей [23. С. 22—24].

Что касается говоров астраханских туркмен, то по ним опубликованных материалов пока нет. Нами материал по туркменским говорам Астраханской области частично использован в «Атласе тюркских языков Нижнего Поволжья и Ставропольского края» (Елабуга, 1980).

В 1970—1975 гг. А. Тасымовым исследован язык (диалект) казахов Поволжья [24].

В лингвистическом плане язык астраханских ногайцев до 1970 г. не изучался. Фрагментарные упоминания о нем встречаются в названных выше работах Н. А. Баскакова, С. А. Калмыковой и других авторов. Все они считают, что этот язык ассимилировался с татарским языком. По нашему же мнению, это не соответствует действительности. Такое положение объясняется тем, что до сих пор не накоплен достаточно надежный языковой материал по этим этническим группам, не определено место их языка в системе тюркских языков.

Оставались долгое время неисследованными и говоры татар Волгоградской, Астраханской областей и Ставропольского края. В силу этого в официальных документах, а также в научной литературе неверно определялась национальная принадлежность отдельных групп (например, татар с Камыш Бурун Нефтекумского района Ставропольского края считали то туркменами, то ногайцами).

Не были определены язык и национальная принадлежность и так называемых «уральских и астраханских каракалпаков», или «калпаков», хотя некоторые авторы, например, П. Небольсин, отмечали близость «каракалпаков» к казанским татарам, что подтвердили и языко-

вые материалы, собранные нами в полевых условиях. [25. С. 80—85; 26. С. 53—73].

Планомерное исследование тюркских диалектов и языков Нижнего Поволжья, Ставропольского края и Калмыцкой АССР методом лингвистической географии началось в 1968 г. и продолжалось до 1979 г. За этот период почти завершен сбор лингвистического материала, накоплен значительный историко-этнографический и фольклорный материал.

Данные о мишарских говорах Саратовской области приведены в монографии Л. Т. Махмутовой [27]. Нами защищена докторская диссертация на тему: «Формирование и развитие островных языков и диалектов (на материале тюркских языков и диалектов Волгоградской, Астраханской областей, Ставропольского края и Калмыцкой АССР)» (Алма-Ата, 1982).

Сведения о языках карагашей и юртовцев использованы при создании «Диалектологического атласа тюркских языков».

Накопленный историко-архивный и лингвистический материал (частично опубликованный в отдельных сборниках и в журнале «Советская тюркология») способствовал решению ряда важных проблем, связанных с этногенезом тюркоязычного населения Нижнего Поволжья, формированием и развитием их языков и диалектов.

Собранные за последние годы данные позволяют определить и уточнить языковую принадлежность этнических групп астраханских ногайцев. В данном регионе можно выделить три этнические группы ногайского происхождения с конкретными самоназваниями, с отдельными бесписьменными языками: карагаши-ногайцы, юртовцы-ногайцы, алабугатцы-ногайцы.

Языки названных этнических групп, развиваясь в течение двух-трех столетий в тесном контакте с другими тюркскими и нетюркскими языками, но в несколько иных культурно-экономических условиях, нежели акногайский и караногайский диалекты ногайского языка, от которых они отпочковались, сохранили древние черты и в то же время приобрели ряд новых особенностей.

Аналогичные процессы имели место и при формировании татарских говоров указанного региона. Материалы по этим говорам дают возможность решить спорный вопрос об этнической принадлежности так называемых татар-«каракалпаков», или «калпаков», Волгоградской области в пользу татарского языка, а также выявить новые говоры среднего и мишарского диалектов.

Языковые материалы, полученные на территории Нижнего Поволжья и Ставрополья, позволяют выделить здесь следующие говоры:

1. Говор с. Каменный Яр, который распространен в с. Каменный Яр, на хуторах Рыжково Черноярского, Сотенный, Казачий и Средний Ахтубинского района Астраханской области;

2. Малаевский говор мишарского диалекта. Носители говора живут в сс. Малаевка, Бахтияровка, Царев Ленинского и Малые Чапурики Светлоярского районов Волгоградской области;

3. Говор с. Лятошинка Старополтавского района Волгоградской области. Близок к мишарским говорам Ульяновской области;

4. Говор татар-«каракалпаков» Волгоградской области. Относится к среднему диалекту. Носители говора живут в Палласовском, Старополтавском районах, на станциях Палласовка, Гмелинка, Джаныбек, Сайхин, Нижний Баскунчак, Кайсацкая;

5. Говор с. Курченко (Картузан) Наримановского района Астраханской области. Представляет собой средний диалект;

6. Говор с. Линейное того же района. Относится к среднему диалекту и в то же время содержит некоторые черты мишарского диалекта;

7. Говор с. Янго-Аскер Наримановского района Астраханской области. Принадлежит к мишарскому диалекту;

8. Зензелинский говор среднего диалекта—с. Зензели Лиманского района Астраханской области, имеет черты языка юртовцев;

9. Ставропольские татары говорят в основном на мишарских говорах, лишь в с. Куликовы Копани Туркменского района параллельно существует бастанский говор среднего диалекта.

Что касается этнической истории и языкового статуса астраханских ногайцев—карагашей, юртовцев и алабугатцев, то здесь есть спорные вопросы, о чем свидетельствует появление ряда работ по этнографии и археологии. Так, этногенезу астраханских татар посвящены кандидатская диссертация [28] и ряд статей Е. В. Шнайдштейн [28; 29; 30. С. 116—120; 31. С. 121—136], затрагивающих одновременно и языковедческие вопросы.

Этнической истории карагашей посвящена статья В. М. Викторина [32. С. 147—162]. На основе анализа имеющейся литературы, архивных источников и полевых этнографических материалов в статье делается вывод, что «все карагаши сохраняют свой язык, правда, подвергающийся воздействию языков соседних народов. Сумма таких факторов, как самосознание, язык, компактность проживания, характерные черты в быту и культуре, позволяют, по нашему мнению, определить современных карагашей именно как ногайскую этнографическую группу, обособившуюся в процессе своей сложной этнической истории» [32. С. 162].

Вопросы этногенеза астраханских ногайцев рассматриваются и в кандидатской диссертации этого же автора [33].

Роль ногайцев в формировании тюркоязычных народов, в том числе и астраханских татар, освещается в статье В. Г. Садур [34. С. 3—18].

Вопросы этногенеза карагашей и юртовцев исследуются в статье Д. М. Исхакова [35; 36. С. 42—64]. Автор считает, «что во второй половине XIX—начале XX века этнический облик местных групп астраханских татар существенно изменился (особенно это относится к юртовским татарам): они стали локально-территориальной группой (субэтносом) в составе татарской нации» [36. С. 54].

Хотя происхождение астраханских ногайцев рассматривается исследователями в общем-то с единой точки зрения, тем не менее они при этом используют различные термины: этнические группы—Л. Ш. Арсланов, этнографические группы—В. М. Викторин, субэтноты—Д. М. Исхаков. По мнению Ю. В. Бромлея, это обусловлено тем, что «все историко-культурные общности (как этнические, так и историко-этнографические) представляют собой динамические явления, подверженные в той или иной мере изменениям во времени. Такие изменения нередко сопровождаются трансформацией одного вида этих общностей в другой. Так, у этнографической группы может появиться сознание общности (самосознание) этнического характера, и она в таком случае превратится в субэтнос; в свою очередь, субэтнос, утратив такого рода самосознание, может трансформироваться в этнографическую группу» [37. С. 87].

Аналогичные этапы формирования прошли, надо полагать, указанные этнические группы ногайского происхождения.

Использование названия «астраханские татары» без выделения отдельных этнических групп ногайского происхождения—карагашей, юртовцев и алабугатцев—создает некоторые трудности в определении языка этих этнических групп, т. е. в установлении того, являются ли они

языками или же их следует рассматривать в качестве диалектов татарского или ногайского языков.

При выделении этнических групп и определении их языкового статуса необходимо, как мы полагаем, исходить из совокупности социального, психологического и лингвистического критериев. Так, для карагашей, юртовцев и алабугатцев в качестве этнического определителя мы берем за основу этническое самосознание, самоназвание, отсутствие литературного языка и письменности на своем языке, а также контактов с прежней этнической общностью и наличие дифференцирующих признаков на всех уровнях языка. Последний по своей значимости для островных этнических групп тюркского происхождения уступает социальным и психологическим факторам. Общеизвестно, что почти каждый тюркский язык обладает большим сходством с другими тюркскими языками, т. е. носители языков понимают друг друга без переводчика. Превалирование социальных и психологических факторов характерно и для малых этнических групп других языковых семей.

Этническое самосознание астраханских ногайцев было заложено, вероятно, еще в период существования самостоятельного Астраханского ханства, Больших и Малых ногайских орд. В исторических документах и актах юртовские татары (кариле нугайлары) проходят как отдельная этническая общность, хотя при этом и подчеркивается их связь с большой Ногайской Ордой. То, что юртовцы являются отдельной этнической группой со своим самоназванием, самосознанием и культурно-экономической самостоятельностью, на наш взгляд, не вызывает сомнения. Во-первых, они, как и карагаши и алабугатцы, не имеют связей с другими группами ногайцев и в течение нескольких веков находились (частично находятся и сейчас) под культурным воздействием казанских татар и мишарей, имеют свое самосознание и самоназвание; во-вторых, языки этих этнических групп отличаются от ногайского языка и его диалектов, хотя и имеют с ними много общего.

Для указанных этнических групп характерен синтез этнического субстрата и суперстрата, в ходе которых и возникает этническая группа (субэтнос).

Так, формирование этнической группы алабугатцев происходило на базе слияния (смешения) нескольких этнических компонентов, не имевших письменности: ногайских племен джембойлык (эмбинцы), кочующих узбеков, калмыков, туркмен и зензелинских татар. Все перечисленные этнические группы не имели письменности и в качестве литературного языка использовали казанско-татарский язык. Близость языков (за исключением калмыцкого) благоприятствовала смешению их носителей, в результате чего образовалась новая этническая группа—алабугатцы. Смешанный характер этой этнической группы подтверждается: 1) принадлежностью алабугатцев к определенному антропологическому типу («калмыковатость»—по П. Небольсину); 2) наличием родов, восходящих к различным этносам: джембойлык (ногайцам), сарт (узбекам), төрекмән (туркменам), кыргыз (казахам), татарам и калмыкам [38. С. 10—11].

Формирование этнической группы юртовцев происходило в нескольких иных условиях, на определенной территории и несколько раньше, чем карагашей и алабугатцев. Отличия в этногенезе и языке юртовцев были заложены, по-видимому, еще в эпоху Астраханского ханства. Основное ядро юртовцев составляло кочевое (затем оседлое) население Золотой Орды, близкое по языку к ногайцам, казахам, каракалпакам, а также к сибирским татарам и др. Как свидетельствуют исторические

материалы, в различные периоды (в эпоху Золотой Орды, а затем и Ногайской Орды) в состав юртовцев просачивались другие кыпчакские (в дальнейшем ногайские) племена. Вот почему юртовцы имеют много общих антропологических и языковых черт с другими группами ногайцев.

После присоединения Астраханского ханства к Русскому государству связи юртовцев с ногайцами Большого и Малого ногаев стали ослабевать, а в последующие годы прекратились совсем. Все это привело к тому, что юртовцы стали развиваться изолированно от других ногайских групп. Одновременно устанавливаются связи с другими народами, в частности с поволжскими татарами, казахами, туркменами и русскими, что не могло не отразиться на материальной и духовной культуре, а также на языке юртовцев.

Формирование юртовцев происходило при участии и других этнических компонентов: узбеков, гилян, индийцев, казанских татар и мишарей [39. С. 3—6].

Карагаши являются осколком малой Ногайской Орды, от которой они отошли в XVIII в. С. 1740 г., а возможно, и раньше, они не имели связей с другими ногайцами. Слабыми были их контакты и с юртовцами. В формировании карагашей-ногайцев принимали участие главным образом племена ногайского происхождения. Однако, как отмечают исследователи, в их состав входит и калмыцкий компонент. Карагаши также имеют самоназвание и самосознание и считают себя карагашами-ногайцами; языком своим признают карагашский, но не татарский [40. С. 80—81].

Вопрос об определении этнических групп и особенно о том, являются ли языки указанных этнических групп диалектами ногайского или татарского или самостоятельными бесписьменными языками, довольно трудный. При решении его необходимо, как нам кажется, исходить из целого комплекса социальных, психологических и лингвистических критериев.

Принципы выделения языков и диалектов окончательно так и не разработаны, о чем свидетельствует существование на этот счет самых противоречивых мнений. На наш взгляд, эта проблема должна решаться отдельно для каждой конкретной языковой ситуации с учетом лингвистических и социальных критериев, ибо этнические общности «представляют собой динамические явления» [37. С. 87].

Важным условием решения этого вопроса является, по нашему мнению, однозначное употребление терминов «язык» и «диалект». При этом должны быть приняты во внимание принципы выделения близкородственных языков и диалектов.

Классификация этнических общностей (этнических групп) и лингвистическая классификация их языков и диалектов могут совпадать или не совпадать, так как этническая группа и язык не всегда идентичны. Следует отметить, что за последние годы появились работы, посвященные критериям выделения языков и диалектов—Н. А. Баскакова [41. С. 2—3], Э. Р. Тенишева [42. С. 124—129], Л. Э. Калнынь [43. С. 34—45], Д. И. Эдельман [44. С. 127—147], Н. З. Гаджиевой [45. С. 100—126] и др.

Мы исходим из понимания диалекта как части языка, как языкового подразделения низшего ранга по отношению к языку, принадлежащему к определенному этносу (нации, народности, этнической группе). Разграничение терминов «язык» и «диалект», как нам кажется, имеет принципиальное методологическое значение.

В диалектологических исследованиях термин «диалект» всегда употребляется в конкретном значении. Как справедливо пишет Л. Э. Калнынь, «названием „диалект“ языковой идиом снабжается только в том случае, если он входит в некоторое языковое объединение, являющееся наддиалектным. До тех пор, пока языковой идиом не входит в такое объединение, он не может называться диалектом, а называется бесписьменным языком. И, наоборот, как только бесписьменный язык включается в состав языкового объединения более высокого ранга, он получает статус диалекта определенного языка» [43. С. 36].

Аналогичного мнения придерживается Д. И. Эдельман, которая пишет: «При близком родстве и взаимопонятности, позволяющих считать их диалектами, образующими некоторое единство, отсутствие общего для них наддиалектного языка, единого самосознания (каждая народность и здесь имеет свое название и отличает себя от соседей) позволяет рассматривать их как близкородственные самостоятельные языки» [44. С. 140].

В подобном положении оказались этнические группы ногайского происхождения—карагаши, юртовцы и алабугатцы, по отношению к языкам которых вполне оправданным является употребление терминов «язык», «бесписьменный язык», так как в структурном плане они не представляют собой части «национального языка», языка народности.

Применение социологического, психологического и лингвистического критериев для решения вопроса о том, являются ли они бесписьменными языками отдельных этнических групп или диалектами ногайского или татарского языков, позволяет отнести их к первым, ибо их носители в настоящее время не связаны с ногайцами ни экономически, ни территориально и не успели консолидироваться в силу определенных социально-исторических причин с татарской нацией, хотя официально и именуются татарами. В пользу этого говорят следующие факты.

Карагаши, юртовцы и алабугатцы не имеют собственного письменного литературного языка [46; 47. С. 134]. Языком обучения и официального делопроизводства является русский язык. Родным языком они пользуются дома, татарским—при общении с носителями татарского языка.

В структурном плане считать их язык диалектом татарского языка нет достаточных оснований, так как, например, язык карагашей и алабугатцев не совсем понятен носителю татарского языка. Что касается языка юртовцев, то он вообрал в себя черты татарского (в области гласных звуков) и ногайского (в области согласных звуков, морфологии и лексики). Однако свой язык юртовцы татарским не считают. Язык названной этнической группы ближе к ногайскому, а язык карагашей—еще и к казахскому.

Отнести язык указанных этнических групп к диалектам ногайского языка также нельзя, так как языки астраханских ногайцев не рассматриваются в системе диалектов ногайского языка. Более того, эти этнические группы никогда не пользовались ногайским литературным языком. Они отделились от остальных ногайцев еще до того, как был создан ногайский литературный язык—язык отдельной этнической общности—ногайского народа.

Как карагаши, так и юртовцы и алабугатцы имеют свое этническое сознание и самоназвание (у алабугатских татар самосознание менее выражено). Они далеко отошли от ногайцев Северного Кавказа и Дагестана как в этническом, так и в языковом отношении, подпали под культурное влияние казанских татар и мишарей, частично смешались

с узбеками, туркменами, казахами, калмыками, татарами. Таким образом, их самих целесообразно рассматривать как самостоятельные этнические группы ногайского происхождения, а языки квалифицировать как самостоятельные бесписьменные языки. Считать их языки диалектами ногайского или татарского языков нет достаточных оснований.

Таковы общие итоги исследования тюркских диалектов нижневолжско-северокавказского региона.

Для продолжения этой работы, на наш взгляд, необходимо: издать накопленный материал по языку карагашей и алабугатцев; завершить описание татарских говоров на территории Волгоградской и Саратовской областей (алгайских татар «каракалпаков»), Адыгейской автономной области Краснодарского края; продолжить сравнительное изучение лексики астраханских ногайцев—карагашей, юртовцев и алабугатцев—с привлечением сравнительного материала ногайского, казахского и татарского языков; приступить к исследованию языка фольклора этнических групп ногайского происхождения в сравнении с диалектами ногайского языка.

Следует отметить, что ономастика (топонимия, гидронимия) данного региона по-прежнему остается неисследованной. Между тем изучение топонимии по генетическим пластам позволило бы получить надежный материал по истории формирования не только астраханских ногайцев и ногайцев вообще, но и других тюркских и нетюркских народов.

Весьма интересные результаты могло бы дать исследование отдельных явлений языка этнических групп ногайского происхождения в сравнительно-ареальном плане с соответствующими явлениями ногайского, казахского, кумыкского, татарского и туркменского языков.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Гмелин И. С. Путешествие по России для исследования трех царств природы. Спб. 1777. Ч. 2.
- ² Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Спб. 1799. Ч. 2.
- ³ Раввинский И. В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. Спб., 1809.
- ⁴ Далингер А. Медико-статистическое исследование татарского населения Астраханского уезда: Дис. ... д-ра мед. наук. Спб., 1887.
- ⁵ Щеглов И. А. Туркмены и ногайцы Ставропольской губернии. Ставрополь, 1910. Т. 1.
- ⁶ Якобий А. И. Тюрки Северного Кавказа. Спб., 1901.
- ⁷ Володин А. А. Туркменская степь и туркмены//Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1908. Вып. 28.
- ⁸ Небольсин П. И. Заметки о кундровских татарах//Астрахан. губ. ведомости. 1851. № 43.
- ⁹ Он же. Иногородцы Астраханской губернии//Вестн. Импер. рус. геогр. о-ва. Спб., 1851. Ч. 2, кн. 3—4.
- ¹⁰ Он же. Очерки Волжского Низовья//Журн. Министерства внутренних дел. Спб., 1852.
- ¹¹ Пятницкий Вл. Карагачи (по материалам поездки в 1927 году)//Землеведение. М., 1930. Т. 32, вып. 3—4.
- ¹² Трофимов В. Татары-карагачи//Изв. Саратов. Нижневолжского ин-та краеведения им. М. Горького. Саратов, 1933. Т. 6.
- ¹³ Баскаков Н. А. Ногайский язык и его диалекты. М.; Л., 1940.
- ¹⁴ Грамматика ногайского языка: Фонетика и морфология. Черкесск, 1973.
- ¹⁵ Милых М. К. О ногайском говоре Татарской слободки под Новочеркасском//Учен. зап. Ростов. и/Дону пед. ин-та, 1940.
- ¹⁶ Калмыкова С. А. Акногайский диалект ногайского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1965.

¹⁷ Калмыкова С. А. Лексические заимствования в акногайском диалекте ногайского языка//Тр./Карачаево-Черкес. пед. ин-т. 1959. Вып. 2.

¹⁸ Она же. О фонетической системе акногайского диалекта ногайского языка//Там же. Вып. 3.

¹⁹ Она же. Основные грамматические категории, связанные с именем существительным в акногайском диалекте//Там же.

²⁰ Она же. Особенности караногайского диалекта ногайского языка//Там же. 1968. Вып. 5.

²¹ Баскаков Н. А. Об особенностях говора северокавказских туркменов//В кн.: Языки Северного Кавказа и Дагестана: Сб. лингв. исследований. М.; Л., 1949. Вып. 2.

²² Куренов С. Особенности туркменского говора Северного Кавказа (Ставрополья): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1959. 24 с.

²³ Арсланов Л. Ш. О туркменско-татарском языковом взаимодействии на территории Ставропольского края//Сов. тюркология. 1985. № 5.

²⁴ Тасымов А. Языковые особенности казахов Поволжья: Дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1975.

²⁵ Арсланов Л. Ш. К вопросу о так называемых «астраханских каракалпаках» и их языке//Сов. тюркология. 1981. № 4.

²⁶ Он же. Говор татар-«каракалпаков» Волгоградской области//В кн.: Формирование островных говоров татарского языка (говоры Астраханской и Волгоградской областей). Казань, 1983.

²⁷ Махмутова Л. Т. Опыт исследования тюркских диалектов: Мишарский диалект татарского языка. М.: Наука, 1978.

²⁸ Шнайдинштейн Е. В. Археологические памятники поздних кочевников Нижнего Поволжья IX—XV вв. как источник по проблеме этногенеза астраханских татар: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1975.

²⁹ Она же. Позднекочевнические погребения на территории Калмыцкой АССР//Вестн. Калмыц. НИИ. Сер. этнографии. 1973. № 3.

³⁰ Она же. Предварительные итоги археологических исследований на территории Астраханско-Калмыцкой рисовой оросительной системы//Там же. 1974. № 10.

³¹ Она же. Пережитки культуры средневековых кочевников у современных народов Нижнего Поволжья//Там же.

³² Викторин В. М. К этнической истории карагашей//Поволжский край: Межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983.

³³ Он же. Социальная организация и обычное право ногайцев Нижнего Поволжья (XVIII—нач. XX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985.

³⁴ Садур В. Г. Межэтнические контакты и этническая неоднородность татарского населения СССР//В сб.: География и культура этнографических групп татар в СССР. М., 1983.

³⁵ В последнее время этнографы вместо термина «этническая группа» стали употреблять термин «субэтнос», который, по мнению Ю. В. Бромлея, «больше подходит для обозначения „осколков“ этноса» [37. С. 85].

³⁶ Исхаков Д. М. Динамика численности татар в России в XVIII—начале XX в.//Там же.

³⁷ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.

³⁸ Арсланов Л. Ш. О калмыцких заимствованиях в языке алабугатских татар Каспийского района Калмыцкой АССР//Сов. тюркология. 1979. № 6.

³⁹ Он же. Язык юртовских татар//Учен. зап. Казан. пед. ин-та. 1976. Вып. 166.

⁴⁰ Он же. К вопросу о карагайском языке//Сов. тюркология. 1977. № 4.

⁴¹ Баскаков Н. А. Эволюция формирования некоторых типов диалектных систем тюркских языков//В кн.: Сопоставление по общим вопросам диалектологии и истории языка: Тез. докл. и сообщ. (Ереван, 2—5 окт. 1973 г.). М., 1973.

⁴² Тенишев Э. Р. Принципы выделения диалектов уйгурского языка//Вопр. языкознания. 1974. № 5.

⁴³ Калыныч Л. Э. Диалектологический аспект проблемы «язык и диалект»//Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1976. Т. 35, № 1.

⁴⁴ Эдельман Д. И. К проблеме «язык» или «диалект» в условиях отсутствия письменности//В кн.: Теоретические основы классификации языков мира. М.: Наука, 1980.

⁴⁵ Гаджиева Н. З. К вопросу о классификации тюркских языков и диалектов//Там же.

⁴⁶ Как верно указывает Д. И. Эдельман, наличие письменности и литературного языка находится в прямой зависимости от социально-исторических условий и может меняться с изменением этих условий [44. С. 134].

НАНА ДЖАНАШИА

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С VAR/YOK В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В турецком языке общее понятие экзистенциальности не является единым, нерасчлененным понятием и включает в себя несколько субкатегорий. Содержательное различие между субкатегориями весьма четко проявляется в использовании разнообразных средств и соответствующих конструкций и конфигураций, заключающих различные смысловые оттенки, заслуживающие самого пристального внимания и с общетипологической точки зрения.

Одним из частных типов выражения экзистенциальности в турецком языке является синтагма с участием лексических единиц экзистенциального значения—модально-предикативных слов *var/yok*: *-var/-yok*; *-da -var/-da -yok*.

Подобные конфигурации частного экзистенциального значения, как и конструкции с местоименными суффиксами сказуемости (МСС) (морфологическими средствами выражения частного значения «бытия»), относятся к статическим конструкциям и конфигурациям выражения общего значения экзистенциальности.

В связи с грамматическо-семантическими особенностями элементов выражения частных субкатегорий общего понятия экзистенциальности сложную проблему представляет адекватное описание системы выражения бытийности и обладания и адекватный перевод иллюстративного материала. Особенность заключается в грамматической и лексической неадекватности средств, в конечном итоге в совершенно иной типологии отображения в языке грамматико-семантической общности выражения значений—быть, существовать, иметь, обладать, наличествовать и т. д., а также соответствующих их отрицательных аспектов.

Функционируя рядом с морфологическим средством выражения частной субкатегории экзистенциальности, а именно с МСС, модели *var/yok* и *-da -var/-da -yok* представляют собой еще одну частную субкатегорию экзистенциальности с четким содержательным различием.

Не вполне адекватно, но наиболее точно значение *-var/-yok* можно определить как существование/несуществование.

Что из себя представляют VAR/YOK?

Var—это предметно-предикативное модальное слово экзистенциального значения в положительном плане.

1. С местоименными суффиксами притяжательности (МСП) или без них *var* встречается в предметном значении как самостоятельно, так и в паре со словом *yok*: *Meryemce sapsarı oldu, dudakları titremeğe baş-*

ladı, *var gücüyle bağırırdı* 'Меремдже совершенно побледнела губы задрожали, она что было силы закричала' [16, с. 111], *Ben devletimi sürdükten sonra varım-yoğum onun olsun* 'После того, как я прожил свою жизнь, пусть все мое имущество остаётся ему!' [24, с. 25], *Vara var, yoğa yok demeli* 'Все следует называть своими именами' [18, с. 141].

2. Принимает морфему абстрактности: *Ömerin amcası varlıklı idi* 'Дядя Омера был богатым' [10, с. 37], *Varlığımız huzur veriyorsa, mutluyuz* 'Если наше богатство обеспечивает нам спокойствие, то мы счастливы'.

3. Принимает МСС: *Dekart dedi, ki mademki düşünüyorum, öyle ise varım* 'Я мыслю, следовательно, я существую,—говорил Декарт' [23—5, с. 73], *Ele geçmiyenler arasında ben de varım* 'Среди неарестованных нахожусь и я' [23—7, с. 353], *ben bugün varsam, yarın yoğum* 'Сегодня я существую; завтра меня нет' [2, с. 166], *öyleyse içimizde iyi okumuş bir sen varsın* 'Если так, то ты единственный прилично образованный 'среди нас' [22, с. 338] *Bir terzi vardır Aleko, onun yanında iş bulduk geçen gün Kâmrana* 'Есть один портной, Алеко, позавчера Кямрана пристроили к нему на работу' [23—7, с. 55], — *Sana çaldın diyen var mı?* 'А кто тебе сказал, что украл?' [23—7, с. 197].

4. Выступает в качестве именной части сложного глагола: *Sağ olunuz, var olunuz* 'Живите, здравствуйте' [16, с. 138] *Var mı olmak, yok mu olmak?* 'Быть или не быть' [23—6, с. 553].

УОК—это предметно-предикативное слово модально-экзистенциального значения отрицательного плана. Грамматические возможности слова УОК проявляются в следующем:

1. С МСП и без них встречается в предметном значении как самостоятельно, так и в паре с *var*: *Yok yere üzülmeiniz* 'Не беспокойтесь понапрасну' (Gün. 16, 11, 83), *Anafor malın kıymetini bilmediler, yok fiyatına elden çıkardılar* 'Они не знали цену даровому товару, за бесценок взяли у них' [2, с. 251], *Vara var, yoğa yok demeli* 'Все следует называть своими именами' [18, с. 41], *... hiç yoktan insan yaratan* '... сотворивший человека из ничего...' [24, с. 327], — *Ben devletimi sürdükten sonra varım-yoğum onun olsun* 'После того как я прожил свою жизнь, пусть все мое имущество остается ему' [24, с. 25].

2. Принимает морфему абстрактности: *Her şeyin yokluğu yokluktur* 'Всякое неимение есть неимение' [19, с. 260], *... turizm konusunda büyük bir gelişme göstermeyişimizin başlıca nedeni organizasyon yokluğu değil miydi?* 'Ведь отсутствие организации было основной причиной слабого развития туризма?' [26, с. 25].

3. Принимает МСС: *Birak, efendim, ne halt edersiniz, edin, ben yokum bu işte* 'Брось, господин, делай какую хочешь глупость, я не участник в этом деле' [2, с. 188], *Ama sen yoksun onların içinde* 'Однако, тебя нет среди них' («Cum.» 2, 11, 75, 4), *Yalnız, resimde Demiri seçemedim, o yok herhalde* 'Однако на снимке я не смогла увидеть Демира, его нет, по всей вероятности' [13, с. 153], *Bir doktor yok mu?* 'Доктора нет?' [23—6, с. 556], *Adam öldürmekten kolay iş yoktur* 'Нет ничего легче, чем убить человека' [18, с. 55], *Yaptığı işi pek bilen yoktu* 'Никто толком не знал, чем он занимается' [9, с. 133], *Biz de evde yokuz, tabii* 'И нас, естественно, нет дома' [20—6, с. 20].

4. Выступает в качестве именной части отыменного глагола: *Evin her tarafını yokladılar* 'Обыскали весь дом'; *Bir yokla bakalım, belki razı olur* 'Попробуй-ка разузнать, может быть, он согласится', *Nastayı yokladınız mı?* 'Вы провели больного?'

5. Выступает в качестве именной части сложного глагола: *Iyi, ama*

yok olanın yokluğunu şimdi, şu dakika, ansızın anladı 'Однако, он только что, сию минуту, вдруг заметил отсутствие пропавшего' [23—7, с. 367], ...*O devlerin çürüyüp yok olmaları kalıntılarını buldu* '...Он смог обнаружить еще не разложившиеся останки девов' [12, с. 229—230], *Ve anlıyor, ki hâlâ Süheylâ onun için büsbütün unutulmuş, yok olmuş değildi* 'И он понял, что пока еще не совсем забыл Сюхейлю, она еще существует для него' [23—7, с. 321], *Kolay-kolay yok olamaz* 'Меня не так легко уничтожить' [15, с. 15], *Ama artık tarih böyle olmuysak, yok edeceğiz padişahlarla kırıllarla beraber savaşları da* 'Однако история больше так не пойдет, мы уничтожим вместе с падишахами и королями и их войны' [23—7, с. 405], *Zübükzade denilen bu pisliği ortadan kaldırıp yok edelim* 'Эту мерзость, называемую Зюбукзаде, мы должны стереть с лица земли и уничтожить' [28, с. 65].

6. Выступает в качестве отрицательной частицы: *Yok, yok, Uzun Ali yavrum değil* 'Нет, нет, Узун Али не мой ребёнок' [61, с. 93], —*Geldiler mi? —Yok, daha gelmediler* '—Пришли?—Нет, пока не приходили'.

Как уже отмечалось выше, экзистенциальные слова *var/yok* образуют конфигурации двух моделей: 1) *-var/yok*; 2) *-da var/-da yok*, которые следующим образом можно квалифицировать: *var/yok*—абстрактная пространственно-временная конфигурация существования/несуществования (АПВК), *-da var/-da yok* конкретно-локативная конфигурация наличия/неналичия (КЛК).

В модели *-de var* участвуют имена с МСП или же без него (*-de var, -de, -m var*). С конфигурациями *-m var, -de -m var* связано выражение и конкретно-личного имени. Содержательное различие между ними определяется контекстом. Участие в этих моделях тех или иных разрядов слов практически неограничено.

Рассмотрение данных моделей для выявления общих и разграничительных грамматико-семантических признаков целесообразнее начинать с КЛК. По форме КЛК маркированная и эксплицитно, с помощью местного (локативного) падежа, выражает конкретную локацию предмета (ср. локативную конструкцию: *-de -dir:Ele geçmiyenler arasında ben de varım* 'Среди тех, кто не арестован, нахожусь и я' [23—7, с. 353], *Oyleyse içimizde iyi okumuş bir sen varsın* 'Если так, то единственный прилично образованный среди нас это ты' [12, с. 338], *Bende yetmiş lira var* 'У меня 70 лир' [15, с. 24], *Sende en normal olayları ayıplandırmak eğilimi var* 'У тебя есть склонность опознать самые нормальные явления' [23—7, с. 481], *Onda derya-deniz kadar merhamet var* 'У него море милосердия' [6, с. 111], *Bizde cer dişlisi var*, аупа dişlisini az evvel sattık—dedi 'У нас есть ведущая шестерёнка, патронную шестеренку—сказал он,—продали недавно' [21, с. 16—17], *Anadolu'da içki yasağı var* 'В Анатолии напитки запрещены' [23—7, с. 391], *Burada ne var*, mister Küroğlu? 'А что здесь, мистер Кюроглу?' [9, с. 85], *Köyde çeşme var mı?* 'В деревне есть родник?' [10, с. 95].

Деление конфигураций на АПВК и КЛК не случайное. Оно основано на присутствии формальных и содержательных признаков.

АПВК, в отличие от КЛК, не маркирована с точки зрения конкретной локации и, как всякий немаркированный член оппозиции, несет большую функциональную нагрузку: *Dekart dedi, ki mademki düşünüyorum, öyle ise varım* 'Я мыслю, следовательно, я существую,—говорил Декарт' [23—5, с. 73], *Ben bugün varsam, yarın yokum* 'Сегодня я есть, завтра меня нет' [2, с. 166], *Avrat var ev yarağ, avrat var ev yıkar* 'Есть женщина, на которой дом держится, есть женщина, которая дом рушит' [19, с. 361], *Büyüktен büyük var* [8, с. 38] 'Всегда найдется голова над старшим' [8, с. 38], *Gün var yılı besler, yıl var günü beslemez* 'Есть

день—год прокормит, есть год—день не прокормит' [19, с. 248], *Dağa razaga iki gün var* 'До воскресенья еще два дня' [24, с. 168].

АПВК в строго определенных случаях, имплицитно, может выразить и семантику КЛК. Для этого ей требуется особая ситуация.

Дело в том, что введение в текст или поток речи АПВК в значении КЛК производится после наличия в контексте КЛК, обеспечивающей следующей за ней АПВК семантику КЛК: *Bazı geceler gökyüzünde binlerce yıldız görüyorum. Sarıları var, çilleri var* [15, с. 11]. В данном контексте, состоящем из двух предложений, первое—*Bazı geceler gökyüzünde binlerce yıldız görüyorum* составляет конкретно-локативную контекстуальную ситуацию. В такой контекстуальной ситуации при последующем вводе КЛК отпадает необходимость использования локативного (местного) падежа.

Данное положение ещё нагляднее можно продемонстрировать на более широком контексте. В качестве такового можно предложить небольшой рассказ Азиз Несина «YERETAŞ», в котором весь диалог, состоящий из экзистенциальных предложений существования—наличия/несуществования—неналичия, построен на последовательном чередовании маркированных и немаркированных КЛК. Однако для иллюстрации мы удовлетворимся одним отрывком:

«O çıktı, arkadan biri bu sefer oyna dişlisi istedi. Ona da:

— *Bizde cer dişlisi var, ayna dişlisini az evvel sattık*—dedi.

Kamalı mil istiyene şanjman mili var—diyor,—*şanjman mili istiyene da—kamalı mil var*—diyordu;

— *Piston kolu var mı?*

— *Piston var, ama piston kolu yok. Az evvel sattık*».

'Только этот вышел, за ним другой попросил патронную шестерёнку'.

— У нас есть ведущая шестеренка, патронную шестерёнку недавно продали,—ответили ему.

'Тому, кто спрашивал кулачковый вал, отвечали, что есть скоростной вал, тому же, кто спрашивал скоростной вал, отвечали, что есть кулачковый вал'.

— Поршневой вал есть?

— Есть поршень, а поршневого вала нет. Недавно продали. Однако есть у одного бессовестного, если не продал' [9, с. 194].

Все параметры, выявленные для *var*, в полной мере характерны и для *yok*, которое, как и *var* и на тех же правах, только выражая отрицание, участвует в КЛК и АПВК или же в смешанных с *var* предложениях:

1. Маркированные КЛК: *Hiç bir işte kolay eklemek yok* 'Лёгкого хлеба нет ни в одном дле' [18, с. 80], *Burda hiç sütün yok sütün ister*.

'Здесь совсем нет колонны, нужна колонна' [25, с. 135], *Fakat ben-de boya yok* 'Но у меня нет краски' [1, с. 220], *Evlerinde erkek yok* 'У них в доме нет мужчины' [18, с. 194], *Kimsede de bu sessizliği bozacak güç yok* 'Ни у кого нет силы нарушить эту тишину' [6, с. 302], *Sizde anı-penizin resmi yok* 'У вас нет фотографии вашей матери?' [4, с. 52],

2. Немаркированные КЛК:—*Ayna dişlisi var, cer dişlisi yok*—'Есть патронная шестеренка, ведущей шестеренки нет' [9, с. 194], *Tek kelime yok bu meseleye dair* 'Нет ни одного слова по этому вопросу' [21, с. 50], *Piston var, ama piston kolu yok* 'Есть поршень, а поршневого вала нет' [9, с. 194].

3. Абстрактные ПВК: *Hayır, buna inanmaya imkan yok* 'Нет, этому нельзя верить' [27, с. 7], *Fakat beklemekten başka yapacak iş yok*

‘Однако, ничего не остается делать, как подождать’ [23—7, с. 407], *Senin serpheye gitmene izin yok* ‘Нет решения о твоем уходе на фронт’ [23—7, с. 400], *Karımdan ayılmama lüzum yok* ‘Мне нет нужды разводиться с женой’ [22, с. 60], *Ben bugün varsam, yarın yoxum* ‘Сегодня я есть, а завтра меня нет’ [2, с. 166].

Как уже отмечалось выше, *var/yok* являются лексическими средствами выражения одной из субкатегорий общего понятия экзистенциальности и образуют, как и ее морфологические средства, статические конфигурации.

О словообразовательных возможностях *var/yok* также уже сказано. Каковы же их словоизменительные возможности? Вопрос этот вполне закономерен и уместен. Будучи предикативными модальными единицами, *var/yok*, естественно, выступают в синтаксической функции сказуемого, передавая определенное временное понятие.

С целью самовыражения полного набора словоизменительных категорий глагольного сказуемого *var/yok* сочетаются с формами связочного дефектного глагола *i-*: *i-di*, *i-miş*, *i-se*, *i-ken* (для статических конфигураций) и глагола *olmak* ‘быть’ (для динамических конфигураций), выполняющего функцию связки.

В случае сочетания с формами связочного дефектного глагола *i-* *var/yok* выражают прошедшее время (*idi*), заочный акт действия (*imiş*), условное наклонение (*isen*) и деепричастие параллельного действия во времени (*iken*).

В случае же сочетания с глаголом *olmak* последний не смыкается с *var/yok*, а полностью замещает их: *var/ol-*, *yok/ol-* та- (в одном случае в положительном аспекте, в другом—в отрицательном: *var* и *ol*, и *yok*, и *olma-*), то есть они составляют относительно друг друга дополнительную дистрибуцию.

Смыкание допускается во всех рассмотренных выше конфигурациях, в частности в маркированных и немаркированных КЛК и АПВК.

I. Маркированные КЛК: *-da var/-da yok*.

Sokakta bir tek fener vardı ‘На улице был один единственный фонарь’ [23—8, с. 7], *Nefes alışında bir iştah, nîr genişlik, fakat biraz da acele vardı* ‘В его манере дышать была какая-то страсть, широта, но и некоторая поспешность’ [7, с. 26], *O taraflarda bir orman varmış* ‘В тех краях был, оказывается, лес’ [24, с. 23], *Doktor köye insanlarda sıtma var mı, yok mı, varsa kaç kadında, kaç erkekte var* araştırmak için gelmişti ‘Доктор прибыл в село для того, чтобы выяснить, есть ли лихорадка, если есть, то сколько женщин болеют, сколько мужчин’ [15, с. 64], *Kafamın içinde ne varsa, senden öğrenmedim mi?* ‘Разве не у тебя я научился тому, что у меня в голове?’ [23—7, с. 40], *Odada biri varken kulağına fısıldaıyp beş lira istersen feryadı basar* ‘Если в присутствии кого-либо шепотом попросить пять лир, он целый скандал поднимет’ [2, с. 256], *Köyde ondan alingan, ondan kuşkulı kimse yoktu* ‘В деревне он был самым мнительным и самым чувствительным’ [15, с. 70], — *Otuz, otuzbeş hanelik köyde Remzi'den yigit erkek yok muydu?* ‘Разве в селе, где тридцать-тридцать пять домов, не было более смелого мужика, чем Ремзи?’ [18, с. 154], *Ben evde yokken hiç gelen oldu mu?* ‘Приходил кто-либо, когда меня не было дома’ [23—7, с. 35].

II. Немаркированные КЛК: *... var/... yok*:

Böceklerin ötüşünden başka da çıt yoktu ‘Не было никакого шума, кроме стрекота насекомых’ [5, с. 23], *Vali konağı da yokmuş o zaman* [16, с. 32], ‘В то время не было и губернаторского дворца’ [16, с. 32], *Muhtar yoksa üyelerden biri buyur ediyor, dönüyordu emrinde* ‘Когда не

было старосты, то по его указанию угощал и хозяйничал один из членов совета' [15, с. 86].

III. АПБК: ... VAR/... YOK:

Azime bu kızı eline geçireli bir sene bile *yoktu* 'Не прошло и года, как Азиме сумела прибрать к рукам эту девушку' [2, с. 14], Öğleden sonra mektep *yoktu* 'После полудня не было занятий' [23—7, с. 255], Zaten Cemil ve Göksel diye iki ayı *adam yoktu* 'В действительности, не существовало двух разных лиц, Джемиля и Гёкселя' [23—8, с. 93], Kim olduğunu söylemeye *hacet yoktu* 'Не было нужды говорить, кто он такой' [2, с. 18], Bu sefer yanlışlıkla *imkân yoktu* 'На этот раз я не мог ошибиться' [4, с. 58], Yaptığı işi pek *bilen yoktu* 'Никто толком не знал, чем он занимался' [9, с. 133], Niçin bazı mücrimlerin hiç *sebebi yokken* yaptıkları cinayet çoktan unutulmuşken kendi ayaklarıyla gelip teslim olduklarını şimdi anlıyorum 'Теперь я понимаю, почему некоторые преступники, совершенно без причин, когда их преступление давно уже забыто, сами приходят сдаваться' [23—8, с. 69].

Замещение *var/yok* нужными формами связочного глагола *olmak*, располагающего всеми формами спряжения турецкого глагола вообще, допускается во всех рассмотренных нами выше конфигурациях.

I. Замещение в маркированных КЛК: -da ...*var*/-da ... *OL*;- -da ... *yok*/-da ... *ol*-ma-:

Sende bir cesaret, bir kuvvet varken iki cesaret, iki kuvvet olur 'Если у тебя есть решимость и сила, то они станут вдвое большими' [23—8, с. 156], Ben on dört yaşına girdiğim vakit benim için *dünyada* iki mühim hadise oldu 'Когда мне исполнилось четырнадцать лет, то для меня на свете произошло два важных события' [23—8, с. 70], Hastalığın mikropoları *lağımlarda olur* 'Микробы болезни живут в водосточных трубах' [21, с. 269], *Çukurda çok olur* arpacık kuşu 'В Чукурово много этих птиц' [6, с. 122], Görünüşte kırılan yalnız camdı, ama saat durduğuna göre *makinelere* de bir *bozukluk olduğu* anlaşılıyordu 'На вид только стекло было разбито, однако по тому, как остановились часы, можно было догадаться, что повреждены и машины' [11, с. 9], Yalnız dikkat etmeli, ki bu tetkiklerin *kafalarında* bir papas *kukuletesi* yahut bir imam *sarığı olmasın* 'Однако надо присмотреть, чтобы у этих инспекторов на головах не было капюшонов или сарыков' [23—7, с. 26], *Bende dalavere olmadığını ve olmuyacağını* bilmiyenler... 'Тот, кто не знал, что во мне нет и не будет обмана...', [3, с. 16], Yüz yıl sonra bugün yaşayan iki buçuk milyar insanın hemen hepsi bu *dünyada olmuyacak* 'Через сто лет никого не будет из тех двух с половиной миллиардов людей, живущих сегодня' [12, с. 341].

II. Замещение в немаркированных КЛК: *var*/...*ol*;-...*yok*/...*ol*-m:

Küçük bir *yalıt olsa* çıra alışveriş 'Будь небольшой огонь, сразу бы загорелась лучина' [5, с. 78], — Gelin, bakın *neler oluyor*... 'Идите, посмотрите, что происходит' [18, с. 132], Tekel mallarından da biraz *kahve*, bir şişe *konyak olduğunu ekledi* 'Он добавил, что из монопольных товаров у него есть немного кофе и бутылка коньяка' [26, с. 15], Uzun bir *sessizlik oldu* 'Наступила долгая тишина' [23—8, с. 13], Bir *kibrit olsaydı* 'Были бы сейчас спички' [5, с. 78], Yusuf Kuuyuctan çıkalı altı sene *olmuştu* 'Исполнилось шесть лет, как Юсуф ушел из Кууюджака' [14, с. 85], *Bit-pire olmuyordu pek*... 'Вшей и блох особенно не было' [15, с. 86], *O olmasa* hiçbiriniz verdiğinizin nereye gittiğini bilmezsiniz 'Не будет его, вы не будете знать, куда идет то, что вы платите' [2, с. 205], Bizim kenar mahallenin çocuklarından, benden başka mektebe *giden olmadı* 'Из числа детей наших окраинных районов никто, кроме

меня, не ходил в школу' [17, с. 32], *Başka geçit olmadığından pek kuvvetsiz akan suyun boynuca yürümek lâzım geliyordu* 'Из-за того, что не было другого прохода, нужно было идти вдоль небыстрой речки' [18, с. 169], — *Pek âlâ, sen parayı verirken hiç gören olmadı mı?* '— Хорошо, кто-нибудь видел, когда ты давал деньги?' [24, с. 39], *Kerim Bey olmasaydı, kaç defa hastalanıp ölmüşüm...* 'Не будь Керим Бей, сколько раз я, заболев, был бы мертвым' [9, с. 137].

III. Замещение в АПВК: ...var/...ol; ...yok/...ol-ma-:

Malûmdur, ki çeşitli-çeşitli hediyeler olur 'Известно, что бывают разные разнообразные подарки' [26, с. 59], *Sıgça köşk olmuştan şehir, sıgça köşke bağlanıyın memleket olur mu?* 'Разве может быть город, где нет стеклянного дворца, разве может быть государство, которое не подчинено стеклянному дворцу' [2, с. 202], *Ben olmasam sıgça köşkünüz olur muydu* 'Не будь меня, разве у вас был бы стеклянный дворец?' [2, с. 205], *Yaşlı ata bir şey olmuştu* 'Что-то было со старым конём' [15, с. 92].

ЛИТЕРАТУРА

1. Reşat Nuri. Çalıkuşu. İstanbul, 1945.
2. Sabahattin Ali. Hikâyeler. Sofya, 1964;
3. Sabahattin Ali. Hikâyeler. Sofya, 1954;
4. Sabahattin Ali. Kürk Mantolu Madonna. Sofya, 1960.
5. Yaşar Kemal. İnce Memed. Sofya, 1958;
6. Yaşar Kemal. Orta direk. Sofya, 1964.
7. Fahri Erdinç. Alinin biri. Sofya, 1958.
8. Ata sözleri ve özlü sözler. Sofya, 1960.
9. Aziz Nesin. Orkestra adam. Sofya, 1960.
10. Nevzat Üstün. Yaşama duvarı. İstanbul, 1964.
11. Melih Cevdet Anday. Aylaklar. Sofya, 1966.
12. VARLIK yillığı. 1962. Ankara, 1963.
13. Aziz Nesin. Şimdiki çocuklar harika. İstanbul, 1967.
14. Sabahattin Ali. Bütün eserleri. Sofya, 1968.
15. Fakir Baykurt. Onbinlerce kağıt. Ankara, 1973.
16. Orhan Hançerlioğlu. Büyük balıklar. İstanbul, 1952.
17. Şevket Süreya Aydemir. Suyu arayan adam. İstanbul, 1974.
18. Kemal Tahir. Göl insanları. Ankara, 1969.
19. Aksoy Ö. A. Ata sözleri ve deyimler sözlüğü. Ankara, 1971.
20. Yeni edebiyat. № 6. İstanbul, 1970.
21. Aziz Nesin. Altın palmiye kazanan kitaplar. İstanbul, 1967.
22. Fahri Erdinç. Diriler mezarlığı. Sofya, 1964.
23. Nazim Hikmet. Bütün eserleri. C. VI, VII, VIII. Sofya, 1971.
24. Джикия С. С. Турецкая хрестоматия. Тбилиси, 1971.
25. Aziz Nesin. Biz adam olmayız. İstanbul, 1970.
26. Орлов С. О., Трофимов А. Э., Шанин В. А. Учебное пособие по речевой практике для 3 курса. М., 1974.
27. Fethi Savaşçı. Özel ulak. İstanbul, 1973.
28. Aziz Nesin. Zübük. Kağıt gölgesinde it. İstanbul, 1977.

К. Ш. ХУСАИНОВ

ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ СМЕХА В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

В языке эмоциональные оттенки и физические признаки смеха чаще всего передаются описательно, и многое из того, что воспринимается глазом или ухом, остается за пределами обозначения. При этом в лексико-семантической структуре различных языков одни и те же внешние признаки рассматриваемого эмоционального состояния технически обозначаются по-разному. В одном из немногочисленных исследований лексико-фразеологического поля обозначений смеха в современном русском языке [1] в соответствии с принципами комбинаторного анализа глагольные лексемы смеха, служащие наряду с глагольно-именными фразесочетаниями фактическим материалом, делятся по значению на два множества: по наличию/отсутствию звука и по характеру оценки. Дальнейшая конкретизация описания предполагает выделение ряда других элементов для каждого множества: для первого—«выражение эмоций мимикой губ, без звука; выражение эмоций мимикой губ в сопровождении шума; выражение эмоций мимикой губ в сопровождении голоса; для второго—положительная эмоциональная оценка смеха с позиции слушающего и отрицательная эмоциональная оценка смеха с позиции слушающего» [1. С. 10]. Кроме того, важными семантическими элементами глаголов смеха являются их особенности в отношении степени раскрытия рта и степени громкости силы звука.

Специфика звукоизображения смеха в разных тюркских языках иногда может резко различаться, что объясняется своеобразием конкретного тюркского языка, особенностями его исторического развития, контактами с другими языками и т. д. Например, в якутском языке, по Харитонову, встречаются такие звукоизображения смеха, как *hī* (с носовым гласным)—подр. звуку презрительной усмешки, *hī-hī*—подр. сдержанному смеху, *ha-ha-ha*—подр. раскатистому громкому смеху, *he-he-he*—подр. самодовольному, злорадному смеху, *hi-hi*—подр. смущенному смешку, *ho-ho-ho*—подр. презрительно-насмешливому хохоту [2. С. 161]. Следует отметить, что в якутских звукоизобразительных формах обозначения смеха налицо сильное влияние русского языка.

В узбекском языке употребляются такие звукоизобразительные формы передачи смеха, как *piq-piq kül*—‘хихикать (в кулак), ехидно посмеиваться’, *qaxqaxla*—‘хохотать’, *qix-qix qil*—‘хихикать’ и т. д. [3. С. 329, 610, 617], в киргизском *-bors-bors kül*—‘смеяться громко и отрывисто’ [4. С. 147].

В казахском языке Ш. Сарыбаевым зарегистрированы 15 видов звукоизобразительного обозначения смеха [5. С. 9]. В данной статье

нами рассматриваются 18 видов казахских обозначений смеха, из которых 15 являются звукоизобразительными, а 3—звукоизобразительно-нейтральными; при этом и те и другие структурно однотипны и выступают в качестве именной части составного глагола. Поскольку исследуемый тип именной части составных глаголов в значительной степени информативен и связан с рядом экстралингвистических моментов, то представляется интересным раскрыть некоторые специфичные социально-коммуникативные аспекты семантики глаголов смеха. В данном случае имеется в виду, что в силу физической реальности, а также традиций и исторически сложившихся этических норм в казахском обществе тот или иной вид смеха может быть характерен только для мужчин или женщин, для детей или стариков, быть приличным или нетактичным, грубым или красивым и т. д. Все это физическое и этическое разнообразие часто дифференцируется конкретными звукоизобразительными обозначениями. Подобная информативность звукоизобразительных форм широко применяется казахскими писателями при описании того или иного персонажа, той или иной психологической ситуации, для образной передачи взаимоотношений героев.

Имеющийся в нашем распоряжении материал показывает, что в казахском языке к звукоизобразительным глаголам, обозначающим различные виды смеха, относятся следующие аналитические образования:

Duw kül- 'одновременно громко засмеяться, захохотать, взорваться смехом (о смехе группы людей)'.
 Первый компонент глагола—*duw kül-* представляет собой звукоподражательное слово, которое в казахском языке употребляется как самостоятельно, так и в составе производного глагола: *duw* 'шум, гам, взрыв голосов', *duw et-* 'внезапно зашуметь, дружно голосить', *duwilda-* 'шуметь, гудеть (о пламени), зудеть (о коже)' и т. д. Согласно общеизвестным межтюркским звукосоответствиям (в частности, *suw > sui* 'вода') звукоподражательное слово *duw* в других тюркских языках употребляется с долгим гласным; кирг. *duula-*, *duulda-* 'шуметь, гудеть, гомонить, оживленно разговаривать; пользоваться славой; быть во множестве', *duu külüp žiber-* 'разразиться хохотом'; туркм. *duw*—подр. звуку пламени (напр., в самоварной трубе, и т. п.); ср. также (вероятнее всего, гетерогенные): якут. *doogunaa-* 'звонко гудеть (о пении густым голосом, о полете шмеля)'; узб. *dudula-* 'гудеть, дудеть' и т. д.

Širq -širq kul- 'смеяться беспричинно, смеяться осклабясь, некстати расплываться в улыбке'. Чаще всего рассматриваемый глагол обозначает неуместный, беспричинный, легкомысленный смех. Так беспричинно и неуместно смеются люди, либо не способные по каким-либо причинам понять серьезность ситуации, либо в силу слабости натуры вынужденные испуганно, растерянно заискивать перед окружающими. Иногда такой смех женщины в разговоре с мужчиной подчеркивает ее несдержанность, легкость поведения.

Изобразительный компонент данного глагола структурно соответствует широко распространенной модели подражательных основ типа СГСС со значением быстрого, моментального, отрывистого движения или звучания. В основе значения глагола лежит обозначение двигательного момента, мимического выражения конкретной эмоции человека, которое, в свою очередь, мотивировано звуками при разрывании, резком разделении и т. п. действиями, ср.: туркм. *žirila-* 'рвать с треском;

Zirīm-žirīm 'разорванный в клочья', (напр. ткань, бумага и т. п.); каз. *žirt-* 'рвать, разрывать', *žirqilda-* 'некстати расплываться в улыбке';

якут. *irbaj-* 'раскрываться продольной щелью (о губах, о ране); растягивать губы в улыбке, улыбаться беспечно, легкомысленно (о девочке)'; *irtaj-* 'приподнимать и растягивать верхнюю губу, беспечно улыбаться'; узб. *jirik* 'щель, расщелина', *iržaj-* 'ухмыляться, улыбаться, скалить зубы'; тув. *čirtaj-* 'слегка подниматься (об уголках губ при улыбке)' и т. д.

Keñk-keñk kül- 'смеяться негромко, отрывисто, как бы покашливая: кхе-кхе-кхе. Этот вид смеха чаще всего характерен для человека важного, самодовольного, считающего себя воплощением степенства, значительности. Кроме того, негромко, отрывисто, как бы покашливая, может смеяться человек старый, слабый или больной.

Подражательная основа *keñk* обозначает отрывистый и достаточно громкий звук, который в казахском, киргизском и некоторых других тюркских языках выражает не только описанный вид смеха, но и отрывистый громкий плач, плач навзрыд, рыдание и другие звуки: каз. *keñkilde-* 'отрывисто плакать, отрывисто смеяться', *keñirdek* 'трахея, дыхательное горло'; кирг. *keñk*—подр. громкому и отрывистому звуку, *keñkildep iñla-* 'плакать навзрыд'; туркм. *keñkir-* 'громко плакать, рыдать, реветь, голосить; орать, кричать'; якут. *kiñinej-* 'бурчать, ворчать под нос', *kiñkinē-* 'гулко звенеть, гудеть'; тув. *keñgirge* 'барабан, бубен, литавры' и т. д. Звукоизобразительная функция корневой морфемы связана с особенностями произнесения глухого смычного и увулярного носового сонанта, артикуляторно близких с воспроизводством звуков покашливания.

Qarq-qarq kül- 'хохотать, смеяться громко, раскатисто'. По исторически сложившейся национальной традиции, у казахов этот смех более характерен для мужчин, однако не является их привилегией.

В казахском языке от звукоподражательного корня *qar* образовался ряд производных—в основном это глаголы звукообозначения или названия производителей резких, грубых звуков чаще всего низкой тональности: *qarqilda-* 'каркать; громко смеяться, хохотать', *qarğa* 'ворона', *qarlıq-* 'охрипнуть', *qarlığaš* 'ласточка', *qarqara* 'цапля' и т. д. В большинстве тюркских языков значение рассматриваемого корня сохраняется в пределах звукоподражания низкому грубому голосу/звуку, при этом возможны случаи выпадения вибранта *r*, указывающего на продолжительность резкого звучания: *qarq*—подр. громкому и грубому выкрику, крику журавля, *qaq*—подр. карканью вороны, туркм. *qarq-qarq*—подр. кряканью, крику гусей, *qax-qax*—подр. громкому раскатистому смеху; якут. *xar-*—подр. звуку сочного кашля, клекотанью бурной кипящей каши, масла и прочего, *xaayırğa-* 'каркать, гркать'; узб. *qartilla-* 'гудеть, трубить, реветь, греметь (напр., о звуках карная)'; тув. *qarşıra* 'вид горлового пения', хакас. *xarix-* 'храпеть' и т. д.

Mirs-mirs kül- 'смеяться тихо; улыбаться, усмехаться, ухмыляться'. Этот вид смеха традиционно считается выражением скромности, воспитанности, сдержанности, а иногда—застенчивости. Будучи свойствен мужчинам и женщинам, этот смех наряду с положительной эмоцией может выражать и легкую, добродушную иронию.

Сопоставление ряда производных с корневой морфемой подражательной основы *mirs*, где соположение вибранта с глухим фрикативным в ауслауте обозначает относительную краткость действия или звучания, а анлаутный губно-губной носовой сонант несет основную звукоизобразительную функцию, позволяет определить гомогенность таких слов, как *mirsilda-*—то же, что *mirs-mirs kül-* и *mirsim* 'устаревшая национальная игра, участники которой состязаются в ловкости и находчи-

вости с кольцом во рту, т. е. молча'. В плане общего значения 'молчание, сомкнутое, сжатое положение губ' с этим словами соотносимы также *misqil* 'легкая ирония, безобидная колкость', *murt* 'усы', *miñqilda* 'гундосить, бубнить' и т. д. Та же символизация сохраняется и в других тюркских языках: туркм. *mis-mis*—подр. беззвучному смеху, *mis-mis gül* 'смеяться тихо, беззвучно', *mür-mür*—подр. мурлыканью; кирг. *mirinda* 'гундосить', *mirilda* 'мурлыкать' и т. д.

Saq-saq kül 'смеяться громко, звонко, отрывисто'. По силе звучания и экспрессивности этот вид смеха сходен с ранее рассмотренным *qarq-qarq kül*. В то же время здесь более выражены молодость, задор, энергия смеющегося. Такой смех характерен для джигита, мужчины, находящегося в расцвете сил, полного энергии и уверенности в своих действиях.

В казахском языке от изобразительного корня *saq* образован ряд производных, обозначающих резкие, отрывистые звучания различных источников: *saq-saq et* 'издавать резкие, отрывистые, шелкающие звуки (напр., о зубах или других твердых предметах)', *saqir-saqir*—подр. многократно повторяющимся звукам кипящей жидкости и т. д. Значение «резкий, отрывистый звук», в других тюркских языках будучи основным, в то же время передает и некоторые другие производные значения: ср.: кирг. *šağılda* 'бурлить, клокотать, издавать резкий, четкий звук; трещать (о сороке); болтать, много и громко говорить', *šağ*—подр. резкому и отрывистому звуку шелканья, шлепанья, удара; громкому смеху и т. п.; туркм. *šağ-šağ*—подр. громкому смеху, *šağ*—подр. шуму большого потока воды или шуму сильного ветра; якут. *saḡiḡirā* 'громко смеяться, хохотать'; *ṣaḡarij* 'говорить чрезмерно громко и протяжно высоким голосом'; узб. *ṣağ-ṣağ*—подр. капанью и т. д.

Saṇq-saṇq kül 'смеяться громко, звонко, заразительно'. Этот вид смеха имеет много общего с предыдущим, однако в нём больше мелодичности, мягкого тона. Последнее достигается за счет увулярности сонорного. При попытке определения типажа, обладающего данным видом смеха, обычно представляется человек общительный, открытый, способный и словом и делом завоевывать симпатии людей.

В его звонком смехе есть что-то призывное, заразительно, притягивающее; очевидно, не случайно звукоподражательное наименование этого вида смеха в казахском и других тюркских языках созвучно клетку беркута, сокола и других сильных птиц: каз. *sañqıldā* 'издавать резкие, звонкие звуки; клеткотать; громко говорить звонким голосом; звонко чеканить слова', *sañqırla* 'звенеть, звякать, лязгать, резонировать; громко говорить' *šaṇqawıq* 'музыкальный инструмент'; кирг. *šaṇq-šaṇq kül* 'звонко смеяться', *šaṇq-šaṇq*—подр. клеткотанию (беркута); туркм. *ṣanni* 'звонкий, звучный', *ṣaṇqilda* 'звенеть'; якут. *ṣaṇ*—подр. резкому звуку удара по массивному металлическому предмету, *ṣaṇij* 'кричать пронзительно резким голосом' и т. д. Чередование глухих фрикативных и аффрикаты в аналауте звукоизобразительных слов в семантическом отношении индифферентно.

Siq-siq kül 'смеяться тихо, сдержанно, хихикая'. Характерностью этого вида смеха является негромкий звук. Так смеются чаще всего при определенных обстоятельствах, не позволяющих смеяться громко и открыто в силу застенчивости, предельной скромности, стыдливости; например, смех молодых женщин в присутствии старших мужчин. Если так смеются мужчины, то их голос из-за высокой тональности становится похожим на женский.

Воспроизведение звуков высокой тональности требует достаточного напряжения органов артикуляции. Наличие в подражательном корне *siq* анлаутного свистящего *s* и узкого *i* способствует изобразительному выражению звуков, типологически связанных с высоким тоном, свистом, писком и т. д. В связи с этим в звукоизобразительном плане сопоставимы в тюркских языках следующие образования: каз. *siq*- 'сжимать, сдавливать', *siqirla*- 'скрипеть', *isqir*- 'свистеть', *siqsij*- 'прищуривать глаза'; туркм. *siq*- 'давить, жать, выжимать, выдавливать', *siqiliq* 'свист, посвист', 'иволга'; кирг. *qan siqtat*- 'доводить до горьких (букв. кровавых) слез', *siqiliqta*- 'хихикать'; якут. *sihiqirā*- 'смеяться сдержанным смехом, хихикать' и т. д.

Siq-silq kül- 'смеяться тихо, умиленно'. Этот вид смеха по своей выразительности и силе звука сходен с предыдущим. Какие-либо типичные черты, связанные с характером или полом смеющихся, выделить трудно, так как в большинстве случаев подобное выражение эмоций обусловлено конкретными обстоятельствами. Одной из таких ситуаций может быть момент, когда человек, испытывая чувство радости и удовлетворенности удачным завершением какого-либо дела в недавнем прошлом, с удовольствием вспоминает о нем и как бы заново переживает приятные ощущения успеха.

Звукоизобразительная модель рассматриваемой основы соответствует типу СГСС, где присутствие латерального в анлауте символизирует мягкость, относительную продолжительность, а сама основа представляет собой гомогенное образование со следующими словами тюркских языков: каз. *silqilda*- 'тихо журчать, струиться (о воде); хлюпать; расслабиться, шататься', *silqij*- 'ослабевать, обессилеть', *silq-silq žut*- 'звучно, с шумом пить, глотать (жидкость)'; кирг. *šilq*—подр. слово, обозначающее хлябанье, быстрое ослабление, *šilqilda*- 'хлябать'; якут. *čilir*—подр. бряканью связки ключей, мелких металлических предметов, хлюпанью жидких и слизистых веществ и т. д.

Taŋq-taŋq kül- 'смеяться громко, звонко, отрывисто'. Так смеются люди, как правило, не лишённые хвастливости, самонадеянности. Иногда в их смехе чувствуется неискренность и лицемерие; не поддержанные окружающими, они могут оказаться в неловком положении.

Звукоизобразительная модель подражательной основы *taŋq* соответствует типу СГСС. Увулярный сонорный *ŋ*, как и во многих других однотипных основах, указывает на звонкость, назализованность звука. Конечный *q*, наоборот, является показателем отрывистого, резкого звучания. Смехообозначающая функция основы является вторичной и налагается на первоначальное, звукоподражательное значение корней и основ, обозначающих звук удара, стука по различным твердым предметам; ср.: каз. *taŋdaj* 'нёбо', *taŋqilda*- 'говорить звонким голосом, четко, громко', *taqilda*- 'стучать; говорить без умолку, тараторить'; туркм. *taŋq-taŋq*—подр. сильному отрывистому звуку при ударе о медные или жестяные предметы, *taŋqa* 'чугунный или медный кувшин'; кирг. *toŋquldaq* 'дятел'; якут. *taŋ*—подр. звуку удара по металлу, звуку струны; *taŋqinā*- 'издавать резкий, низко звенящий звук (о крупных металлических предметах)' и т. д.

Tarq-tarq kül- 'смеяться громко, неуместно, грубым, неприятным смехом'. Этот вид смеха чаще всего свойствен людям нетактичным, нескромным, которые к тому же нередко болтливы, поверхностны и прямолинейны. В художественной литературе такой смех, как правило, характеризует мужской персонаж с негативной стороны.

Звукоизобразительная основа состоит из подражательного корня

tar и модификатора *q*. Громкость звучания выражена широким негубным *a*, по акустическим особенностям наиболее типичным при передаче сильного, громкого и открытого звука. Вибрант *r* в силу своей физической специфики придает звукоизобразительному корню значение грубости.

Модификатор *q* в соответствии с моделью СГСС обозначает прерывность и в данном случае усиливает эффект грубого и резкого звучания. Исторически звукоизобразительная основа *tarq* восходит к именной основе *tarqıl* и является ее сокращенным экспрессивным вариантом. Как по форме, так и по содержанию рассматриваемая основа однотипна с рядом тюркских слов; ср.: каз. *tarsilda*- 'стучать, тарабанить, колотить'; *larpıldap žur*- 'ходить, шаркая ногами, гроыхая'; кирг. *tarq*—подр. треску, резкому отрывистому звуку, *tarqilda*- 'издавать неприятный, скрипучий звук; болтать, говорить ерунду (неприятным голосом)'; туркм. *tarq*—подр. звуку ружейного выстрела, резкого стука, грохота; якут. *tarq*—подр. резкому звуку шарканья или царапанья; узб. *taraqla*- 'грохотать, трещать, стучать, барабанить' и т. д.

Tirq-tirq kül- 'смеяться негромко и вместе с тем легкомысленно, неуместно'. Это вид смеха, отличаясь от предыдущего силой звучания, в то же время имеет с ним и некоторое сходство, так как более характерен для людей нетактичных, нескромных, несерьезных. При грустных, трагичных обстоятельствах, не допускающих выражения радости и веселья, такая глупая смешливость неуважительна, оскорбительна. Рассматриваемый вид смеха может встречаться у людей самого различного возраста, но более типичен он для юных и относительно молодых женщин.

По фонетическому составу звукоизобразительная основа *tirq* от основы *tarq* отличается лишь огласовкой; при этом узкий гласный в соответствии с градационным рядом обозначает звучание меньшей силы и более высокой тональности. Основная семантическая нагрузка падает на вибрант, основная звукоизобразительная функция которого—передача грубого, резкого, дребезжащего звучания. В семантическом и морфологическом отношении основа *tirq* является производной от звукоизобразительного корня *tir* и входит в семантическое поле, образуемое производными: каз. *tiril* 'дребезжание, гул мотора', *tirsil* 'легкий стук, звук падающего предмета (напр., капли)', *tirna*- 'царапать, скрести', *tirnaq* 'ноготь', *tirtiq* 'шрам'; кирг. *tirqira*- 'разлетаться вдребезги; бусевать'; туркм. *tirq-tirq*—подр. негромким отрывистым звукам (при постукивании); якут. *tirq*, *tirt*—подр. легкому («моментальному») треску (при легком разрыве ткани, резком моментальном движении и т. п.); тув. *tirila*- 'вибрировать, производить вибрирующий звук'; хакас. *tirbaxti*- 'царапать, царапаться'; узб. *tirikla*- 'стучать (тихо, негромко)' и т. д.

Qijq-qijq kül- 'смеяться писклявым, визгливым голосом; смеяться до коликов в животе; давиться смехом'. Этот вид смеха, как правило, является результатом безудержного, продолжительного хохота, когда после сильного напряжения смех переходит в писк, визг, хрипоту и кашель. Такой смех чаще всего характерен для взрослых и пожилых мужчин и женщин. Иногда такой смех зависит от голоса смеющегося или его физического состояния.

Звукоизобразительность обозначения данного вида смеха тесно связана с самим характером звуковыражения. Наличие в подражательной основе увулярных смычных в анлауте и ауслауте, узкой гласной

в инлауте обусловлено напряжением органов речи при воспроизведении звуков данного смеха. Звукоизобразительное обозначение *qijq* в казахском языке вторично по отношению к подражательному корню и его производным, ср.: каз. *qijq*—подр. пронзительному крику, звуку высокой тональности, *qijquw* 'гиканье; клекот, крик журавля и других птиц', *qijq-šijq*—подр. скрипу и т. п. звукам; якут. *hī-hīq*—подр. звуку сдавленного смеха, *qiq*—подр. крику птицы, скрипу двери, *qijda* 'кричать, пугать, отгонять криком'; туркм. *yi-yir* 'кричать истошным голосом, орать, звать; кричать (о петухе); давать гудок, сигнал (о паровозе)', *kikir-kikir*—подр. хихиканью; кирг. *qijq*—подр. скрипу, *qijqilda* 'издавать сдавленные звуки; затрудненно и хрипло дышать'; узб. *qijqi* 'кричать, вопить'; хакас. *xijči* 'крик'; тув. *qijč* 'клич, зов, крик, возглас' и т. д.

Šijq-šijq kül 'смеяться писклявым, визгливым голосом, закатыватьсь от смеха'. Такой смех характерен для человека любого возраста с тонким голосом.

В звукоизобразительном плане обозначение данного вида смеха очень близко к *qijq-qijq kül*: не случайно в парном образовании *qijq-šijq*—подр. сдавленным, писклявым, скрипучим звукам *qijq* и *šijq* выступают как компоненты, передающие однотипные, но несколько отличающиеся друг от друга звуки. Плоскощелевой характер артикуляции фрикативного *š* и смычность увулярного *q* выступают в соответствующих подражательных основах в качестве семантически релевантных признаков. Исходное значение подражательной основы *šijq* широко представлено во многих тюркских языках: каз. *šijqilda* 'скрипеть (напр., о двери, телеге и т. д.); пищать, протяжно чирикать (о птицах)'; хакас. *sixt* 'пищать'; тув. *sijt*—подр. чириканию, писку; кирг. *čijq*—подр. скрипу, визгу, *čijpilda* 'чирикать, пищать'; туркм. *šy*—подр. свисту, шуму (напр., чайника перед закипанием); якут. *čiči-yirā* 'напряженно потрескивать, скрипеть' и т. д.

Iržan-iržan kül 'смеяться беззвучно, осклабясь, обнажив зубы и десны'. Как видно из описательного перевода, название данного вида смеха отражает внешний вид, мимику смеющегося. В значении этого подражательного глагола содержится явно выраженный оттенок негативности, т. е. указывается на беспричинность, легкомысленность, глупость смеха. Встречаются также случаи выражения более нейтрального значения, когда, например, с помощью этого глагола подчеркивается скованность, застенчивость младшего в общении со старшим или же неловкость, стыдливость и растерянность влюбленных при встрече друг с другом.

Если исходить из того, что звукоизобразительным корнем является *ir*, от которого в казахском языке образован ряд производных (*ir et* 'зарычать', *irilda* 'рычать', *irildas* 'рычать друг на друга; ругаться, скандалить', *irīn-žirīn* 'скандал, ссора, недовольство, перебранка'), то с присоединением суффиксов *-žij*, *-sij*, *-šij*, *-bij* образуются императивы глаголов с нейтральными, незвукоподражательными значениями: *iržij* 'осклабиться, скалить зубы', *irbij* 'гримасничать, кривить рот', *iršij* 'разверзаться, раскрываться' и т. д. Самостоятельно подражательный корень с модификаторами в казахском языке не употребляется. Исключение составляет звукоизобразительная основа *irs* > *irs-irs et* 'пыхтеть, тяжело дышать, запыхаться'. В других тюркских языках однозначные подражательные корни и основы в анлауте могут иметь спирант *x* или глухой смычный *t*; ср.: кирг. *ir*—подр. ворчанию собаки; слово, которым дразнят собаку, *irilda* 'злобно реветь, рычать', *iržij*, *iršij* 'оскалить зу-

бы (при смехе)'; туркм. *xīr-xīr*—подр. ворчанию, рычанию, урчанию, *xīrla*—'рычать, урчать (о собаке)'; якут. *īr*—подр. ворчанию, предостерегающему рычанию собаки, *īrdaj*—'оскалить зубы'; узб. *tīržaj*—'скалить зубы, расплываться в улыбке'; тув. *īrlan*—'рычать', *īrzanna*—'смеяться, улыбаться (осклабась)'; шалить, баловаться, вести себя безрассудно'; хакас. *īran*--'рычать, ворчать' и т. д.

Selk-selk kül—'смеяться негромко, трясясь и вздрагивая всем телом'. Основной особенностью данного вида смеха является то, что человек не издает резких и громких звуков, но при этом трясется всем телом. У некоторых при таком смехе лицо становится красным, рот искривленным, шея раздутой и общий вид весьма несимпатичным. У других же трясущиеся движения хотя и видны, но не так явно, так как больше всего обращает на себя внимание душевный, искренний и радостный смех веселого человека с не очень широко раскрытым ртом, сильно прищуренными (иногда даже зажмуренными) глазами. Такой смех более характерен для взрослых мужчин и женщин. Положительная или отрицательная оценка этого смеха с позиции слушающего зависит от его отношения к смеющемуся, а в случае с незнакомым человеком—от его внешности.

Структура основы *selk* соответствует модели СГСС звукоподражательных слов, широко распространенных как в казахском, так и во многих других тюркских языках. Значение краткости, отрывистости действия или звучания передается глухим смычным в ауслауте. При употреблении в качестве именной части составного глагола указанное значение сохраняется, а в синтетических глагольных образованиях появляется значение многократности, продолжительности: *selk et*—'вздрагнуть, содрогнуться', *selkilde*—'трястись, содрогаться' и т. д. В других тюркских языках от основного значения образуются некоторые производные: кирг. *selk et*—'встряхнуться'; *selkilde*—'качаться, колебаться'; трястись (напр., на телеге по неровной дороге); 'сгибаться и разгибаться корпусом (напр., на качелях)', *selkinček* 'качели'; туркм. *selk-selk* 'шевеление, дрожание, праздное шатание, бездельничанье', *selkilde*—'трястись, дрожать; бездельничать, шляться без дела' и т. д.

К. К. Юдахин и М. Худайкулиев соответственно в киргизском и туркменском языках рассматривают основу *selk* как подражательную [4. С. 642; 6. С. 124]. Однако подобные основы сходны со звукоизобразительными только структурно, в качестве усеченных образований с явно выраженной экспрессивностью. Звукосимволизм гласной проявляется лишь в сравнении с однотипной основой с другой огласовкой, например, *solq*, о которой речь пойдет ниже.

Solq-solq kül—'смеяться громко, сотрясаясь грузным телом'. Это обозначение смеха в казахском языке представляет усиленный вариант глагола *selk-selk kül*. Семантическое различие здесь в том, что в данном случае голос смеющегося грубый, низкой тональности, резкий, движения мощные. Это смех грузного, сильного, массивного человека, сотрясающегося всем телом, особенно большим, сильно выпирающим животом.

Морфологически и в плане экспрессивности основы *solq* и *selk* совершенно одинаковы. В то же время признак «мягкость—твердость» для рассматриваемой пары основ выступает как семантический дифференцирующий: вариант с мягкими согласными и более передним гласным (*selk*) обозначает мелкие, учащенные движения, а с твердыми согласными и с задним огубленным гласным (*solq*)—движения более грубые,

мощные. Семантическое различие основ отчетливо проявляется в экспрессивно-нейтральных глаголах: *solqilda-* 'сотрясать; стучать, пульсировать; колебаться', *selkilde-* 'трястись, содрогаться', *silki-* 'трясти, встряхивать'. В других тюркских языках возможно чередование сонантов, ср.: кирг. *solq et-* 'вздоргнуть, дрогнуть', *solqilda-* 'пружиниться, быть упругим; колебаться; дрожать, трястись'; туркм. *sorq-sorq* — подрощению тупой боли, *sorqulda-* 'ныть, ломить' и т. д. Если указанные основы рассматривать как производные от др.-тюрк. *sek-* 'прыгать, подпрыгивать; быстро идти' [7. С. 494], *soq-* 'бить, ударять' [7. С. 508], то инлаутные сонорные есть результат метатезы в глаголах типа *soqul-* 'ударяться' [7. С. 509].

Irq-irq kül- 'смеяться, сотрясаясь всем телом, особенно чрезмерно толстым животом'. Название данного вида смеха семантически близко к *solq-solq kül-*. Такой смех характерен для людей очень полных, грузных, страдающих ожирением. Если это женщина, то о ней говорят, что она *bes bijenin sabasındaj* 'подобна кожаному сосуду, вмещающему молоко пяти кобылиц', а если мужчина, то *töbödöj* 'как гора' или *şökkön nardaj* 'как верблюд, опустившийся на колени'. Создается впечатление, что эти массивные люди могут не выдержать напряжения от громкого и раскатистого смеха и поэтому смеются сотрясаясь, но не резко, а мягко и плавно, подобно рыхлой массе.

Гомогенной с *irq* в казахском языке является основа *irk/irkilde-* 'колебаться, колыхаться, слегка дрожать, вздрагивать (о студенистой массе)', которая, в свою очередь, происходит от глагола *iri-* 'гнить, разлагаться, киснуть' (отсюда *irin* 'гниль', ср.: *irigen sūt* 'прокисшее молоко' и т. д.). Глагол *irkilde-* в указанном значении в казахском языке употребляется в отношении самых различных рыхлых, неплотных предметов. Что же касается человека, то при описании его рыхлости, чрезмерной полноты и связанных с подобным телосложением движений чаще употребляется глагол *irqilda-* 'двигаться неуклюже; вздрагивать подобно рыхлой, студенистой массе'.

Форма *irq* является усеченно-экспрессивным вариантом глагольно-именной основы *irqıl*.

Таким образом, рассмотрев звукоизобразительные и структурно сходные с ними составные глаголы смеха в казахском языке и сопоставив эти обозначения с гомогенными формами в других тюркских языках, можно заключить, что в семантическом плане образование звукоизобразительных глаголов смеха основано на метафоричной связи со значениями глаголов звукообозначения/звукоподражания. Обладая значительной экспрессивностью, звукоизобразительные основы типа СГСС чаще всего представляют собой усеченные формы глагольно-именных единиц с одним или несколькими аффиксами, нейтрализующими экспрессивную выразительность обособленных корня или основы. Звукоизобразительные глаголы смеха в казахском языке в значительной степени информативны и вследствие этого весьма эффективны при художественном, образном описании. Сопоставительное изучение звукоизобразительных глаголов смеха в общетюркском плане, очевидно, будет способствовать выяснению некоторых вопросов глоттогенеза и этнографии тюркоязычных народов.

ЛИТЕРАТУРА

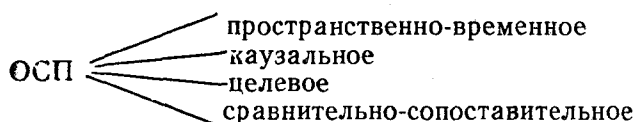
1. Ротова М. С. Лексико-фразеологические поля обозначений смеха и плача в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1985.

2. Харитонов Л. Н. Типы глагольной основы в якутском языке. М.; Л., 1954.
 3. Узбекско-русский словарь. М., 1959.
 4. Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1965.
 5. Сарыбаев Ш. Ш. Еліктеуіш создер: (Методическое пособие). Алматы, 1982.
 6. Худайкулиев М. Подражательные слова в туркменском языке. Ашхабад, 1962.
 7. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
-

М. М. МУСАЕВ

ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ С КАУЗАЛЬНЫМ И ЦЕЛЕВЫМ ОТНОШЕНИЕМ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ОГУЗСКОЙ ГРУППЫ

В статье на материале огузских тюркских языков определяются расчлененность и нерасчлененность, сходные и отличительные особенности обстоятельственных сложноподчиненных предложений (ОСП) и некоторых сопредельных с ними полипредикативных единиц с причинным и целевым отношением, выявляются их структурно-функциональные виды, выделяются группы по аналитическим и синтетическим показателям связи. Далее, с учетом семантического изучения синтаксиса затрагиваются вопросы многозначности и омонимии моделей синтаксических единиц, аранжировка некоторых видов СП в микротексте, определяются отдельные моменты актуального членения изучаемых СП. Наряду со сказанным, выявляется и схема структурно-семантической классификации ОСП:

В каузальных СП зависимая часть выражает причину, а главная— следствие. Эти синтаксические единицы в системе ОСП, отличаясь от других одночленных структур, в большинстве случаев представляют собой два взаимосвязанных суждения [1. С. 529]. В таких полипредикативных единицах по расположению компонентов, моно- и разносубъектности и способу связи различаются четыре структурно-функциональных вида. Первый, третий, четвертый виды этих предложений распространены во всех рассматриваемых языках, второй—в азербайджанском и гагаузском.

Первый вид. В этих ОСП главная часть находится в пре-, а придаточная—в постпозиции. Союзные средства употребляются в зависимых компонентах. Такой вид ОСП характеризуется расчлененностью структур. Первый вид ОСП отличается от остальных еще и тем, что в них в соответствии с актуальным членением главный компонент выделяется как рема, которая по содержанию предложения является следствием.

В азербайджанском языке компоненты таких ОСП связываются с помощью союзов *чунки* 'так как', *она кәрә ки* 'потому что', *ондан өтрү ки* 'из-за того что'. Например: Папиросла да һәјәтә кирмәк олмазды, чүнки (онакәрә ки, ондан өтрү ки) Умуд бу вахтачан нәинки атасынын, һеч гардашы Камранын да јанында дамағына папирос гојмамышды (И. Мәликзаде. Јашыл кечә) 'И с папиросой в зубах нельзя было войти

во двор, потому что до сих пор Умуд не то что при отце, но даже при брате Кямране не смел курить'.

В турецком языке компоненты первого вида каузальных ОСП также связываются синонимичными союзами. Например: *Artık, hayatından memnun, çünkü bolbol yazabiliyor* (С. S. Tarancı. *Seçmeler*) 'Он уже был доволен своей жизнью, так как имел возможность много писать'.

В гагаузском и туркменском языках такие структурно-функциональные виды каузальных ОСП получили гораздо большее распространение. В гагаузском языке их компоненты связываются союзами, в некоторых случаях являющимися несинонимичными, обусловленными нечеткими дифференциациями показателей связи в данном языке: *аники* 'чтобы', *нечинки*, *нечин ани*, *нечинки ани* 'так как', 'оттого что', 'потому что', *ачан* 'когда', *раз* 'если', *та нечин* 'почему'. Например: *Заводлардан, фабрикалардан касаба зааметчилери бизэ йоллэрлар түрлү механизмалар, сыртымыза руба, та нечин ешинди вар колайлымыз хем ишлемэа, хем динненмаа* (Н. Бабаоглу. Бужак ежеллери) 'Трудящиеся заводов, фабрик, поселков послали много механизмов, одежду для нас, и потому у нас есть теперь возможность работать и отдыхать'.

В туркменском языке компоненты таких видов ОСП связываются простыми и сложными союзами: *себаби*, *себаби дийсең//себап дийсең*, *себап наме дийсең//себаби наме дийсең*, *наме учин дийсең нечун* 'так как, поэтому, потому что'. Например: *Режеп хат язып отуран еринден буларың гүррүни динлейэрдн, себаби макаланы язанэзүди* (Х. Ысмайылов. *Өкүз гөдек*) 'Сидя, Реджеп слушал то, что они говорили, потому что он сам написал статью'.

Второй вид. Этот вид каузальных ОСП распространен в азербайджанском и гагаузском языках. В них главная часть употребляется в пре-, а зависимая—в постпозиции. Зависимый компонент с главными связывается союзами, союзными словами (употребляющимися также факультативно), выражает причину, а в целом ОСП отличается нерасчлененностью структур. Главной дифференциальной особенностью, характеризующей второй вид ОСП, является то, что союзные скрепы в них являются не одно-, а двухместными.

В азербайджанском языке в таких ОСП синонимичные союзные слова *она кэрэ* 'потому', *онун учун* 'для того', *ондан өтрү* 'из-за' и союз *ки* 'что' употребляются в главном компоненте. Например: *Мэн Угурлуја она кэрэ миннэтдарам ки, о, нэ өзүнүн, нэ дэ башгаларынын негсаньны мэндэн (нэинки мэндэн, неч кэсдэн) кизлэтмир* (С. Сəхавəт. *Јүз илин кишиси*) 'Я потому благодарен Угурлу, что он не скрывает от меня (не только от меня, но и от всех) ни свои, ни чужие недостатки'.

В гагаузском языке синтаксические единицы второго вида отличаются от аналогичных ОСП, употребляемых в азербайджанском языке. Поскольку в этих СП союзные слова *онун ичин*, *онуштан* 'потому' находятся в главном компоненте, то союзы *зера* 'так как', *ани*, *ки* 'что'—в зависимом. Следует отметить, что во многих случаях в гагаузском языке в ОСП данного вида союзные средства употребляются коррелятивно, аналогично индоевропейским типологическим структурам, что обусловлено влиянием на синтаксический строй гагаузского языка неродственных языков [2. С. 251]. Например: *Кирана севмэзмиш бобасыны онун ичин, ани о пек фенаймыш* (Буджактан сеслэр) 'Кирана потому не любила своего деда, что он был очень плохим человеком'.

Третий вид. ОСП этого вида распространены во всех исследуемых языках. Зависимая их часть употребляется в пре-, а главная—в постпозиции. В целом ОСП характеризуется расчлененностью структуры.

В азербайджанском языке по показателям связи данные ОСП можно сгруппировать следующим образом:

а. В зависимом компоненте один из членов предложения актуализируется особой просодией и частицей-актуализатором *ки* 'что'. В целом грамматически зависимая часть связывается с главным без союзов. Конечно, между компонентами можно вставить союзные слова, и от этого смысл, выраженный в данной конструкции, не нарушится. Однако такие каузальные ОСП употребляются преимущественно без связывающих средств. Например: Мән ки дәлиләри, ханымлары өзүмдән елә инчитдим, онлар бир дә мәним үзүмә бахмазлар (Эпос «Кероглы») 'Я так обидел богатырей и ханум, что вряд ли они простят меня';

б. В главном компоненте употребляются сложный союз *одур ки* 'потому что' и синонимичные союзные слова *она көрә(дә)*, *буна көрә(дә)* 'потому что', *бунун үчүн дә* 'из-за этого', *онун үчүн дә* 'из-за того'. Те ОСП, компоненты которых связываются союзом *одур ки*, больше всего характерны для азербайджанской художественной литературы первой половины XX в. Например: Бу мәсәләни һәлл етмәк онун үчүн чәтһин иди, одур ки, бу барәдә дүшүнмәји сонраја салыб өз дәстәсини кетдикчә кәркинләшән вәзијјәтдән гуртармаға чалышырды (М. Ибраһимов. Кәләчәк күн) 'Для него было трудно решить этот вопрос, потому он перенес его решение на поздний срок, сейчас он старался вывести свой отряд из того положения, которое становилось все более угрожающим'.

Каузальные ОСП, компоненты которых связываются союзными словами *она көрә(дә)*, *буна көрә(дә)*, *онун үчүн(дә)*, широко распространены в современном азербайджанском языке. Следует отметить, что элемент *дә*, употребляемый с данными союзными средствами, является частицей. Например: Ала гарға/горуға да лазым дејил. //Ону// овламырсыныз /она көрә дә ики јүз ил јашајыр [3] 'Вороне ни к чему заповедник. //Вы// не охотитесь на нее/потому она и живет 200 лет' (И. Мәликзәдә. Јашыл кечә).

Данные предложения, составляя в целом одно высказывание—микротекст, являются отрезками целого текста и представляют собой «единое коммуникативное целое» [4. С. 69], которое характерно, скорее, для единого темо-рематического членения: $T [(T_1s - P_1v) - (T_2s - P_2v)]$ — зависимая часть; P —главная часть.

При актуализации данных высказываний первая (зависимая) часть составляет единую многоступенчатую тему [5] относительно ремы (главной части). Таким образом, проявление каузальных ОСП обусловлено здесь предшествующими предложениями. О подобной взаимосвязанности предложений в тексте Э. Виттмерс пишет следующее: «Предложение не может занимать произвольное место, так как заключенное в нем высказывание необходимо в определенном месте текста» [6. С. 49].

Иногда в азербайджанском языке в подобных каузальных ОСП употребляются и союзные скрепы *һәлә ки* 'пока что', *бир дә ки* 'притом' и т. д., причем места их факультативны. Например: һәлә ки, бејүк оғлу гајыдыб кәлмәмишди, она көрә дә охудуғу дуаны дөфәләрлә тәкрар едир, мәрәсими узадырды (Ф. Кәримзәдә. Худафәрин көрпүсү) 'Поскольку его старший сын еще не вернулся, он неоднократно повторял произносимую им молитву и затягивал ритуал'.

В турецком языке встречается лишь одна структура указанных ОСП. В главном компоненте употребляются союзные слова *онун için* 'потому', *bunun için* 'из-за этого', *onun üzerine* 'из-за него'. Например: Eđitmenle çoban bakmışlar ki, ağa yola gelmiyor, onun için hali kilim döşeli odadan dar atmışlar kendilerini dışarıya (С. А. Komsu. Sevci el-

ması) 'Пастух с родственником видели, что хозяин не соглашается, и потому они выскочили из комнаты, сплошь устланной коврами'.

В гагаузском языке компоненты данных ОСП связываются союзными словами *онуштан* (да), *онун ичин* 'потому'. Например: О хожма гелирди бизим школайа хем пек ислаа методика йардымлары верарди генчлерä, онуштан хепси үүредижилär севärдилär Гаврил Петровичлен лафа дурмаа (Н. Бабаоглу. Бужак ежеллери) 'Он всегда приходил в нашу школу и оказывал молодым методическую помощь, поэтому учащиеся любили разговаривать с Гаврилой Петровичем'.

В туркменском языке в главном компоненте данных каузальных ОСП функционируют союзные слова *шол себäбли- де* 'по той причине', *шонун ерин хем* 'из-за этого', 'по этой причине', *шонун ки учинем* 'потому'. Например: Ол адам өз ады билен атасының адыны биле тутуп йүзленмесең, гаты халамазды, шонуң үчин хем хемме киши оңа Аполлон Аполлонич дьерди (Х. Ысмайлов. Өкүз гөдек) 'Тому не нравилось, когда к нему не обращались по имени и отчеству, и поэтому все звали его Аполлоном Аполлонычем'.

Четвертый вид. Каузальные полипредикативные единицы этого вида получили распространение во всех тюркских языках огузской группы. Во многих случаях эти конструкции, несмотря на их односубъектность, выделяются по расчлененности синтаксической структуры. Компоненты данных полипредикативных единиц также связываются союзными словами и аффигированными частицами, функционирующими как одноместные скрепы. По порядку расположения компонентов такие синтаксические конструкции делятся на две группы:

а. В азербайджанском языке компоненты данных полипредикативных единиц связываются союзным словом *дејä* 'чтобы' и аффигированной частицей *-са*. В письменных памятниках азербайджанского языка союзное слово *дејä* употреблялось в формах *дијән>дејән>дејä* и связывало компоненты каузальных предикативных единиц [7. С. 25]. В таких полипредикативных единицах зависимая часть употребляется в пре- и интерпозиции, в них значения причины и цели довольно близки и приобретают многозначность. Например: *һыңгыртысы ешидилмәсин дејä ағзыны јастыға бәрк басды* 'Она крепко прижалась лицом к подушке, чтобы ее всхлипывания не были слышны'; ... *Сәрхан өз гәлби сынмасын дејä јүз адамын гәлбини сындырарды* (И. Мәликзадә. Јашыл кечә) 'Чтобы не обидеть себя, Сархан задевал сотни людей'.

В гагаузском языке компоненты данных полипредикативных единиц связываются союзным словом *дейни* 'мол'. Например: *Кости хастаймиш дейни*, уроклара гелмеди [8. С. 84] 'Костя был болен, поэтому не пришел на уроки'.

б. Зависимая часть употребляется в пре-, а главная—в постпозиции. Такие полипредикативные единицы распространены в турецком и туркменском языках. В первом компоненты конструкций связываются союзным словом *diye* и сочинительными союзами *da, de//ta, te*. Например: *Üsküdar küpleri çok iyidir diye de annem Büyükadadan bir küp ısmarlamıştı* [9. С. 171] 'Моя мать заказала кувшин с Бюйюкада, якобы потому, что кувшины в Скутари уж очень хороши'.

В турецком языке, в отличие от других исследуемых языков, в зависимости от стилистической заданности и коммуникативной задачи высказывания данные предикативные единицы чаще подвергаются инверсии. Например: *Hiç sevmeden evlendim, anam, babam istedi diye, söz verdik diye* [9. С. 171] 'Я вышла замуж совсем не по любви, а потому, что этого пожелали отец с матерью, потому что мы дали слово'.

В туркменском языке в синтаксических единицах четвертого типа зависимая часть связывается с главной союзными словами *дейип, өйдүп* 'мол, дескать' и частицей *-мы*. Например: *Гыш гутарды дейип*, одыныны байытма, *ягы гелйәр дейип*—унуны (Накыллар ве аталар сөзи) 'Не снимай дрова, говоря: кончилась зима, не кончай муку, говоря: придет враг'; Эмма ондан чекиндилерми, нәетдилерми, гараз, кәнбир гаршысына чыкан болмады (*Я. Мәмәдиев*. Эне топрак) 'Испугались ли его или что-то другое случилось, в общем, никто не выступил лицом к лицу с ним'.

Подобные моносубъектные конструкции называются только полипредикативными потому, что в них предикативный узел в зависимых частях оформлен неполноценно. Так как в плане формы выражения они являются полипредикативными единицами, а не сложными, то в плане содержания—синтаксическими конструкциями с причинным отношением, т. е. отношением двух событий—пропозиций. Таким образом, любое СП есть полипредикативная единица, а все полипредикативные единицы не являются СП.

Что касается ОСП с целевым отношением, то по синтаксической структуре они в основном бывают нерасчлененными. Однако в исследуемых языках употребляются и их расчлененные типы. Ввиду того что предикативные единицы таких синтаксических субстанций формально связываются аналитическим способом, их можно сгруппировать именно по этим показателям связи:

1. ОСП, части которых связываются союзом *ки* и другими аналитическими связывающими средствами, отличаются нерасчлененностью синтаксических структур, поскольку в них зависимый компонент относится к обстоятельствам цели, выражающимся союзными словами, во многих случаях употребляемыми факультативно или же с помощью специальных лексических единиц—в главной предикативной единице.

В азербайджанском, турецком и гагаузском языках в данных СП чаще всего участвует союз *ки*: главный компонент функционирует в пре-, а зависимый—в постпозиции. Например: *Кери чәкилди ки, бирдән бу хәјал, бу әфсанә, бу нағыл јоха чыха биләр* (*Ф. Кәримзадә*. Худафәрин көрпүсү) 'Он отступил назад, боясь, что эта греза, этот призрак, эта сказка вдруг исчезнет'; *Cigarları verirken biz de yanında olalım ki, karısı bizi de görsün* (*О. Kemal*. Bereketli topraklar üzerinde) 'Мы должны быть рядом с ним, когда он сдаст сигареты, чтобы и охранник видел нас'; *О верер пара, ки алалым түрлү культура ишлери, киат* (*Д. К. Чобан*. Таманник) 'Он даст много денег, чтобы мы могли купить побольше канцелярских товаров и бумаги'.

В азербайджанском языке имеется очень интересный вид ОСП с целевым отношением, связывающий компоненты с помощью союза *ки*. В таком СП главный компонент составляется из последних слов предыдущего предложения. Они повторяются в высказываниях и функционируют в роли главных предикативных единиц. Если даже не брать в расчет эти главные предикативные единицы, смысл данного высказывания—отрезка целого текста—не нарушается. Таким образом, указанные повторы—главные предложения—в целом фактически являются анафорическими связывающими средствами текста. Следует отметить и то, что этот «анафорический» предикативный узел составляется только из глагольных сказуемых. Например: *Бәлкә, сәма кәлини ај башындакы чичәк чәләнкини јерә сәпәләјирди*. (*Сәпәләјирди*) *ки, гаты зүлмәти парчаласын, бәдирләндији вахтларда олдуғу кими дүнјаны өз күмүшү зи-*

јасына гәрг етсин (А. Әлијев. Дашлар да аглајармыш) 'Возможно, невеста небес венки на землю со своей лунной головы уронила с тем, чтобы разорвать тьму и вновь окунуть мир в свое сияние, как это бывало в полнолуние'.

Кроме указанных, в связывании компонентов данных СП функционируют еще и союзные слова типа *она көрә* 'потому', *ондан өтрү* 'из-за него, потому', специальные непредикативные компоненты—обстоятельства цели *о мәгсәдлә* 'с той целью', *о гәсдлә* 'с тем намерением', *о сәбәбә* 'по той причине', *гәсдән* 'нарочно' и т. д. Например: Мән сизи гәсдән (о мәгсәдлә, о сәбәбә вә с.) бу отаға әввәлчә кәтирдим ки, сиз Багдадда көрдүјүнүз кәзәлләрин, охујуб-чаланларын үзәриндә нә гәдәр зәһмәт чәкилдијини тәјин едә биләсиниз (М. С. Ордубади. Гылынч вә гәләм) 'Я нарочно сначала привел вас в эту комнату, чтобы вы смогли определить, как много вкладываем мы труда в обучение пению и игре тех красавиц, которых вы видели в Багдаде'.

Поскольку в данных СП по актуальному членению главный компонент во многих случаях является темой (данное), а зависимый—ремой (новое), то второй компонент в ряде случаев, исходя из характера коммуникативной задачи, актуализируется особой интонацией и сложными союзами. Например: Алышан оғлу даһа да тәшвишә дүшдү, гапыны бәрк чәкди вә гапынын ағзында дајанды, ондан өтрү ки, Сона ичәри кирмәсин (М. Чәләл. Бир кәнчин манифести) 'Алышан-оглы еще больше встревожился, сильно толкнул дверь и остановился возле нее, чтобы Сона не вошла внутрь'.

В отличие от других исследуемых языков, в турецком в данных полипредикативных единицах компоненты системно связываются сочинительными союзами *taki* 'дабы', *da//de*. Например: Ahmet Cemil, odasına girer, orada bekler, taki küçük bey kitaplarını alır haremde çıksın [9. С. 174] 'Ахмет Джемиль входит в его комнату и ждет там, дабы маленький господин, взяв свои книги, вышел из гарема'; Hasta iyileşsin de ben masrafa katlanıgım [9. С. 144] 'Я не постою перед расходами, (чтобы) лишь бы больной выздоровел'.

В гагаузском языке ОСП с целевым отношением отличаются от адекватных полипредикативных единиц других исследуемых языков в основном порядке компонентов, функционированием связывающих крепов, поскольку в данном языке употребление союзов характерно для зависимого компонента. Далее, в нем, кроме *ки*, функционируют также союзы *ани*, *аники* 'чтобы', *сансын* 'будто'. В главном компоненте в функции союзного слова употребляются крепы *о зорумнан* 'с той целью', *о ниетлан* 'с тем намерением', *онун ичин* 'потому'. Например: Тодур геләрмиш йазын евә салт о зорумнан (онун ичин), ани диишитирсин рубаларыны (Разг. яз.) 'Весной Тодур потому приходил к себе домой, чтобы поменять одежду'.

В туркменском языке функционирует лишь один структурный тип данных полипредикативных единиц. В таких ОСП компоненты связываются союзным словом *хайсики* 'какой, который', употребляемым в зависимом компоненте; в главном участвует союзное слово *шоңун үчин* 'потому'. Например: Шонун үчин хем она хат яз, хайсики онун инисинин кимин таратындардыгына гөзи етсин (Разг. язык) 'Потому напиши ему письмо, чтобы он знал, на чьей стороне его мать'.

Кроме указанных, в азербайджанском языке функционируют и такие типы сложных предложений, которые в соответствующей лингвистической литературе до сих пор не выделены как ОСП с целевым отношением. Среди них:

а. В главном компоненте в качестве союзных слов, идущих в препозиции, употребляются скрепы *о шэртлэ* 'с тем условием', *бу шэртлэ* 'при условии', *бир шэртлэ* 'с условием'. Зависимая часть, относимая именно к словам, обозначающим цель и выражающимся в главном компоненте, связывается с главной предикативной единицей—союзом *ки*. Например: Семинаријада курчү дилиндэн дэрс демэк үчүн чэнаб Кипианијэ рэсми олараг бу шэртлэ (о шэртлэ, бир шэртлэ) ичазэ веририк ки, сиз даим она нэзарэт јетирэсиниз (*И. Шыхлы. Дэли Күр*) 'Официально позволяем преподавать грузинский язык в семинарии господину Кипиани с тем условием, что вы постоянно будете следить за ним'.

б. Главная часть употребляется в пре-, а зависимая—в постпозиции. Союзные слова, актуализируя зависимую часть как рему, одновременно связывают ее с главным компонентом, функционируют в качестве актуализаторов и сложных союзов. Например: Гызым, бу мешэнин султанлыгыны гэбул едэрэм, бу шэртлэ ки, (о шэртлэ ки, бир шэртлэ ки) сэн дэ мэнэ вэлиэхд оласан (*С. С. Ахундов. Горхулу нағыллар*) 'Дочь моя, я приму султанство над этим лесом с тем условием, что и ты будешь моей наследницей'.

Данные союзные скрепы в языке классиков азербайджанской литературы употреблялись в формах *бэшэрти ки, бэшэрта ки* 'с тем условием'. Например: Кэтирдијиниз шејлэрин башын батырмаг, изин итирмэк мэним бојнума, бэшэрта ки, һэр заддан мэнэ јары пај олсун (*М. Ф. Ахундов. Начы Гара*) 'Мое дело сбывать привезенный товар и скрывать все следы, лишь бы от всех вещей мне досталась половина'.

Во многих случаях придаточное цели со значением условия, выходя за пределы главного компонента, формально функционирует как отдельная синтаксическая субстанция. В таких высказываниях выражается дополнительная информация главной части текста, по отношению к ней осуществляется левосторонняя коммуникативная функция [1. С. 529]. Например: Экэр нэгд пулуноз јох исэ, мэн јаг илэ дэ сөвда едэрэм. *Бэшэрти ки, халис инэк јагы ола* (*М. Ф. Ахундов. Драм эсэрлэри*) 'Если у вас нет наличных денег, то я согласен и на масло. Лишь бы это было настоящее коровье масло'.

Следует отметить, что в последнее время в азербайджанской языковедческой литературе такие типы предикативных единиц определяются как СП с придаточными условия [10. С. 44—45]. Это предположение нами оговаривается: во-первых, СП с придаточными условия в целом отличаются расчлененностью—двучленностью структуры. Исследуемые нами СП являются одночленными синтаксическими конструкциями. Во-вторых, в тюркских языках категория условия в системе синтаксиса выражается конкретно в основном только в гипотаксисе. Поэтому характеристика в указанном исследовании союзных скрепов *о шэртлэ, бу шэртлэ, бир шэртлэ* как обстоятельств условия [10. С. 44] неоправдана. В целом условное значение присутствует в большинстве СП, и особенно во всех многозначных ОСП с придаточными времени, причины, цели, количества, образа действия и т. д. Однако нельзя характеризовать такие конструкции как СП с придаточными условия. Аналогичные СП, кроме синхронных явлений «условия», имеют также присущие только им структурно-функциональные и семантические особенности, поскольку многозначность в гипотаксисе, с одной стороны, отличается от аналогичных явлений, выражаемых в паратаксисе, а в целом же от омонимии [11] языка.

II. Полипредикативные единицы с целевым отношением, компонен-

ты которых связываются союзными словами *deje* (азерб.), *diye* (тур.), *дейни* (гагауз.), *дийип* (туркм.), употребляются во всех исследуемых языках. В данных конструкциях главный компонент функционирует чаще всего в препозиции. Однако в азербайджанском, турецком, гагаузском языках возможно их употребление и в интерпозиции. Их синтаксическая структура отличается расчлененностью, а иногда даже разнотелностью. Например: *Дарсларими яхшы hazırлајым deje* истипраһәт күнү евдән бајыра чыхмадым (Разг. яз.) 'Чтобы хорошо подготовить уроки, в выходной день я не выходил из дому'; *Ben, tekrar söze başlasın diye uzun uzun sabırla bekledim* (N. Hikmet. *Jeşil Elmalar*) 'Чтобы он вновь начал говорить, я долгое время терпеливо ждал'; Ки бакмамаа аалемин ишина дейни, о бааламыш кенди гозлерини бир башгайлан [8. С. 82] 'Чтобы не смотреть на дела (других) людей, он завязал себе глаза платком'; Жүнейит хана бир ярагам гитмесин дийип, хыва яраг экидйән сөвдагәрлерин өнүнде гойдук (X. Деряев. *Ыкбал*) 'Чтобы не было нанесено вреда Джунеид-хану, мы все выложим перед купцами, торгующими оружием'.

Итак, в тюркских языках огузской группы оба анализируемых ОСП и полипредикативные единицы идентичны порядком расположения компонентов и показателем связи. Отличия в отдельные моменты проявляются лишь в функционировании и употребительности союзных средств, в различии функционирования отдельных структурных типов СП и т. д. Отличительные черты в целом связаны с социальными и региональными условиями и степенью развития конкретных литературных языков. Что касается точного определения семантических категорий причины и цели, конкретно выражающихся в данных синтаксических субстанциях, то они опосредствованно закрепляются во взаимосвязи предметов и явлений материальной действительности. В ходе дальнейшего изучения семантической лингвистики такие категории должны обратить на себя пристальное внимание исследователей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Москальская О. И. Аранжировка предложений в тексте и проблема подчинения// Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1980. Т. 9, № 6.

² Дмитриев Н. К. Гагаузские этюды: Строй тюркских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

³ Знаком/обозначается граница актуального членения первой ступени, знаком//— граница второй ступени.

⁴ Шешукова Л. В. Об актуальном членении сложных предложений//Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1972. № 1.

⁵ Т-тема, Р-рема, s—подлежащее или какой-либо иной субстантивный элемент, v—сказуемое. В скобках—вторая ступень актуального членения. Что касается ремы (главной части) высказываний, то не исключается ее многоступенчатая актуализация.

⁶ Wittmers E. Über das Modell einer allgemeinen Grundstruktur des Textes des Mittel zum Erfassung spezifischen Textgesetzmäßigkeiten, erländert am Beispiel der Ellipse//Textlinguistik. Drezden, 1970. I.

⁷ Мирзэзаде Ё. Азербайжан дилинин тарихи морфолокијасы: Али мәктәбләр үчүн дәрслик. Бақы: Азәртәдриснәшр, 1964.

⁸ Покровская Л. А. Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении М.: Наука, 1978.

⁹ Баскаков А. Н. Предложение в современном турецком языке. М.: Наука, 1984.

¹⁰ Чәлилов Б. Шәрт будаг чүмләсинин бир типини һаггында//Азәрбайжан дили вә әдәбијаты тәдриси. 1986. № 4.

¹¹ Омонимия на уровне синтаксиса должна пониматься как омонимия моделей синтаксических единиц, обусловленных конкретными морфолого- и лексико-синтаксическими средствами, т. е. формально-грамматических признаков словосочетаний и предло-

жений, а не лексических единиц. В качестве таких формальных признаков, создающих омонимичные модели в тюркских языках, можно назвать специальные аффиксы, формирующие синтаксические отношения между компонентами сочетаний, например, аффиксы принадлежности, причастия, деепричастия и др. На уровне предложений омонимичность уже связана с лексико- и морфолого-синтаксическими средствами—с синтаксическим индикативом и ирреальным наклонением глагола—сочинительными, подчинительными союзами, а также линейной последовательностью компонентов предложений и аранжировкой предложений в тексте.

У. А. АЙТБАЕВ

АСПЕКТЫ ТЕРМИНИЗАЦИИ И ЭТАПЫ ТЕРМИНОТВОРЧЕСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА)

Любой термин восходит, как известно, к самостоятельному слову. И, как правило, стимулом к его терминизации являются факторы экстралингвистического плана. Иначе говоря, терминологический пласт языка представляет собой тот участок, который наиболее чувствителен к осязаемым сдвигам или процессам в традиционной, т. е. духовной и материальной, культуре народа. В этом смысле степень и специфика терминированности того или иного языка отражают прежде всего социально-экономические и идейно-политические условия конкретных исторических периодов, их главнейшие тенденции и пути развития.

Хорошо иллюстрируют сказанное этапы казахского терминотворчества [1], печатная тюркоязычная продукция (газеты, журналы, книги, словари и т. д.) до- [2; 3] и послереволюционного периодов. Для истории терминоразвития казахского языка дореволюционный период следует характеризовать как время исканий и творческих дерзаний, отдельных ценных находок и не реже — ошибок и неудач. При лексической передаче новых понятий в жизни народа на базе внутренних ресурсов родного языка интеллигенция ориентировалась на опыт других народов, в частности, на методы и принципы терминирования в русском языке. Становление собственно терминологии как таковой для казахского языка следует хронологизировать, несмотря на кажущуюся скудность и бедность терминологической лексики данного временного среза, послереволюционным периодом, когда впервые дело ее оперативного формирования было поставлено на государственные рельсы. С этого времени начинается интенсивное обогащение казахской лексики новыми научными терминами [4. С. 926], техническими обозначениями [5], словами культурно-политической тематики [6].

Однако «элементы научной терминологии, несомненно, наличествовали и в дореволюционный период развития казахского языка...», — писал Г. Г. Мусабаев, — ходовые и общераспространенные понятия русской культуры были отчасти привнесены в язык уже просветителями XIX века» [7. С. 1376]. Во второй половине XIX в. на страницах печати (особенно в журнале «Айқап») появляются новые слова, словосочетания и словоупотребления терминального содержания. Как правило, стимулом к их формированию и закреплению в языковой практике служило развитие различных отраслей торговли, экономики, административного делопроизводства, сферы образования, искусства и культуры. Для передачи новых значений или, точнее, несколько обновленных, лексикализации на базе «старой» основной лексической семантики

слов использовались бытующие издавна слова естественного лексикона, например: *кәсіп* 'промысел', '(какое-либо) профессиональное занятие', 'профессия', 'работа': *кәсіпші* 'промысловик', 'человек, занимающийся чем-либо', 'регулярно занимающийся чем-нибудь', *етікші* 'сапожник', 'сапожных дел мастер', *Тігініш* 'портной', 'закройщик', 'швейных дел мастер', *кәсіпқор* 'спекулянт', *базар* 'базар', 'рынок', *керуен* 'караван, кочевье торговцев' *кірекеш* 'торговый агент, посредник между покупателями и продающими, обеспечивающий потребительскую клиентуру и своевременный сбыт товаров', *саудагер* 'торговец', 'торгаш', *сатушы* 'продавец', '(кто-либо) продающий (что-нибудь)', *алушы* 'покупатель', 'потребитель', *қарыз* 'ссуда' и т. д., а также заимствования русских терминов преимущественно торгово-экономической тематики типа *аренда*, *вексель*, *лавка* (обычно писалось по произношению *ләпке*), *көпес* (фонетически адаптированное на казахской почве русское 'купец'), *зауыт* (вариант русского «завод»), *приказчик*, *задатка* (измененное на казахский лад русское «задаток»), *расход* (писалось чаще *расхот*), *землемер* и т. п.; все эти и подобные новшества, с одной стороны, закреплялись в языке в случае живучести обозначаемого объекта или явления, являясь, с другой стороны, по своим самым различным признакам (устойчивости исконного фонетического облика термина, частоте и характеру возникающих или бытующих дублетов, типу семантической диффузии при терминировании, т. е. строгой специализации, функциональному ограничению и т. п.) адекватным отображением его социальной роли. В этой связи можно заметить, что слова, используемые для регистрации понятий административно-территориального или политико-культурного уровней, как правило, в зависимости от различных субъективных и объективных предпосылок (грамотности или степени образованности информанта, его национальности — русский, татарин или казах; причем можно отметить, что зачастую толмачами при всевозможных казенных службах были в тот период татары) также, как это не покажется странным с первого взгляда, вполне могли влиять и влияли на сознательную «казахизацию» иноязычного слова или сохранение первичной формы заимствования; чаще, но отнюдь не всегда, они использовались в нескольких вариантах: *облыс* ~ *область*, *ойаз* ~ *уезд*, *болыс* ~ *волость*, *округ*, *ыстансы* ~ *станция*, *шеневнік* ~ *шенеунік* ~ *чиновник*, *песір* ~ *писарь*, *советник*, *князь* и т. д., о чем наглядно свидетельствуют уже только материалы газет «Дала уалаяти» (1888—1902) и «Түркістан уәләті» (1870—1882), причем порой к «оригинальным» добавлялись и не менее регулярно использовались калькированные или семантически идентичные казахские обозначения. ср.: *төре* (высокопоставленное лицо >) 'чиновник', 'председательствующий', *ұлық* 'начальник', *ақ сүйек* 'дворянин', 'аристократ', 'представитель высшей знати' общества, элиты', *мекеме* 'канцелярия', 'офис', *жаран* 'сотрудник', 'коллега', *қуғыншы* 'следователь', *жоқшы* 'истец', *жауапкер* 'обвиняемый', 'подследственный', *Іс* 'дело', *қорғаушы* 'адвокат', *кеңілге алу* '[брать на] поручительство', 'попечительство', *куә* или *куәгер* 'свидетель', *ықтияр* 'право (на что-либо)', *жаза* 'наказание (за что-либо)', *билік* 'решение', 'повеление', *ағарту* 'оправдание', 'реабилитация', *мойнына түсу* 'признание (в чем-либо содеянном)' и др.

Как видно, пополнение терминального словарного запаса казахского языка шло двумя традиционными путями: функциональным «уточнением» исконных слов, их узкой специализацией и за счет заимствования терминов других иноструктурных языков для обозначения конкретных понятий. Последнее направление можно условно подразделить на две совершенно самостоятельные и не схожие по своей хроно-

логии, истории и специфике линии: а) русизмы и через их посредство интернациональная, западноевропейская лексика; б) арабские и персидские лексические единицы, освоенные в ранние периоды развития тюркских языков, в основном вместе с распространением в степи ислама и вообще мусульманской культуры, восточных философско-мировоззренческих (научных и вненаучных) концепций, этико-эстетических норм, искусства и литературы. Давно стали обиходными и «своими» в казахском и во многих других тюркских языках слова типа *кітап* 'книга', *дәптер* 'тетрадь', *қалам* 'ручка', *әліппе* 'букварь', *әуез* 'благозвучие', *лұғат* 'словарь', 'словник', 'индекс', *есеп* '(рас-, под-)счет', *ғылым* 'наука', *мұғалім* 'учитель' и т. п., заимствованные в свое время из арабских и персидских источников непосредственно или через посредство других тюркских языков (узбекского, татарского и др.). Новые бытовые, производственные и многие другие понятия на первых порах входили в язык бессистемно, стихийно, порождая дублирование, повторы, переименования, лексический разнобой. Так, например, в почтовой терминологии начала XIX в. наряду с «казахизированными» русскими *почтавой*, *кантор*, *телеграмм*, *заказной* и т. д. уживались переводные термины типа *әншейін хат* 'простое письмо' (букв.: 'просто, только лишь письмо'), *аманат бұйым* 'посылка' (букв.: 'завещанная, куда-нибудь специально направленная, посланная, предпосланная вещь'), *ақчалы хат* 'ценное письмо' (букв.: 'денежное, стоящее денег, имеющее [денежную] стоимость, цену письмо, послание') и т. д. Подобное состояние терминологии вполне характерно для определенных этапов развития языка. Ср. медицинские термины с использованием собственно казахской лексики (куда в данном случае мы включаем и старые заимствования, воспринимаемые носителями языка как исконные): *дәрігер* 'врач', *науқас* 'больной', *дәріхана* 'аптека' и т. п. Таковыми были первые обозначения новых понятий и явлений из сфер тогдашней науки, культуры, искусства и знания.

Кардинальное увеличение объема информационной нагруженности, значительное расширение социальных и общественных функций языка в послереволюционный период вызвали к жизни чрезвычайную активизацию и усиление терминотворческой потенции языка. Организация широкой сети учебных заведений, интенсификация культурно-просветительской работы, борьба за всеобщую грамотность, открытие новых печатных изданий, театров, радиопередач, издательств, административно-хозяйственных и правовых учреждений, ведущих делопроизводство на родном языке, подготовка учебников и учебных пособий по всем отраслям науки, культуры и знания — все это обогащало язык новыми терминами и терминологическими словосочетаниями. Каждый термин, вызванный к жизни объективными условиями и обстоятельствами, сам являлся как бы их итогом, историей. Специфика его семантики и фонетической структуры представляет собой своеобразный слепок конкретных эпох. Точно так же и этапы развития терминообразования советского периода имели соответствующие типы и модели, способы создания слов.

В то же время общеизвестны основные принципы терминообразования, о которых мы отчасти говорили выше:

- а) использование ресурсов родного языка;
- б) использование русских слов и интернационализмов через посредство русского языка;
- в) калькирование терминов и терминальных сочетаний слов других языков.

Так, например, в 20—30-х гг. ряд бывших в обиходе слов и слово-

сочетаний получает терминологическую окраску: *мәжіліс* 'собрание', *маслихат* 'совет', 'совещание', *іс* 'дело', *шаруа* 'хозяйство', *ұстаз* 'мастер', 'наставник', *оқушы* 'ученик', *оқытушы* 'учитель', 'преподаватель', *мінбе* 'трибуна', *сәтке* 'сутки', *тәулк* 'сутки', 'день', *тап* 'класс', 'партия', *еңбек* 'труд', *жоба* 'проект', *жоспар* 'план', *сын* 'критика', *күрес* 'борьба', *мүше* 'член', *жолдас* 'друг'. Интересно заметить, что последующая языковая практика отчасти оттеснила на задний план некогда основные значения многих из перечисленных выше и подобных им лексем, и специальное терминологическое их значение в позднейшие периоды стало восприниматься уже как центральное. Такие процессы были характерны и для новых терминов: *өнеркәсіп* 'промышленность', *бесжылдық* 'пятилетка', *енбеккүн* 'трудодень', *кәсіподақ* 'профсоюз', *жетіжылдық* 'семилетка', *онжылдық* 'десятилетка', *теміржолшы* 'железнодорожник' и т. п. В настоящее время словосложением, порой даже соединением русского и казахского слов, образовано большое количество терминов самой различной тематики.

Для 20—30-х гг. были характерны пуристические тенденции в терминообразовании, нанешие известный вред и послужившие тормозом в естественном развитии терминотворчества: ср. непривившиеся в дальнейшем нововведения типа *кіндік* 'центральный', *тізбе* 'список', *ортақшыл* 'коммунист', *бейбауырмал* 'интернационал', *төраға* 'председатель', *халық бил* 'народный судья', *қисын* 'теория', *таңба* 'герб', *тәсіл* 'тактика', *жиһангершілік* 'империализм', *зат* 'материя', *затшылдық* 'материалистический' и т. д. с их ныне устоявшимися вариантами в казахском современном литературном языке: *орталық* 'центральный', *тізім* 'список', *коммунист* 'коммунист', *интернационал* 'интернационал', *председатель* 'председатель', *халық соты* 'народный суд', *теория* 'теория', *герб* 'герб', *тактика* 'тактика', *империализм* 'империализм', *материя* 'материя', *материалистік* 'материалистический', где четко видны контуры путей терминизации лексем.

40-е годы в развитии казахской терминологии связаны с событиями Великой Отечественной войны [8]. В этот период зарождаются и находят свое место в языке в результате последующего употребления такие термины и терминосочетания, как *панфиловшы* 'панфиловец', *гвардия* 'гвардия', *катюша* 'катюша', *солдат* 'солдат', *соғыс* 'война', *Ұлы Отан соғысы* 'Великая Отечественная война', *Совет Одағының батыры* 'Герой Советского Союза', *барлаушы* 'разведчик', *тіл әкелу* 'взять языка' и многие другие.

Бурное послевоенное развитие сельского хозяйства и промышленности не могло не породить терминологических понятий, связанных с обозначением новых явлений того времени, — передовики производства, ударники трудового фронта и т. п.: ср. словоформы типа *жақаевшы* 'жакаевец', *мамаевшы* 'мамаевец' и т. д.

Ценным вкладом в развитие казахской терминологической науки явился «Терминологический словарь» [9]. В словаре впервые термины были подвергнуты систематизации и толкованию. Именно данный лексикографический труд явился основой для создания последующих серийных терминологических словарей 50—60-х гг.

Рост темпов развития народного хозяйства, духовной культуры, науки и техники, начало освоения космического пространства в 50-х гг. закономерно повлекли за собой появление новых понятий и представлений и соответственно их обозначений в языке. Терминология данного периода имеет особо масштабный и всеобъемлющий характер: *космодром* 'космодром', *космос кеңістігі* 'космическое пространство', *жасынды спутник* 'искусственный спутник', *жер серігі* 'спутник Земли', *кос-*

монавт 'космонавт', ұшсайыс 'троеборье', тың игеруші 'целинник', тыңгер 'целинник', ғарышкер 'космонавт', алтын кітап 'золотая книга', тоңазытқыш 'холодильник', жүлдегер 'призер', 'лауреат', айып доп 'штрафной удар' и т. д. Термины данного периода были утверждены законодательно и достаточно полно освещены в лексикографических изданиях [10]. Важную роль в этом деле сыграла деятельность Казахской государственной терминологической комиссии при Совете Министров Казахской ССР (в настоящее время эта комиссия находится при президиуме АН КазССР), осуществившей трудоемкую работу по сбору, научному анализу и классификации огромного лексического массива, отбору из многообразия вариантов конкретных лексем и введению устоявшихся словоупотреблений в нормативы литературного языка.

Конечно, несмотря на то, что подавляющее большинство терминов получило в тот период научную трактовку и юридическую санкцию, до сих пор еще далеко не все отрасли терминологии развиты равномерно, не все проблемы различных уровней и планов нашли свое достойное решение. Более того, линия ускорения и уплотнения темпов и скорости социального и научно-технического развития диктует свои неумолимые условия. Терминология *post factum* фиксирует то новое, что рождает время; сказанное иллюстрируется лексикой языка современной печати, науки, радио и телевидения.

Терминологическая лексика живет и умножается в прямой зависимости от жизни всего общества. Сложный и противоречивый путь терминообразования на стадии своего движения убедительно показан в словаре «Новое словоупотребление в казахской лексике» [11], охватившем ряд новообразований 10-, 15-летнего хронологического среза. Как правило, опорным моментом для поиска «родных» вариантов служат русские термины (или термины, воспринимаемые посредством русского языка), что обуславливает и критерии их оценки: ближе к истине должен быть вариант, максимально точно фиксирующий основную семантику термина. Поток калек, «переводных» образований, смысловых эквивалентов отсеивают время и языковая практика. Например, по поводу приведенных в вышеотмеченном словаре употреблений типа қызыл кітап 'красная книга', дөңгелек стол 'круглый стол', жазылым 'подписка', қайтарым 'отдача', мәңгілік алау 'вечный огонь', мердігерлік әдіс 'подрядный метод', тәммгерлік қозғалыс 'наставническое движение', жүлдегер 'призер', қойылым 'постановка', сұраным 'спрос', жол-жазба 'путевые заметки', 'путевой дневник' и многого другого можно с уверенностью сказать, что они уже сейчас вошли в активный обиход и, несомненно, внесли ценный вклад в развитие литературного языка.

Важно отметить, что все терминологические неологизмы и новые терминальные словоупотребления строятся, как правило, на устоявшихся веками приемах словообразования, семантического развития и лексикализации. Так, только традиционно распространенным путем образованы словосочетания (словосоединения), словосцепления ғұлтәж 'венок', 'венчик', жолсапар 'путешествие', ақжайма 'простыня', жағажай 'пляж', ғұлзар 'клумба', жолсерік 'спутник', 'попутчик', жолдорба 'рюкзак', 'вещмешок', күйтабақ 'пластинка', кітапқұмар 'книголюб', өнертабыс 'изобретение', теледидар 'телеэкран', телевизия 'телевидение', Ізашар 'следователь' и т. д.

Наиболее продуктивным способом словообразования и словоизменения в казахском языке является, как известно, суффиксация. Результаты анализа терминологического материала вышеотмеченного словаря новых употреблений, а также данные дополнительного изучения четко показывают активизацию в терминообразовании последних лет (70—

80-е гг.) роли моделей на: *-ым ~ -м* (*ашылым* 'открытие', *бағым* 'пастыба', *басылым* 'издание', *қайтарым* 'отдача', *қойылым* 'постановка', *сұраным* 'спрос' и т. д.); *-қы ~ -кі ~ -ғы ~ -гі* (*басытқы* 'пресс', *жылытқы* 'обогреватель', *қондырғы* 'установка', *құрылғы* 'приспособление'); *-кер ~ -гер* (*азаткер* 'борец за свободу', *ардагер* 'ветеран', *баспагер* 'издатель', *ғарышкер* 'космонавт', *майдангер* 'фронтовик', *саулеткер* 'архитектор', *тәлімгер* 'наставник', *тыңгер* 'целинник', *үміткер* 'претендент', *шаруагер* 'хозяйственник'); *-нама* (*дәуірнама* 'летопись века', *ғарышнама* 'астрономия', *есімнама* 'именник', *жылнама* 'летопись', *жылнамашы* 'летописец', *өмірнама* 'жизнеописание', *сапарнама* 'описание путешествия'); *-хана* (*дәріхана* 'аптека', *дыбысхана* 'фонотека', *құсхана* 'птичник', *қымызхана* 'кумысная', *наубайхана* 'пекарня', *перзентхана* 'роддом'); *-қыш ~ -ғыш* (*айықтырғыш* 'вытрезвитель', *бүріккіш* 'опрыскиватель', *жаңбырлатқыш* 'машина', 'дождевальная машина', *кеспе кескіш* 'лапшерезка', *қаржыртқыш* 'снегоочиститель', *өнертапқыш* 'рационализатор', *үккіш* 'дробилка', *шаштұтқыш* 'заколка' и т. д.

Работники печати, прессы, радио и телевидения, других информационных служб активно используют терминальные лексемы и сочетания с указанными аффиксами. Не все из приведенных употреблений достигли уровня, когда на повестку дня встали вопросы их законодательного упорядочения терминологическим комитетом. С другой стороны, как показывает жизнь, официально утвержденные термины порой на практике допускают варьирование, что еще раз подтверждает известный тезис о том, что терминирование языка, аспекты терминообразования и терминотворчества — процессы сложные и весьма противоречивые, трудно поддающиеся однозначной интерпретации или трактовке.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Ср.: *Сарыбаев Ш. Ш.* Казак тіл білімі әдебиетінің библиографиялық көрсеткіші. Алматы, 1966. Т. 1; 1972. Т. 2; 1977. Т. 3; 1982. Т. 4.

² См.: *Кононов А. Н.* История изучения тюркских языков в России. Л., 1972.

³ *Он же.* Библиографический словарь отечественных тюркологов: Дореволюционный период. М., 1974.

⁴ *Әбілқасымов Б.* Алғашқы қазақ газеттерінің тілі. Алматы, 1971.

⁵ *Балақаев М. Б.* Қазақ әдеби тілі және оның нормалары. Алматы: Ғылым, 1984.

⁶ Развитие казахского советского языкознания. Алма-Ата: Ғылым, 1980.

⁷ *Кенесбаев І., Мусабаев Г.* Қазіргі қазақ тілі: Лексика, фонетика. Алматы, 1962.

⁸ Ср.: *Мусабаев Г., Цунвазо Ю., Адайханов К.* Русско-казахский военный словарь/Под ред. С. Аманжолова. Алма-Ата, 1942.

⁹ Терминологический словарь: В 2-х кн. Алма-Ата, 1948, 1950.

¹⁰ С 1959 по 1962 г. вышло 12 многоотраслевых двуязычных терминологических словарей.

¹¹ Қазақ лексикасындағы жана колданыстар. Алматы, 1985.

Г. Г. МУСТАФАЕВА

ЭКСПРЕССИВНЫЕ ФУНКЦИИ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Исследование экспрессивных особенностей личных имен, их стилистической и художественной функции в литературном произведении — одна из малоизученных проблем азербайджанского языкознания. Лексико-семантические функции собственных имен в художественном произведении обусловлены многими как лингвистическими, так и экстралингвистическими (психологическими, социально-историческими, эстетическими и т. д.) критериями. С этой точки зрения изучение функций личных имен в художественных произведениях требует специального многопланового подхода.

Данная работа является попыткой рассмотрения стилистических возможностей и структурно-семантических особенностей собственных имен персонажей в произведениях азербайджанской художественной литературы.

Обычно личные имена мотивированы автором: характером персонажей, жанром и идейно-художественным содержанием литературного произведения. Они содействуют раскрытию характеров, созданию того или иного комического или остро сатирического эффекта. Писатели используют либо общеупотребительные имена, часто даже обращаясь к языку народного просторечия, или же создают новые имена и прозвища в соответствии с характерами персонажей и авторским отношением к ним.

Персонаж художественного произведения во многих случаях характеризуется автором его речью и именем. Имя часто становится символическим образом, например, скряги (Плюшкин, Гарпогон), пьяницы, скандалиста (Фальстаф, Ноздрев), добродушного филистера (Пиквик)¹.

Давая имена своим героям, писатель стремится выразить их специфическую индивидуальную сущность, согласуя это с требованиями жанра произведения. Таким образом, имя собственное приобретает значение способа индивидуальной характеристики.

Если образ в произведении глубоко раскрыт со всеми присущими ему чертами, во взаимосвязи внешних особенностей и внутреннего мира героя, то имя становится его символическим выражением в сознании читателя.

Интересны высказывания самих писателей относительно имен героев произведений. Так, например, Сулейман Рагимов пишет: «После

¹ Щегинин Л. М. Слова, имена, вещи. М., 1966. С. 119.

долгих раздумий я нашел имя своему герою — Шамо. Этот выбор не давал мне покоя—на занятиях, на работе, в трамвае, даже на шумных заседаниях. Имя «Шамо» не покидало меня, занимало мой мозг, мою память².

Как правило, поэты и писатели к выбору имен героев своих произведений относятся с большей серьезностью и ответственностью. Случается, что писатель в зависимости от своих субъективных симпатий и вкусов тяготеет к именам определенного характера. Известно, например, что Н. Везирову очень нравились имена *Саадат* и *Фахраддин*, а имена *Ахмед* и *Халил* он не любил. Имя Саадат использовано им в трех его пьесах, при этом образ Саадат-ханум в его представлении олицетворял гармоническое сочетание внешней привлекательности с внутренним совершенством (благородством, честностью, чистотой). Герои же, носящие имена Ахмед и Халил, всегда были у него отрицательными³.

В поисках имен авторы часто обращаются к общенародному языку и фольклору. Имя героя художественного произведения, выражающее обобщенный народный образ, может затем стать нарицательным. Интересно в связи с этим высказывание С. Рагимова по поводу образа Мехмана: «Если спросят у меня, кого бы ты выбрал для образа Мехмана, я отвечу, что это зависит не от моего желания, а от того, что хочет подчеркнуть писатель С. Рагимов. Образ Мехмана пришел ко мне из жизни, и от меня обратно вернулся в жизнь. Теперь у нас в Азербайджане очень много Мехманов, возрастом от одного до двадцати лет»⁴. По наблюдениям В. А. Никонова, «отдельную группу образуют имена, главная художественная функция которых — необычность, особенно имена вымышленные, искусственно созданные для данного персонажа»⁵. Исторически у азербайджанцев слова с отрицательными значениями, а также названия неприятных животных в роли личных имен не функционируют. При наречении детей именами особое внимание уделяется эстетической стороне вопроса: в качестве имен часто используются названия времен года, животных, растений, олицетворяющие силу и красоту природы.

Названием самого прекрасного времени года — весны (*баһар*) часто нарекают ребенка. Человек с достаточно развитым эстетическим вкусом никогда не назовет своего младенца *гарга* 'ворона', *өрдәк* 'утка', *кечә* 'ночь', *гаранлыг* 'темнота', *хијар* 'огурец', *бадымчан* 'баклажан' и т. п. В Азербайджане, например, не встретишь фамилий типа Волков, Собакевич и т. д., в то время как русские писатели — Гоголь, Салтыков-Щедрин, Чехов широко использовали эти и подобные им выразительные имена.

В азербайджанской литературе для усиления субъективной авторской оценки персонажа писатели часто используют прозвища. В определенных стилистических целях писателями употребляются и вымышленные имена. Первым такие имена стал использовать А. Ахвердиев в качестве литературно-художественного приема. Приведем некоторые из них: в рассказе «Тәнгид» («Критика») название газеты — «Ифтира» («Клевета»), имя писателя — *Чибкир Хәргушов* («карманщик Ослоухов»), название оперетты — «Көбәјин ағ делемә» («Белоснежный пупок»), персонажи *Баггал Кәрим* 'бакалейщик Керим', *Чаггал Рәһим* 'шакал Рагим', *Саггал Сәлим* 'бородач Селим' и т. п. Как видим, для усиления комизма, лаконичности характеристики и подчерк-

² *Рагимов С.* Нәјат јолу. Азәрбајҹан. 1960. № 6. С. 168.

³ *Мәмәдов Қамран.* Нәчәф бәј Везиров. Бақы, 1960. С. 258.

⁴ *Халилов Г.* Азәрбајҹан романынын инкишаф тарихиндән. Бақы, 1973. С. 166.

⁵ *Никонов В. А.* Имя и общество. М., 1974. С. 240.

нудой субъективной оценки своих героев писатель прибегает к прозвищам и вымышленным именам. В рассказе А. Ахвердиева «*Јени тѣбѣт*» («Новая медицина») встречаются вымышленные имена, смысл которых не всегда поддается точному переводу: *Гарынгулу хан* 'хан Обжора', *Зындыгыдѣвлѣ*, *Сѣрсѣмѣл Мѣмалик*, купец *Начы Зейналфасигин* и т. д., а в других произведениях — *Ахунд Молла Сѣрсѣм*, *Ѣзраил бѣј* и т. д.

Вымышленными именами широко пользовался в своих ранних рассказах и писатель Мир Джалал; например: *нѣким Чинајѣтов* 'доктор 'Преступников', *Кѣһризѣв* 'Колодцев', *Јарпызов* 'Растениев', *Анкет* 'Анкетов', *Кѣмтарѣв* 'Недалекий' и т. д.

В общенародном азербайджанском языке подобные искусственные имена отсутствуют. Они используются лишь в художественных произведениях как средство характеристики героев. Азербайджанскими писателями создан целый ряд имен, ярко характеризующих отдельных персонажей их произведений. Употребление, например, такого имени, как *Бѣјѣккиши* 'Большой мужчина' в сочетании с фамилией *Балачајѣв* 'Малышов' носит явно нарочитый характер. Внешний облик *Бѣјѣккиши Балачајѣва* (С. Рагимов «Сачлы») полностью соответствует его имени, а фамилия раскрывает его внутреннюю сущность: «Высокий рост, золотисто-рыжие усы, лысая голова, тяжелый затылок сочетаются у него с мелочным характером и душевным ничтожеством. Художественный эффект достигается противопоставлением антонимов *бѣјѣк* 'большой' и *балача* 'маленький'. Противопоставление содержится и в имени другого персонажа — *Ханым Балачајѣва*. Это толстая бездельница, болтливая, эгоистичная и алчная женщина, «своим шестипудовым телом сидящая на шее мужа», носит ту же фамилию *Балачајѣва*.

Один из ярких персонажей С. Рагимова носит имя *Галошлу адам* — («Мехман») буквально 'человек в калошах'. С. Рагимов по этому поводу пишет: «Персонаж, нареченный именем «Галошлу адам», взят из жизни. Таких часто можно встретить во дворах судебных учреждений и прокуратур. Они кажутся очень бедными, но на самом деле самые крупные взятки проходят через их руки»⁶.

В прозаических произведениях для индивидуализации образов наряду с вымышленными именами, широко употребляются имена с отрицательными значениями, некоторые из них ныне стали табу. Ряд имен образован из нарицательных существительных, выражающих родственные отношения (*Ата* 'отец', *Баба* 'дед', *Балагардаш* 'маленький брат' и т. д.), существуют имена, созданные на основе слов, обозначающих феодальные посты, ранги и титулы или религиозные звания (*Сејид* — потомок пророка, *Шейх* — шейх, *Аға* — барин и т. д.), имена, восходящие к понятию бога (*Аллаһгулу* 'раб божий', *Аллаһверди* 'дар божий' (Богдан), труднопроизносимые имена, связанные также с религиозными представлениями (*Имамулу* 'раб имама', *Пиргулу* 'раб святого места'), имена, отражающие пренебрежительное отношение к женщинам (*Гызјетѣр* 'достаточно девочек', *Бѣсти* 'хватит' — имеется в виду «девочек» и т. д.), имена, возникшие из новообразований со значениями должности, организации и т. д. (*Райком*, *Комиссар*, *Исполком* и т. д.), имена, образованные от названий предметов труда и т. д. (*Анкет*, *Пакет*, *Самовар*, *Трактор* и т. д.). В произведениях художественной литературы последними именами в основном нарекаются отрицательные герои.

⁶ Халилов Г. Азербайжан романынын инкишаф тарихинден. С. 165.

Иногда родители выбирают для ребенка труднопроизносимое: устаревшее имя, которое впоследствии вызывает недовольство нареченного и ведет к возникновению у него второго имени. Известен, например, случай, когда юношу, нареченного именем *Гаджинурмамедали*, называли в обиходе Аликом. В старину муж или теща часто называли жену или невестку по имени ее отца: «На мое счастье покойный был достойный человек. Не мало, не много — ровно тридцать лет жили вместе, но ни один раз я не слыхала от него (мужа) своего имени. Раз слышу зовет меня: дочь Гаджинурмамедали, иди сюда»⁷.

В некоторых либретто музыкальных комедий авторы с целью достижения комического эффекта широко используют личные имена, образованные от названий орудий труда, сельскохозяйственных машин и других неодушевленных предметов. Например: *Культиватор*, *Инкубатор* и т. п.

В одной музыкальной комедии девушки не соглашались выходить замуж за парней, имена которых кажутся им некрасивыми и несовременными. Например, Пери не нравится имя *Субай* 'холостяк', которое потом было заменено юношей на *Сабутай*. А Малейке не по душе имя *Гейдарали*, поэтому юноша соглашается переменить его на более благозвучное.

В азербайджанских советских романах широко используются также прозвища. Прозвища обычно снижают общий уровень культуры речи, за немногим исключением, они носят иной раз оскорбительный характер, унижая тех, кому они даются. Большинство прозвищ связано с внешним видом человека, отражает его физические недостатки или манеру поведения. Распространение прозвищ в обиходной речи характеризует культурную отсталость данной социальной среды. Вместе с тем в художественной литературе прозвища используются и для усиления экспрессивной характеристики, и для индивидуализации образа.

В произведениях азербайджанской советской литературы встречаются прозвища, в основе своей доброжелательные, хотя и с отрицательными значениями. Например: *Сибир Матвеј* ('Матвей-сибиряк'), *Дағ Исрафил* ('Исрафил-гора'), *Лејләк Әләмдар* ('аист Алемдар'), *Лал Һусейн* ('немой Гусейн'), *Тын-тын Гајтаран* ('гнусавый Гайтаран'), *Јасты Салман* ('плоский Салман'), *Хыр-хыр Казым* ('сиплый Кязим'), *Көбәләк Мәмиш* ('Мамиш-грибок'), *Дәвә Һәнифә* ('Ханифа-верблюд'), *Гарадонлу Бадсәба* ('Бадсеба в черном платье'), *Көтүк Раһим* ('Рагим-пенек'), *Тел Әскәр* ('челка-Аскер') и т. д.

В романе С. Рагимова «Шамо» автор, желая подчеркнуть высокий рост персонажа Олемдара, дает ему прозвище *Лејләк* ('аист').

В произведениях азербайджанских писателей встречаются и прозвища, выражающие доброжелательную оценку персонажа автором. Например, упомянутые выше *Сибир Матвеј* ('Матвей-сибиряк'), *Дағ Исрафил* ('Исрафил-гора'), а также *Гылынч Гурбан* ('Курбан-меч'), *Тәфтиш Аббас* ('Аббас-ревизор') и т. д. В этих случаях прозвища олицетворяют такие качества персонажа, как стойкость, сила, проницательность, чуткость, правдивость. Этот прием художественной характеристики героя широко использует в своем творчестве А. Абульгасан. Называя своего героя то его личным именем, то прозвищем, автор добивается желаемого эффекта: «Протянув Тапдыгу добавочный кусок мяса, потихоньку добавила: — Ешь, Кёроглы! Сегодня ночью тебе предстоит большая работа».

⁷ *Чүмшүдлү Н. Дајы гызы вә бибигызы // Әдәбијјат вә инчәсэнәт...*

Исторически некоторые азербайджанские имена арабского происхождения и в художественной литературе широко используются в буквальных лексических значениях, соответствующих характеру, идеалам, жизненным устремлениям героев. В романе «Кэлэчэк кун» («Настанет день») М. Ибрагимова главный герой не случайно назван Фиридун. С одной стороны, это имя ассоциируется с исторической личностью — Фиридуном Ибрагимовым, жизнь и деятельность которого являются собой пример самоотверженной борьбы за свободу народа, а с другой — арабское слово «Фиридун» означает «победитель».

Можно привести множество примеров из азербайджанской литературы, когда между именами и характерами героев имеется определенное соответствие. *Сона* (М. Джалал «Бир кэнчин манифести» — «Манифест молодого человека») — имя, означающее «лебедь». В этом своем первоначальном значении слово сохранилось лишь в фольклоре. В современном азербайджанском языке оно метафорически употребляется как синоним слова *көзэл* «красивая». Автор дает имя Сона чистой, добродетельной женщине и матери. Сона у него символизирует честность, неподкупность, негибкость.

Ряд имен персонажей художественных произведений восходит к именам исторических личностей, мифологических или фольклорных героев и служит средством экспрессивной оценки⁸. К числу таких имен относятся *Рустам-киши*, *Зүлѣха*, *Зал гоча оглу*, *Рустам Зал*, *Шевченко* и др.

Таким образом, азербайджанскими писателями собственные имена и прозвища широко используются как художественные и стилистические средства для характеристики персонажей своих произведений.

⁸ Михайлов В. Н. Экспрессивные свойства и функции собственных имен в русской литературе // Филол. науки. 1966. № 2. С. 59.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

В. ГУЛИЈЕВ. МИРЗЭ ҚАЗЫМБЭЇ

БАҚЫ: ЈАЗЫЧЫ, 1987. 204 с.

Мухаммед Али Мирза Казем-Бек (1802—1870) принадлежит к числу выдающихся ученых, внесших ценнейший вклад в развитие русского и мирового востоковедения. Ориенталист широкого профиля, он является также одним из основоположников отечественной тюркологии.

Научно-педагогическая деятельность Мирзы Казем-Бека была многоплановой и разносторонней: он успешно сочетал плодотворные исследования и просветительство, занимался практическим преподаванием живых восточных языков—арабского, персидского и турецкого. Его труды начиная еще с прошлого века привлекали внимание историков востоковедения, а в наши дни энциклопедическое наследие ученого стало предметом исследования советских специалистов—ему посвящены монографии Я. Алиева, Г. Гусейнова, А. Рзаева и М. Абдуллаева, в которых Мирза Казем-Бек предстает как выдающийся лингвист-тюрколог и философ, крупнейший знаток мусульманского права, педагог. Однако некоторые стороны деятельности азербайджанского ученого до последнего времени оставались недостаточно изученными. Этот пробел во многом восполняется в недавно изданной монографии «Мирза Казем-Бек» Вилята Кулиева. Свою работу автор в основном посвятил филологическим взглядам ученого-энциклопедиста. Однако уже с первых страниц книги он старается охватить все стороны научного творчества «патриарха русской ориенталистики» (И. Березин). Подобный подход к изучаемой проблеме во многом определил успешное решение поставленных автором задач.

Член-корреспондент АН Азербайджанской ССР К. А. Талыбзаде в своем предисловии к книге характеризует В. Кулиева как специалиста, «умеющего работать с первоисточниками—архивными материалами и документами, обращающего главное внимание на малоизученные или вовсе неизученные страницы литературной и общественно-научной мысли» (с. 5). Знакомство

с монографией «Мирза Казем-Бек» подтверждает правоту этой оценки. Автор, досконально изучив имеющиеся публикации, продолжал свою работу в архивах и книгохранилищах Москвы, Ленинграда, Казани, Алма-Аты, Тбилиси и Баку, выявив при этом многочисленные, неизвестные до сего времени материалы. Благодаря этому сделанные им выводы получают в монографии документальное подтверждение.

Первые главы книги написаны на основе «географического принципа», что нашло свое отражение и в их названии: «Дербент», «Астрахань», «Казань».

В главе «Дербент» автор коротко останавливается на роли классической восточной культуры в формировании мировоззрения будущего ученого. Приведенные данные показывают, что становление Мирзы Казем-Бека как филолога-ориенталиста началось еще в Дербенте. Здесь он завершил свой первый лингвистический труд—«Опыт грамматики арабского языка» и начал исследования в области теологии. На научные взгляды молодого Мирзы Казем-Бека оказали огромное влияние традиции классической восточной науки. Приведенные В. Кулиевым факты убеждают в том, что, когда в 1821 г. Мирза Казем-Бек покинул Дербент, он уже сложился как зрелый исследователь.

Глава «Астрахань» посвящена сложной эволюции, которую претерпело мировоззрение ученого после принятия им христианства и связанными с этим изменениями в его морально-этических, научных и философских взглядах. Размышления Мирзы Казем-Бека о будущем, душевные переживания молодого человека, принявшего столь необычное для той эпохи решение, глубоко анализируются в этой главе. Автор приходит к правильному, на наш взгляд, выводу, что решение Казем-Бека принять христианство не было продиктовано конъюнктурными соображениями или корыстными расчетами. Этот серьезный в нравственном отношении шаг был сделан им

после продолжительных, подчас мучительных духовных исканий. С другой стороны, приобщение к христианской религии открывало перед Мирзой Казем-Бекем широкие возможности для овладения богатствами русской, европейской науки, культуры в целом, что впоследствии в определенной степени повлияло на формирование его научного мышления. Однако, как справедливо отметил в свое время один из первых биографов азербайджанского ученого профессор И. Н. Березин, мусульманская культура, постулаты ислама оставили весьма глубокий след в душе и мировосприятии М. Казем-Бека, в личности которого, необычайно яркой и глубокой, органично слились культура Востока и культура Запада. Этот синкретизм наложил отпечаток на всю жизнь и деятельность ученого — начиная от стиля его научных трудов и кончая формой его поведения в быту.

В главе «Казань» автор на основе впервые обнаруженных им архивных материалов прослеживает влияние казанской научной-культурной среды 30-х годов XIX в. на становление Мирзы Казем-Бека как ученого, его творческие, духовные связи с татарскими просветителями И. Халфиним, Х. Фанзановым, М. Махмудовым. Большое внимание уделено также раскрытию европейских истоков мировоззрения ученого. Проведенный автором глубокий анализ трудов Мирзы Казем-Бека позволяет определить этапы его научной деятельности.

Мирзе Казем-Беку принадлежит первый перевод «Гулистана» Саади с персидского на русский язык. Им был подготовлен научно-критический текст известного сочинения «Ассаб-ас-Сайяр» Сеида Мухаммеда Ризы, изданный потом по его настоянию. Он написал обширное исследование «Подарок ничтожный относительно язычных наук у арабов (история арабской литературы)». Все эти труды отличаются оригинальностью и самобытностью научного мышления, стиля и широко рассматриваются автором монографии.

В рецензируемой монографии значительное место отведено историко-филологическому анализу основного тюркологического труда Мирзы Казем-Бека — «Грамматики турецко-татарского языка». Привлекая обнаруженные им новые архивные материалы, В. Кулиев прослеживает историю создания этого очень важного для тогдашней российской тюркологической науки труда, выявляет существенные отличия первого (1846). В. Кулиев дает обзор полемики, возникшей вокруг «Грамматики» Мирзы Казем-Бека, рассматривает статьи и рецензии видных востоковедов-тюркологов Б. А. Дорна, И. Н. Березина, В. В. Григорьева, В. Шотта, О. Бетлингга и др. Автор монографии обращается также к другим тюркологическим трудам Мирзы Казем-Бека, та-

ким, как «Учебные пособия для временного курса турецкого языка» и т. д., составившим основу отечественной тюркологии. В своих лингвистических работах по тюркским языкам Мирза Казем-Бек отошел от традиционного на Востоке приема изложения грамматики, используя методы исследования современных ему европейских ученых.

Мирза Казем-Бек успешно работал в области истории литературы. Он первым создал для русских университетов курс персидской литературы, вел успешные исследования в области арабской, турецкой и родной ему азербайджанской литературы, внес определенную лепту и в изучение связей русской литературы с литературным и культурным наследием народов Востока. Литературоведческие работы ученого, до сих пор не изданные и не исследованные, представляют огромный интерес. Достаточно назвать такие работы ученого, как «Иранский эпос», «Персидская литература», «Эпические сказания древних персов, чем начинается новоперсидская литература», «Мифология персов по Фирдоуси» и другие, получающие освещение в монографии.

В главе «Прощание с Казанью» подмечается казанский период жизни и деятельности Мирзы Казем-Бека. Автор в хронологической последовательности останавливается на основных филологических трудах этого периода, редакторско-издательской работе Мирзы Казем-Бека. После профессора Ф. Эрдмана Мирза Казем-Бек был назначен цензором литературы, выходившей на восточных языках, и в определенной степени исполнял эту должность для издания памятников тюркоязычной классики. Так, в течение нескольких лет в Казани были изданы поэма «Кысса-и-Нусуф» татарского поэта XII в. Кул Гали (1839), «Мухаммедиз» турецкого поэта XVI в. Мухаммеда Челеби Языджидаде (1845), чагатайский литературный памятник «Себат-ад-джизин» (1847). В Казани же М. Казем-Бек завершил основную работу над азербайджанским литературным памятником XVIII в. «Дербенд-наме», который был позднее издан в Петербурге (1851) в его английском переводе, с вступительной статьей и подробными комментариями.

Просветительским взглядом и просветительской деятельностью Мирзы Казем-Бека посвящена специальная глава монографии. Петербургская литературно-общественная среда, общение с передовыми людьми России, а также усиление антимонархического и демократического движения в стране в начале 60-х годов прошлого века не могли не повлиять на мировоззрение Мирзы Казем-Бека. Это отчетливо прослеживается в таких трудах ученого, как «Баб и бабиды», «Мюридизм и Шамиль», «Ислам» и др. Привлечение В. Кулиевым к исследованию эпистолярного наследия ученого, особенно его переписки с академиками-востоковедами Дорном и Френом, помогло раскрыть

особенности научной лаборатории ученого, широту его поисков и интересов, а также некоторые черты его личности. Забота Мирзы Казем-Бека-просветителя о распространении светского, университетского образования среди тюркоязычной молодежи России, предпринятые им конкретные шаги в этой области показаны в книге в неразрывной связи с научно-педагогической деятельностью выдающегося ученого.

Монография отличается полемичностью — В. Кулиев ведет на страницах книги дискуссию с другими исследователями научного

наследия Мирзы Казем-Бека, аргументированно отстаивает свою точку зрения.

Рецензируемая книга снабжена богатым библиографическим аппаратом. Она написана живо и увлекательно и в то же время на хорошем научном уровне. Монография В. Кулиева «Мирза Казем-Бек» открывает новый этап в изучении обширного восточноведческого наследия выдающегося азербайджанского ученого.

Э. Р. Тенишев

ФАЗЛАЛЛАХ РАШИД ад-ДИН. ОГУЗ-НАМЕ,
ПЕР. С ПЕРС., ПРЕДИСЛ., КОММЕНТ., ПРИМЕЧ. И УКАЗ.
Р. М. ШУКЮРОВОЙ. БАКУ: ЭЛМ, 1987.

Проблема огузов и их художественное наследие, известное под названием огуз-наме, имеют важное значение для тюркологии. Наибольшие сведения об огузах донесли до нас Рашид ад-Дин Хамадани (1247—1318) в своем знаменитом труде «Джами ат-таварих» и хамидский хан VII в. Абу-л-Гази.

Рецензируемая книга Р. М. Шукюровой является переводом с персидского языка второй части книги Рашид ад-Дина под названием «Тарих-и огузан ва тюркан», которую исследователи произвольно называют «Огуз-наме». Этот труд Рашид ад-Дина как неоценимый источник истории огузов переведен на многие языки мира. На турецкий его перевел крупный тюрколог Зеки Велиди Тоган. Им же книга прокомментирована и частично исследована. Однако известный тюрколог, к сожалению, свое исследование памятника не завершил и, что еще более досадно, не сопроводил его оригиналом на персидском языке. Очевидно, ученый не успел снабдить свой труд и солидной библиографией (издание его осуществил ученик Зеки Велиди Тогана — Тюнджер Байкара).

Отрадно, что ценный труд великого историка привлек внимание азербайджанского ученого Р. М. Шукюровой, которая перевела его на русский язык с персидского, хотя достоверно известно, что сам Рашид ад-Дин составил свой труд на основе «Огуз-наме», существовавшей ранее на тюркском языке и составленной, вероятно, при Караханадах, которые интересовались тюркской древностью (см.: Дакик, Фирдоуси, Асади Туси).

Труд Р. М. Шукюровой состоит из относительно небольшого введения, в котором даются краткие сведения об источниках, об истории изучения жанра *огуз-наме* вообще, приводятся сюжетная схема переведенного памятника, генеалогическая таблица огузских владык по рецензируемой «Огуз-наме» и «Родословной туркмен». Далее очень кратко «Огуз-наме» сопоставляется с версией Абу-л-Гази. Это введение во многом приемлемо, учитывая ограниченность рецензируемого труда, однако вряд ли можно согласиться со следующим выводом автора: «Несомненно, что различия между версиями Рашид ад-Дина и Абу-л-Гази представляют собой особенности, изучение которых позволит отделить легендарный слой от исторических реалий». Для того, чтобы достигнуть такой цели, требуется изучить весь огромный материал, касающийся тюрков, в том числе огузов (одних огуз-наме, по нашим сведениям, более 17 версий). Абу-л-Гази сам утверждал: «Все, что о них (огузах.—Х. К.) известно, собрано со слов сказителей и знати этих племен, а также из отдельных их книг».

Основную часть труда Р. М. Шукюровой составляет перевод, фрагментарное сопоставление которого убеждает нас в том, что автор хорошо владеет обоими языками. Перевод аутентичен, а это самое главное для научного труда.

Следует особо отметить ценность примечаний, которыми автор снабдил свою работу. В этом разделе Р. М. Шукюрова проявила хорошую эрудицию и конкретное знание самого памятника. Примечания во многом способствуют пониманию текста,

составленного семьсот лет тому назад. К сожалению, в них очень мало разночтений одних и тех же имен и терминов, явившихся следствием того, что Рашид ад-Дин пользовался разными источниками и, вероятно, не всегда критически к ним относился. Например, в тексте оригинала одно и то же слово дается в разных транскрипциях: Yavqu, Yavquy, Yavgu. Безусловно, во всех случаях речь идет о тюркском титуле Yabgu (подробно см.: *Marqwart. Chronologie der alttürkische inschriften*, 1898, S. 69).

К труду Р. М. Шукюровой приложена краткая библиография, хотя рецензируемая

книга имеет обширную исследовательскую литературу на различных языках. Отсутствуют труды даже такого знатока древних тюрков, в том числе огузов, как Зеки Велиди Тоган. Особенно досадно, что не упомянут и не оценен его перевод того же памятника, каким занимается наш автор.

Тем не менее труд Р. М. Шукюровой — результат большой кропотливой работы — заслуживает всяческого одобрения. Наши замечания ни в коей мере не умаляют ценности его для науки об огузах.

Х. Короглы

3. З. ГАТИАТУЛЛИНА. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ АНГЛИЙСКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ. КАЗАНЬ: ТАТ. КН. ИЗД-ВО. 1984. 232 с.; СЛОВАРЬ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ СОВРЕМЕННОГО ТАТАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА:

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ. КАЗАНЬ: КАЗАН. ПЕД. ИН-Т, 1984. 76 с.

Рецензируемые работы, обобщая результаты многолетних научных изысканий автора¹, представляют собой первый (и пока единственный) опыт сравнительно-типологического изучения словообразовательных систем таких разнотипных языков, как татарский и английский, причем их словообразовательный уровень исследуется на фоне других уровней: фонологического, лексического, морфологического, синтаксического. Автору удалось выявить в типологическом паспорте английского языка присутствие признаков агглютинативности, а в типологическом паспорте татарского языка — выраженные признаки аналитизма. С его точки зрения, английский язык можно определить как аналитико-агглютинативный, а татарский — как агглютинативно-аналитический. Общие черты английского и татарского языков (агглютинация и аналитизм) позволили провести сравнительно-типологическое изучение их словообразовательных систем.

В результате детального анализа значительного по объему материала З. З. Гатиатуллина приходит к выводу, что самым продуктивным способом словообразования в обоих языках является суффиксация.

Что касается роли и функционального объема префиксации в рассматриваемых языках, то анализируемые автором многочисленные факты подтверждают, с одной стороны, традиционное представление об английском языке, как о префиксально-суффиксальном, а с другой — утверждают новое научное положение автора относительно присущей татарскому языку префиксации, опровергая сложившееся представление о тюркских языках, как о беспрефиксальных.

Посредством интернациональных префиксов от татарских основ образуются новые слова, представляющие собой четкую корреляцию продуктивных моделей английского языка: *антикисакчек* (античастица), *инфракызыл* (инфракрасный), *ультратавыш* (ультразвук), *контрчара* (контрмероприятие), *антиимпериалистик* (антиимпериалистический) и др.

Утверждая, что «два разнотипных генетически неродственных языка в плане аффиксального словообразования не противопоставляются друг другу, а проявляют типологическое сходство» (с. 207), автор в качестве наиболее продуктивных для обоих языков способов безаффиксального словообразования указывает конверсию и словосложение. Основные 11 продуктивных моделей этих типов словообразования сов-

¹ Гатиатуллина З. З. Сравнительная типология родного (татарского) и английского языков: Курс лекций. Казань: Казан. пед. ин-т, 1979; *снa же*. Сравнительная типология лексических систем английского и татарского языков. М.: МГПИ, 1982.

падают в обоих языках. Малопродуктивные модели словосложения составляют различие английского и татарского языков. Изучая это различие, автор раскрыл специфические черты каждого из сопоставляемых языков: в татарском — наличие составных и парных слов, которые образуются с сохранением синтаксической связи между компонентами (сочинительная связь) и без каких-либо фонетических трансформаций; в английском языке — образование сложных слов на базе словосочетаний или целых предложений путем компрессии.

Монография З. З. Гатиатуллиной, развивая теорию сравнительно-типологического языкознания, имеет большое значение и для преподавания языков.

Большую помощь преподавателям окажет и «Словарь словообразовательных элементов современного татарского литературного языка», который является первым

опытом создания татарского словаря подобного типа. В словаре собрано 265 словообразовательных элементов: суффиксов, префиксов, наиболее частотных компонентов сложных слов. Каждый элемент характеризуется с точки зрения продуктивности/непродуктивности, соотносительности с определенной частью речи, семантической функцией, которую он выполняет в составе производного слова. По возможности дается и генетическая справка о нем, т. е. указывается, к какому элементу он восходит.

Монография и словарь, составленный З. З. Гатиатуллиной, вносят много ценного как в теорию сравнительно-типологического словообразования английского и татарского языков, так и в практику их преподавания.

Л. К. Байрамова

ХЭЗИРГИ КАРАҚАЛПАҚ ТИЛИ: СИНТАКСИС

НӨКӨС: ҚАРАҚАЛПАҚСТАН, 1986. 285 с.

Книга открывается изложением общих сведений о формах и типах синтаксической связи. Структура синтаксиса простого предложения раскрывается путем анализа содержания двусоставных и односоставных предложений. Введен специальный раздел о синтаксисе простого осложненного предложения, в котором рассматриваются обороты с глагольными словами (деепричастиями, причастиями, глагольно-именными словами, формами условного наклонения), предложения с однородными членами, с обособленными (обособленными приложениями, обособленными определениями, обособленными обстоятельствами), с вводными (вводными и вставными предложениями) и, наконец, с обращениями, причем вставные конструкции — отдельно от вводных. На богатом фактологическом материале показываются различные интонационные особенности в связи с изменением местонахождения обращения.

В разделе, посвященном синтаксису сложного предложения, приводятся основные моменты, отличающие сложное предложение каракалпакского языка от простого. По способу образования сложные предложения во многих работах по тюркским языкам делятся на три вида: сложносочиненные, сложноподчиненные и смешанного типа. В действительности же последний тип не является разновидностью сложного предложения, так как способы его образования те же, что сложносочиненного и

сложноподчиненного предложений. Эти предложения образуются при наличии в их составе двух синтаксических компонентов, тогда как сложное предложение смешанного типа требует их не менее трех. Мы полностью разделяем мнение тех авторов, которые рассматривают смешанный тип лишь как разновидность сложного предложения с многокомпонентными видами.

Поскольку данный труд — это своего рода первый опыт каракалпакских языковедов в области синтаксиса, то неизбежны некоторые улучшения при его составлении.

Как известно, синтаксис любого языка охватывает три больших раздела: синтаксис словосочетания, синтаксис простого предложения и синтаксис сложного предложения. Каждый раздел требует одинакового подхода к изложению материала. Однако в рецензируемой книге синтаксис словосочетания освещен очень слабо.

Простое предложение, по утверждению авторов, делится на следующие виды: повествовательное, вопросительное, восклицательное, побудительное, положительное и отрицательное. На наш взгляд, последние два вида не следовало бы рассматривать вместе с предыдущими, так как они являются общими для всех этих предложений. Каждое из них может быть положительным и отрицательным.

К семантическому ряду обстоятельств отнесены и условные, уступительные обстоятельства. Правильнее было бы включить

их в разряд синтаксических оборотов простого осложненного предложения. Приведенные примеры на эти обстоятельства действительности представляют собой предложения с условными и уступительными оборотами.

Авторы учебника правильно выделяют причастные, деепричастные и другие синтаксические обороты, относящиеся к простым осложненным, а не к сложным предложениям. Однако среди них есть и такие, которые следовало бы рассматривать как сложные, например: Арадан онша көп уакыт өтпей-ақ, машинмалар да келип қалды (Ж. Сапаров) 'Прошло немного времени, и машина уже подошла'. Ертеңне күн шықпастан бурып, Данияр екеумиз атларды қырманға әкелдик (Ш. Айтматов) 'Наутро, пока еще не взошло солнце, мы с Данияром привели коней на ток'. Кеулимжай курылысқа жумысқа келгенде, Саррас өң жеті жаста еді («Жеткиншек») 'Когда Кеулимжай пришел на стройку, ему было ровно семнадцать лет' (с. 136—139). Эти предложения, на наш взгляд, являются сложными, имея каждый в своем составе по два предикативных центра. Простым осложненным синтаксическим оборотом признается только то предложение, которое организуется на базе одного общего грамматического подлежащего. При разграничении осложненного и сложного предложений необходимо обращать внимание на эту их структурную особенность.

Некоторая неточность наблюдается иногда и при разработке синтаксиса сложного предложения. Например: Деген менен он орамалды бос усады ма, жөпелимде ысқырып турған самал оның орамалын қолынан жулып алып кетті 'Все же она, видимо, слабо держала платок, бушевавший ветер неожиданно сорвал платок с ее рук'. В данном предложении первоначальный компонент попутно разъясняет ход действия, выполненного в основном предложении. Такие предложения представляют собой осложненные предложения со вставными конструкциями. Объясняются как сложные и некоторые осложненные предложения с синтаксическими оборотами: Қалама дараган сайын, козим тоймас еді (И. Курбанбаев) 'Каждый раз, когда я смотрел на свой город, не мог радоваться' (с. 244).

В учебнике иногда встречаются противо-

речивые суждения, толкования, взаимоисключающие друг друга. Так, например, в разделе изъяснительного сложносочиненного предложения одним из способов его образования указываются одинарные относительные слова *сондай, сол* — производные от местоимений и наречных слов: Енді іслейтуғын ісімнісіз сол: ұсы жерден екеуміз екі жол менен кетейік (ертектен) 'Теперь нам остается вот что: разехаться отсюда по двум дорогам (из сказки)' (с. 227). Такого рода предложения в дальнейшем рассматриваются и как сложноподчиненные, образованные аналитическим способом (см. с. 238). На наш взгляд, предложение с подобным образованием — это изъяснительное сложносочиненное предложение, ибо здесь не наблюдается признаков придаточного компонента.

Что касается придаточных предложений, то наряду со способами их образования указано и смысловое соотношение условных компонентов. Однако названные разновидности (реальное, ирреальное и предположительное) освещены в книге явно недостаточно. Следовало бы обратить также внимание на смысловую сторону, особенно уступительных и временных придаточных предложений.

Несмотря на многочисленные объекты изучения, некоторые вопросы синтаксиса сложного предложения по сравнению с простым не затронуты вообще или решены не до конца.

По традиции, речь во многих языках по способу передачи бывает прямой и косвенной. Однако в данном учебнике она делится на три вида: прямую речь (туұра гәп), чужую прямую речь (өзінники болмаған туұра гәп), косвенную речь (өзлестірілген гәп) (с. 257). При анализе можно установить, что второй вид представлен разными по цели высказывания видами предложения (повествовательным, вопросительным и т. д.). Чужая прямая речь и косвенная речь в действительности — это одно и то же.

Указанные недостатки не снижают ценности рецензируемого нами учебного пособия.

М. Б. Балакаев, Х. М. Есенов,
Е. М. Мергенбаев

АННОТАЦИИ

Э. ҚОҢЫРАТБАЕВ. ҚАЗАҚ ЭПОСЫ ЖӘНЕ ТҮРКОЛОГИЯ

АЛМАТЫ: ҒЫЛЫМ, 1987. 365 с.

Проблемам казахского эпоса посвящено немало научных трудов. Новая книга А. Конратбаева отличается среди других тем, что здесь казахский эпос, сказания и легенды исследуются в непосредственной связи с общественно-экономическим укладом различных племен и народностей, издревле обитавших в казахских степях, на территории Средней Азии и Алтая. При этом автор предпринимает попытку раскрыть систему художественных, исторических и логических связей между казахским фольклором и древнетюркскими письменными памятниками. Для достижения этих целей А. Конратбаев сумел продуктивно использовать метод сравнительно-исторического анализа: наряду с казахским устным народным творчеством он рассматривает и материал фольклора других тюркоязычных народов, а также опыт и достижения тюркской филологии в решении аналогичных вопросов.

Рецензируемая работа состоит из двух частей: в первой речь идет о происхождении и природе казахского фольклора, во второй — о культуре древнетюркских племен.

В какую эпоху, в какой среде возник казахский эпос, какова связь между ним и этногенезом казахов? В поисках ответов на эти вопросы А. Конратбаев анализирует тотемистические, мифологические, религиозные представления народа, его обычаи и традиции. Доказывая наличие своеобразных ступеней в развитии художественного мышления, автор делает вывод, что оно делится на следующие этапы: тотемистиче-

ский, мифологический и реально-исторический.

На основе конкретных фактов автор излагает свою версию о социально-исторических условиях возникновения сюжетной канвы «Қобланды», «Алпамыш», «Камбара», «Шора-батыра» — произведений, относящихся к племенному эпосу. Например, говоря о генезисе «Қобланды», он утверждает, что этот эпос возник в VIII—XI вв. как племенной эпос, но впоследствии в его сюжете дана отражение и жизнь казахов XV—XVIII вв.; таким образом, племенной эпос постепенно превратился в общенародный.

Ученый исследует творчество народных сказителей — жырыш, жырау, певцов, музыкантов, особо отмечая при этом синкретичный характер искусства жырау: они были импровизаторами, кюйши (музыкантами), солистами-исполнителями и своеобразными психологами (философами), чутко улавливавшими дух времени.

Второй раздел книги посвящен исследованию культуры, истории, общественной жизни, письменной литературы древнетюркской эпохи. Полемизируя с известными учеными (С. Е. Маловым, Л. Н. Гумилевым, С. Г. Кляшторным и др.), автор выдвигает свои гипотезы относительно некоторых страниц истории Тюркских Канатов.

Книга А. Конратбаева является вкладом в казахскую фольклористику и советскую тюркологическую науку и играет определенную роль в изучении казахского фольклора.

Н. Калимбетов

Ш. Ч. САТ. ТЫВА ДИАЛЕКТОЛОГИЯ.

КЫЗЫЛ: ТЫВАНҢ НОМ ҮНДҮРҮР ЧЕРИ, 1987. 102 с.

Во введении автор излагает основные понятия диалектологии, ее методы, историю изучения говоров и диалектов тувинского языка, а также свою точку зрения на отдельные вопросы общей диалектологии, методику сбора и анализ диалектных материалов.

Научной классификации диалектов и говоров тувинского языка посвящена первая глава. Подробно охарактеризовав все существующие классификации говоров и диалектов тувинского языка (А. А. Падьбаха, З. Б. Чидимы, А. Ч. Кунаа), Ш. Ч. Сат на основании материалов многолетних

полевых исследований предлагает свою классификацию территориальных диалектов тувинского языка. Он выделяет четыре диалекта: центральный, западный, юго-восточный, северо-восточный и два смешанных говора: каахемский и терехольский.

В последующих пяти главах подробно освещены фонетические, лексические, морфологические и синтаксические особенности всех этих диалектов и говоров, причем материалы поданы последовательно и единообразно, как и в других работах автора, выдержана строгая научная система отбора и анализа.

По определенным фонетическим, лексическим и морфологическим признакам Ш. Ч. Сат внутри центрального диалекта выделяет пять говоров: улугхемско-чаахольский, дзунхемчикский, овюрский, саянский, бийхемский, в западном — три: барунхемчикско-байтайгинский, карахольский, монгутайгинский, в юго-восточном — два: эрзийско-тесхемский, тандинский.

Отдельно освещен вопрос о взаимосвязи и взаимодействии литературного языка и диалектов, о роли диалектов в дальнейшем обогащении лексики и морфологии литературного языка, совершенствовании норм. Автор приходит к выводу, что в настоящее время, с одной стороны, происходит нивелировка диалектных черт под интерферирующим влиянием литературного языка, а с другой — диалекты в определенной степени продолжают влиять на отдельные стороны литературного языка.

В заключительной главе приведены материалы по языку тувинцев северо-западной Монголии.

К пособию приложены краткий словарь диалектологических терминов, схематическая карта распространения говоров и диалектов тувинского языка.

К. Бичелдей

М. Х. ЭХТЭМОВ. ОМОНИМДАР ҲҮЗЛЕГЕ

УКУУСЫЛАР ӨСӨН КУЛЛАНМА. ӨФӨ, 1986. 152 б.

Словарь М. Х. Ахтямова продолжает исследование омонимов современного башкирского языка. Первая работа этого автора вышла в 1966 г.

Во введении к словарю дается лингвистическое определение омонимов (с. 3). По мнению автора, омофоны и омографы лежат за пределами омонимии и, стало быть, не должны рассматриваться в одном ряду с омонимами. Он различает омонимы (лексические, лексико-грамматические, грамматические) и языковые явления, сходные с омонимами или близкие к ним (омофоны, омографы).

Словарем охвачены лексические (263 ед.) и лексико-грамматические (459 ед.) омонимы. В нем приведены иллюстративные примеры из художественной литературы, фольклора, публицистики, периодики, дополнительно характеризующие омонимичные слова, указывающие на сферу их употребления. В приложениях к словарю даны: деление омонимов на виды лексические (глагол — глагол, наречие — наречие и т. д.) и лексико-грамматические (существительное — глагол, глагол — наречие и т. п.); таблица представленности омонимов частями речи (из них существительные — 50,9%, глаголы — 28,6%, прилагательные — 8,2%); таблица омонимичных гнезд, состоящих из двух (72,2%), трех (18,3%), четырех (7,7%) и пяти (1,4%) слов.

Судя по анализу фактических словарных единиц, отбор омонимов производился скорее субъективно, чем объективно, на основании статистических данных. Поэтому многие частотные омонимы оказались вне словаря. Например, даны только омонимичные существительные *актив* (с. 12), в то время как в современном башкирском языке широко употребляются омонимичные с существительными прилагательное и наречие *актив*, образованные дезаффиксацией частей речи, заимствованных из русского языка.

В словаре не отражены также омонимы, как исконно башкирские, так и заимствованные из русского в усеченной форме (без аффикса) прилагательных и образованных от них наречий (*алыс* 'далекий' и 'далеко' и т. д.).

М. Х. Ахтямов справедливо, на наш взгляд, критикует концепцию Дж. Г. Киекбаева и других ученых, считающих, что омонимы не могут быть образованы в результате распада бывшей полисемии как следствие смыслового деления одного слова на два и более (с. 6). Вместе с тем в словаре имеется немало случаев, когда омонимичные слова зарегистрированы как многозначные образования. Например, слово *тел* 'язык' обозначено как многозначное образование, объединяющее значения 'язык — орган в по-

лости рта' и 'язык—система звуковых и словарно-грамматических средств, являющихся орудием общения', что верно лишь в этимологическом плане. На современном этапе языкового развития семантические связи между этими значениями давно уже исчезли, и оба они превратились в самостоятельные слова-омонимы. По нашему мнению, для наиболее полного и точного установления близости лексических значений не следует ограничиваться лишь этимологическим и семантическим критериями. Необходимо использовать весь арсенал известных в литературе лексико-грамматических, словообразовательных, синонимических мерок и координационных методов.

В словаре, как нам кажется, неоправданно большое место отведено заимствованиям готовых омонимов из русского языка (типа *бокс, вал, кадр, кран, курс* и т. п.), в то время как осталось малоосвещенным совпадение заимствованных слов с исконно башкирскими. Например: *кит*—'уходить' и *кит* 'рыба', *бар*—'идти' и *бар* 'единица атмосферного давления', *тир* 'пот' и *тир* 'стрельбище' и т. п.

Неудачным представляется нам полиграфическое оформление издания.

Налицо диспропорция в иллюстративной части словаря. К одним омонимам даны по 5—8 примеров (см.: *ал* к, *ат* к, *без* а, *кара* к и т. п.), другие же вообще приведены без иллюстрации (см.: *аркала* к, *арт* к, *ая*, *кый* и т. п.). На с. 124, где указана омонимичность имени существительного *һын* и глагола *һын*, приведены значения и иллюстративные примеры только для существительного, тогда как значение глагола и примеры к нему отсутствуют. В словаре не оказалось оглавления, приведен лишь алфавитный указатель омонимов (с. 135—140).

Следует отметить, что автор проделал большую кропотливую работу по систематизации и иллюстрации омонимов современного башкирского языка. Новый словарь, несомненно, будет полезен при составлении толковых словарей башкирского языка.

Ч. Ю. Латыпов

Э. Ф. ИШБЕРДИН. ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЛЕКСИКИ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

М.: НАУКА, 1986. 152 с.

Книга открывается введением, где ставятся проблемы и задачи исследования лексики башкирского языка, описывается историография вопроса и характеризуются башкирские рукописные и печатные словари XVIII—XIX вв., являющиеся источниками для сравнительного изучения башкирской лексики.

Первая глава посвящена исследованию древнего и древнейшего лексического пласта, восходящего к алтайской языковой общности; здесь анализируется лексика, обнаруживающая соответствие в тунгусо-маньчжурских, монгольских и других тюркских языках, выявляются их исторические языковые связи, а также структурно-семантические особенности развития на почве башкирского языка.

Наиболее глубоко и разносторонне изучена башкирская лексика, общая с лексикой монгольских языков. Допуская, что большинство слов, общих с монгольскими языками, может быть следствием генетического родства или более древних контактов сравниваемых языков, автор книги из всей массы общих для обоих языков лексических единиц особо выделяет поздние монгольские заимствования.

Во второй главе монографии рассматриваются вопросы развития башкирской лексики за счет внутренних ресурсов языка. Автор анализирует свойственное тюркским языкам явление, когда корневые морфемы древнетюркского и общетюркского происхождения с различной фонетической структурой получают самобытное семантическое развитие.

Затрагивая генезис тюркских словообразовательных аффиксов, автор предполагает, что тюркские аффиксы первоначально могли быть монсфоническими (преимущественно моноконсонантными) и лишь в процессе дальнейшего развития, в силу морфологического переразложения, которому способствовала агглютинация, простые аффиксы преобразовались в сложные.

В историческом развитии башкирского языка, отмечается в книге, большую роль сыграло словосложение. В связи с этим автор исследует пути образования и структурно-семантического развития повторов, парных и сложных слов.

В третьей главе рассматриваются основные семантические процессы в башкирской лексике; описывается историческое развитие многозначных слов, омонимов, синони-

мов, антонимов, зафемизмов, а также экспрессивно-оценочная лексика башкирского языка.

В четвертой главе описывается диалектная лексика и ее взаимоотношения с литературной; описываются пути и способы проникновения диалектной лексики в язык литературный.

Пятая глава посвящена контактному развитию лексики башкирского языка. Здесь подробно анализируются русские, арабские и персидские заимствования и их структурно-семантическое развитие в башкирском языке, особо выделяется процесс заимствования в советский период, когда происходит качественное осмысление заимствованных слов. Автор книги показывает, что ес-

ли до 20-х годов в составе лексики башкирского языка большое место занимали термины арабского и персидского происхождения, то с 30-х годов, по мере обогащения башкирской лексики за счет ресурсов местных говоров и заимствований из русского языка, большинство терминов арабского и персидского происхождения были заменены собственно башкирскими словами либо русизмами и интернационализмами, проникшими через посредство русского литературного языка.

В заключении делаются основные выводы исследования.

С. Ф. Миржанова

ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА: МЕЖВУЗОВСКИЙ СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

КАЗАНЬ: КАЗАН. ГОС. ПЕД. ИН-Т, 1986. 157 с.

Сборник открывается статьей «Язык „Кисса-и Йусуф“ Кул Гали и этноязыковая ситуация в Волжской Булгарии», в которой автор М. З. Закиев — язык этой поэмы начала XIII в. считает общетюркским, характеризующимся обилием и огузских, и кипчакских, и карлукских особенностей.

В статье «Об истоках булгарской эпиграфики второго стиля» в результате анализа особенностей языка и естественных ошибок, допущенных людьми на начальной стадии освоения грамотности, Я. Ф. Кузьмин-Юманиди утверждает, что «булгарская эпиграфика второго стиля», в отличие от эпиграфики первого стиля, не является собственно булгарской. Создателями ее были мастера-каменщики, вышедшие из чуваш и влившиеся в состав казанских татар. В связи с этим затянущаяся полемика по поводу принадлежности мнимого «булгарского наследия» является лишь досадным недоразумением, возникшим вследствие ошибочных выводов Ильминского и его последователей» (с. 32).

В статье Ф. Ю. Юсупова «Из истории развития неличных и личных форм глагола в диалектах татарского языка» делается вывод о том, что выполнение неличными формами татарского языка как атрибутивных, так и предикативных функций, а также наличие аналитических и синтетических типов спряжения индикативных форм объясняется незавершенностью на современном этапе процесса перехода между неличными и личными формами татарского глагола (с. 43).

Вопросам формирования морфологических особенностей говора ставропольских татар посвящена статья Л. Ш. Арсланова. В ней автор на основе анализа 21 морфологической особенности приходит к заключению, что говор ставропольских татар «представляет собой своеобразный говор мишарского диалекта, испытавший влияние ногайского, русского и частично туркменского языков» (с. 52).

М. М. Нигматуллин, исследовавший огузские элементы в татарском общенародном языке, считает, что «контакты, смешение с огузскими племенами в волжском регионе происходили до образования татарской народности и ее языка, и поэтому огузские элементы в живом народном языке следует отнести к типу исконных (генетических)» (с. 59).

Г. И. Одиноква предприняла попытку описать историю формирования татарской юридической терминологии в послеоктябрьский период, на конкретных примерах показав влияние на нее русского языка.

В статье «Функционирование окказионализмов в татарском языке» А. С. Зинниа подвергает анализу новые слова на уровне речи отдельных писателей.

В сборнике помещены также статьи З. З. Сангова («Роль русского языка в развитии фонетической системы современного татарского литературного языка»), А. М. Юсуповой («Особенности семантико-стилистического употребления лексической синонимии в поэзии Т. Кантайя»), Л. З. Ахияровой («Использование родного и русского

языков учащимися-татарами в сфере общественно-политической жизни»), А. Ш. Скворцовой («Топонимия Казани в историческом аспекте»), М. З. Закиева («Основные этапы формирования татарского языка»).

В своей статье М. З. Закиев, говоря об этапах формирования татарского народно-разговорного языка, выделяет в его развития три исторических периода. Первый—это относительно самостоятельное формирование языков двух основных языконесущих компонентов: волжских булгар и мишарей. Начало его для булгарского языка относится к IX—X вв., а для мишарского—к более ранним. Второй период, охватывающий XVI—середину XX в., характеризуется присоединением Казанского ханства к Русскому государству. В результате массового переселения казанцев и мишарей в восточные регионы, где обитали предки башкир и сибирских татар, образовалось сельское койне—общенародный разговорный язык волжских татар. Начало третьего пе-

риода приходится на середину XX в., когда татарский народно-разговорный язык, испытав очень сильное влияние массового татарско-русского двуязычия, приобрел новые черты на всех уровнях.

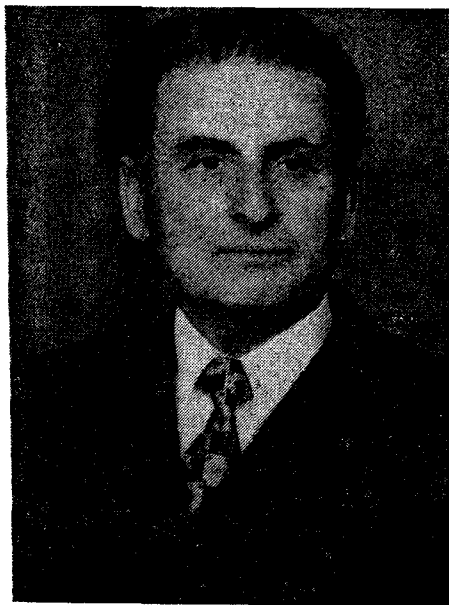
Что касается развития татарского письменного литературного языка, то автор статьи лишь уточняет уже известные этапы: 1) XV—XIX вв.—период формирования старотатарского литературного языка, который унаследовал свою нормативность от общего старотюркского (X—XV вв.) и общего древнетюркского (V—X вв.); 2) вторая половина XIX—начало XX в.—период складывания татарского национального языка; 3) послеоктябрьский период—развитие полифункционального национального литературного языка. При определении особенностей функционирования литературного языка автором довольно полно учитывается его взаимодействие с народно-разговорными нормами.

С. М. Ибрагимов

PERSONALIA

МАУЛЕН БАЛАКАЕВИЧ БАЛАКАЕВ

(К восьмидесятилетию со дня рождения)

В ноябре 1987 г. исполнилось 80 лет со дня рождения и 55 лет научно-педагогической деятельности известного тюрколога-казаховед Маулена Балакаевича Балакаева—члена-корреспондента Академии наук Казахской ССР.

М. Б. Балакаев родился в 1907 г. в ауле Чага Туркестанского района Чимкентской области в бедной крестьянской семье. Окончив в 1929 г. Чимкентский педагогический техникум, М. Б. Балакаев работает инструктором, а затем заведующим отделом народного образования Чуйского района.

В 1931 г. он поступает на филологический факультет Казахского педагогического института им. Абая, по окончании ко-

торого направляется в аспирантуру Ленинградского университета.

В 1937 г. после окончания аспирантуры М. Б. Балакаев возвращается в Алма-Ату, где работает заведующим кафедрой Коммунистического института журналистики (1937—1941), а затем ректором Алма-Атинского института иностранных языков (1941—1942). В суровые годы Великой Отечественной войны ученый становится в ряды защитников Родины. Награжден орденом Отечественной войны II степени. Демобилизовавшись после тяжелого ранения под Сталинградом, М. Б. Балакаев возвращается к научной и педагогической деятельности. В 1943—1945 гг. он референт Совета Министров Казахской ССР, с 1945 по 1959 г. заведует отделом Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР, с 1959 по 1975 г.—кафедрой казахского языка Казахского государственного университета им. С. М. Кирова, продолжая работать по совместительству в Институте языкознания Академии наук Казахской ССР. С 1975 г. М. Б. Балакаев возглавляет отдел культуры речи этого института.

В 1941 г. М. Б. Балакаев успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Служебные слова в казахском языке», а в 1950 г.—докторскую—«Основные вопросы синтаксиса простого предложения в современном казахском языке». В 1958 г. он избирается членом-корреспондентом Академии наук Казахской ССР.

Большой заслугой ученого следует считать то, что он одним из первых в тюркологической науке занялся изучением таких проблем, как синтаксис простого предложения, словосочетания и культуры речи. Особенно активно и плодотворно М. Б. Балакаев работает в области грамматики казахского языка.

Результатом его многолетней работы над проблемой словосочетания явилось издание в 1957 г. книги «Основные типы словосоче-

таний в казахском языке», где он устанавливает свои критерии различия предложений и словосочетаний.

Разработке проблем развития казахского литературного языка посвящены такие труды ученого, как «Казахский литературный язык и его нормы» (книга удостоена премии имени Ч. Ч. Валиханова), «Вопросы казахского литературного языка» (написана совместно с М. Томановым и Е. Жанпейсовым), «История казахского литературного языка» (издана в соавторстве с Р. Сыздыковой и Е. Жанпейсовым). С именем М. Б. Балакаева связана также разработка вопросов стилистики казахского языка и культуры речи. Ученым опубликовано несколько монографий и около двадцати статей, в которых ставятся и решаются не только теоретические, но и практические вопросы, связанные с нормализацией литературного языка.

Много сил отдает проф. М. Балакаев усовершенствованию письменности, орфографии казахского языка. Являясь одним из лучших специалистов по казахской орфографии, М. Б. Балакаев в 1948 г. выпустил «Орфографический словарь», который способствовал нормализации и устраи-

нению разноречия в орфографии казахского языка и послужил основой для создания большого орфографического словаря.

Большую помощь М. Б. Балакаев оказывает начальной, средней и высшей школе. В 1938 г. он выпустил сразу четыре учебника: учебник казахского языка для взрослых, учебник для первых, вторых классов, учебник для третьего и учебник для девятого классов. Три последних выдержали уже двадцать изданий. В соавторстве с другими учеными М. Б. Балакаев издает четыре учебника и для студентов вузов.

Маулен Балакаевич является прекрасным педагогом. За двадцать пять лет преподавательской работы он воспитал и вырастил многочисленный отряд лингвистов-казаховедов. Под его руководством защищено свыше 30 кандидатских диссертаций.

Многолетняя научно-педагогическая деятельность М. Б. Балакаева высоко оценена правительством: он награжден орденом Трудового Красного Знамени, несколькими медалями и Почетными грамотами Верховного Совета Казахской ССР.

Р. Г. Сыздыкова, Ш. Сарыбаев

ТЕЛГОЖА ДЖАНУЗАКОВИЧ ДЖАНУЗАКОВ

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось 60 лет со дня рождения и 35 лет научно-педагогической деятельности

доктора филологических наук, заведующего отделом ономастики Института языкознания АН КазССР Телгожы Джанузаковича Джанузакова.

После успешного окончания Алма-Атинского педагогического института им. Абая Т. Д. Джанузаков был оставлен в аспирантуре. С 1951 г. по настоящее время работает в системе Академии наук Казахской ССР.

В 1961 г. Т. Д. Джанузаков успешно защищает кандидатскую, а в 1976 г. — докторскую диссертацию.

Круг научных интересов ученого разнообразен и охватывает актуальные проблемы не только казахского языкознания, но и казахской фольклористики и перевода. Он является автором свыше 100 научных трудов, посвященных вопросам казахской ономастики, лексикографии, терминологии и фольклора. Его перу принадлежат монографии «Собственные имена в казахском языке» (1965), «История казахских имен» (1971), «Тайны имен» (1974), «Основные

проблемы ономастики казахского языка» (1977), «Очерк казахской ономастики» (1982).

В 50-х годах Т. Д. Джанузаков был одним из составителей инструкции по сбору и классификации материалов по топонимике Казахстана. Основным направлением возглавляемого им отдела ономастики было и остается накопление и исследование фактов казахской ономастики, подготовка и издание словарей топонимов и антропонимов, монографических трудов.

Последняя монография ученого—«Очерк казахской ономастики» (1982) является комплексным фундаментальным исследованием, воспроизводящим полную историческую и современную систему казахской ономастики.

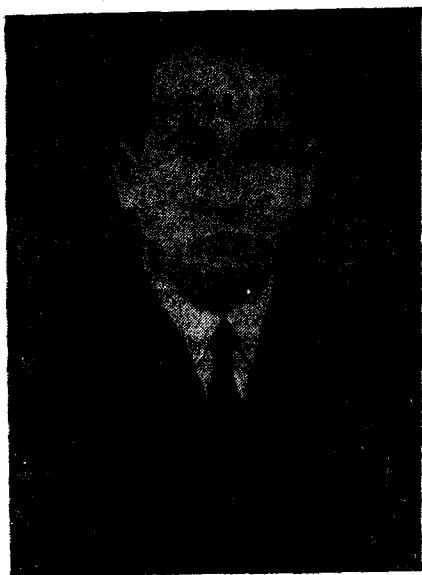
Т. Д. Джанузаков является членом редколлегии и одним из составителей десяти-томного «Толкового словаря казахского языка», выпуск которого завершен в 1987 г., «Словаря языка Абая» (1968), «Русско-казахского толкового словаря лингвистических терминов» (в соавторстве с С. К. Кенесбаевым—1956, 1966 гг.) и «Казахских народных загадок» (в соавторстве с С. А. Аманжоловым—1959), «Истории казахской литературы» (т. I, глава «Казахские загадки сегодня»—1968).

Заслуги Т. Д. Джанузакова отмечены медалями, за цикл работ по казахской ономастике он удостоен премии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР.

О. Накибеков, А. Джунисбеков

АБДУРАХМАН МЕХИ ОГЛЫ ДЖАВАДОВ

(К шестидесятилетию со дня рождения)

15 ноября 1987 г. исполнилось 60 лет со дня рождения и 37 лет с начала научной деятельности видного азербайджанского языковеда, доктора филологических наук, заведующего отделом сравнительного изучения тюркских языков Института языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР А. М. Джавадова.

Окончив в 1950 г. филологический фа-

культет АГУ им. С. М. Кирова, А. М. Джавадов в том же году поступил в аспирантуру при Институте литературы и языка им. Низами АН Азербайджанской ССР. В 1955 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Безличные предложения в современном азербайджанском языке».

Круг научных интересов А. М. Джавадова весьма широк. Он занимается вопросами современного азербайджанского языка, стилистикой, а также сравнительным изучением тюркских языков. В выпущенном в 1962 г. коллективном труде «Словосочетание в современном азербайджанском языке» А. М. Джавадовым написана глава «Глагольное словосочетание», а также «Введение». Словосочетания классифицируются им в новом аспекте: глагольные и именные конструкции отделяются друг от друга. В опубликованной в 1963 г. работе «Односоставные предложения» впервые анализируются все виды монопредикативных единиц и определяется их статус в системе синтаксиса азербайджанского языка.

А. М. Джавадов является одним из ведущих авторов следующих фундаментальных монографий: «Стилистика азербайджанской художественной речи» (1970), «Грамматика азербайджанского языка» (1971), «Современный азербайджанский язык»: В 3 т. (1981—1982), «Семасиология современного азербайджанского языка» (1985) и т. д.

В научной биографии А. М. Джавадова

особое место занимают его докторская диссертация «Порядок языковых единиц: (на материале азербайджанского языка)» и изданная по той же теме монография «Порядок синтаксических единиц в современном азербайджанском литературном языке» (1977).

Автором в синхронном срезе исследуются дихотомия языка и речи в порядке расположения языковых субстанций, раскрываются системы семантических закономерностей упорядочения грамматических единиц и выявляется изоморфизм порядка элементов разных уровней. В целом в этом фундаментальном исследовании впервые в азербайджанском языкознании, а также в определенном смысле и в отечественной тюркологии ставятся и решаются такие актуальные вопросы, как лингвистика текста, актуальное членение предложения, модальность, предикативность и т. д.

А. М. Джавадов очень часто выступает на страницах газет и журналов со статьями, посвященными проблемам орфографии,

алфавита, культуры речи, ономастики. В настоящее время под его руководством составляется «Сравнительный словарь тюркских языков огузской группы», завершается работа над «Сравнительным синтаксисом тюркских языков огузской группы».

А. М. Джавадов принимает активное участие в подготовке научно-педагогических кадров, является членом специализированного совета по защите докторских диссертаций при Институте языкознания им. Насими АН АзССР. Под его руководством защищено пять кандидатских диссертаций.

Многочисленные коллеги, друзья и ученики, поздравляя А. М. Джавадова с юбилеем, желают ему доброго здоровья, долгих лет жизни и новых творческих успехов на поприще науки.

Р. Дж. Маггеррамова, М. М. Мусаев

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

ВЕЛИКИЙ ПИСАТЕЛЬ И УЧЕНЫЙ

В сентябре 1987 г. общественность страны отмечала 90-летие со дня рождения выдающегося советского писателя, ученого, видного общественного деятеля, лауреата Ленинской и Государственной премий СССР Мухтара Омархановича Ауэзова.

3 октября 1987 г. в Москве в Колонном зале состоялось торжественное собрание трудящихся столицы, на котором присутствовал член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Е. К. Лигачев. В своем вступительном слове первый секретарь правления СП СССР В. В. Карпов назвал М. О. Ауэзова «гордостью всей советской

многонациональной литературы». С докладом о жизни и творчестве М. О. Ауэзова выступил секретарь ЦК Компартии Казахстана З. К. Камалиденов. Своими воспоминаниями о встречах с М. О. Ауэзовым поделились: Герой Социалистического Труда, главный редактор «Литературной газеты» А. Б. Чаковский, народный писатель Азербайджана, Герой Социалистического Труда М. А. Ибрагимов, главный редактор журнала «Дружба народов» С. А. Баруздин, народный писатель Украины П. А. Загребельный, поэт Л. И. Ошанин. Заключительное слово произнес первый секретарь правления СП Казахстана О. О. Сулейменов.

* * *

25 сентября 1987 г. во Дворце им. В. И. Ленина был проведен торжественный вечер, посвященный 90-летию со дня рождения М. О. Ауэзова. Собрание открыл первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Г. В. Колбин.

С докладом о жизни и творчестве М. О. Ауэзова выступил первый секретарь правления СП Казахстана О. О. Сулейменов, который обратил внимание общественности на неисследованность истории культуры и литературы Казахстана двадцатых годов, подробно рассказал и о том трудном, что пришлось пережить М. О. Ауэзову, о непреходящем значении его творчества для всех людей.

Выступившие секретарь правления СП СССР А. А. Михайлов, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий СССР и Узбекской ССР К. Яшен и первый секретарь правления СП Таджикистана М. Каноат рассказали о многогранном таланте и огромном духовном потенциале М. Ауэзова.

Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР Ч. Т. Айтматов в своем выступлении сказал: «...и сегодня не померкли насле-

дие М. О. Ауэзова; его фундаментальный вклад в многонациональную советскую литературу—романы, повести, драматургия и литературоведение, публицистика. Это наследие—сложившаяся неотъемлемая национальная данность и в культуре казахского народа. Имя М. О. Ауэзова олицетворяет синтез двух начал—облик Востока и Запада».

На торжественном собрании также выступили старший чабан совхоза им. Белибаева Семипалатинской области, полный кавалер ордена Трудовой Славы О. Касымжанов, первый помощник командира теплохода «Мухтар Ауэзов» С. Е. Фролов.

Академией наук Казахской ССР 23 сентября 1987 г. в Большом конференц-зале Дома ученых АН Казахской ССР была проведена Всесоюзная научная конференция «Мухтар Ауэзов и современная литература», в которой приняли участие ученые из Москвы, Казахстана, республик Средней Азии. Открыл конференцию вице-президент АН Казахской ССР, академик Ж. А. Абдылдин. О разных аспектах многосторонней деятельности М. Ауэзова говорили директор Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова АН Казахской ССР Ш. Р. Елеуке-

нов, известный советский литературовед З. С. Кедрин (Москва), академик-секретарь Отделения общественных наук, чл.-корр. АН Казахской ССР Р. Б. Сулейменов, академики АН Казахской ССР М. Каратаев, З. Ахметов, доктор филологических наук Э. А. Каримов, чл.-корр. АН Казахской ССР Е. В. Лизунова, доктор филологических наук, профессор Р. Бердибаев, кандидат филологических наук А. Акматалиев (Фрунзе), кандидат филологических наук К. Байниязов (Каракалпакия).

28 сентября 1987 г. в Семипалатинске состоялся митинг трудящихся города и области и был открыт памятник М. О. Ауэзову. Открыл митинг первый секретарь горкома партии Н. М. Ульянов; выступили: секретарь ЦК Компартии Казахстана З. К. Камалиденов, народный писатель Казахстана Д. Ф. Снегин, украинский писатель А. М. Хорунжий, бригадир производственного объединения сборного железобетона В. О. Панамарчук, писатель М. Сарсекеев, студентка Семипалатинского пединститута Ж. Толымбаева.

Э. С. Тажибаев

ХІІІ ПЛЕНУМ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ

20—21 апреля 1987 г. в Москве проходила работа очередного ХІІІ пленума Советского комитета тюркологов при Отделении литературы и языка АН СССР.

Пленум открыл председатель Комитета чл.-корр. АН СССР Э. Р. Тенишев (Москва). Собравшиеся минутным молчанием почтили память бесценного председателя Комитета с момента его основания (1973) академика А. Н. Кононова.

В своем вступительном слове Э. Р. Тенишев остановился на задачах советской тюркологической науки как важной и весомой составной части общественных наук в свете требований всесторонней перестройки советского общества. В области тюркского языкознания в исследованиях исторического цикла центр тяжести в предстоящие годы должен переместиться с работ сравнительно-исторического плана (первый этап которых завершается выходом четырехтомной «Сравнительно-исторической грамматики тюрк-

ских языков», выпускаемой Институтом языкознания АН СССР, хотя исследования должны продолжаться) на работы по созданию исторических грамматик и историй литературных языков ряда национальных тюркских языков; организующую и координирующую роль в разработке методологических основ подобных исследований призвано сыграть головное языковедческое подразделение — лаборатория тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР, которая в феврале 1987 г. уже провела первую из серии координационных встреч специалистов, работающих по данной проблематике (см. публикации: Сов. тюркология. 1988, № 2—3). В связи с этим предстоит расширить работы по тюркскому лингвистическому источниковедению и текстологии.

В цикле исследований по современным языкам наиболее актуальным направлением является составление нормативных академических грамматик (здесь есть поло-

жительный опыт: вышли грамматики бакирского, якутского языков, ведется работа над грамматикой азербайджанского языка) и словарей. Слабо развивается на материале тюркских языков лингвистика текста, так что остаются вне изучения некоторые явления, не находящие отражения в лингвистике предложения. Почти ничего не делается по комплексной проблематике взаимодействия языка и культуры. Важнейшее направление синхронного тюркского языкознания — теоретическое, многие из более чем 20 грамматических теорий современной лингвистики находят применение и в работах советских тюркологов; необходимо выделить и внедрить в общественное сознание приоритетные направления теоретических исследований (здесь особенно уместны коллективные творческие дискуссии).

В области тюркского литературоведения наибольшее внимание ученых должна привлечь проблема творческого метода как у современных писателей, так и в истоках современной литературы, в ее различных направлениях — романтизме, реализме. Не менее важно, чем в лингвистике, правильно установить наше отношение к классическому наследию, не впадая ни в одну из крайностей — недооценку или переоценку художественных достижений далекого и недавнего прошлого, не ставя непроходимой стены между ними и современной литературой (см.: Сов. тюркология, 1987, № 5: ст. Х. Г. Короголы).

В исторической науке одной из актуальнейших сегодня стала проблема истории и предистории современных тюркских этносов. В ряде работ некоторых тюркологов Азербайджана и Северного Кавказа выявилась тенденция к искусственному удлинению истории соответствующих тюркских народов.

С отчетом бюро СКТ о работе за 1986 г. выступил зам. председателя СКТ К. М. Мусаев (Москва) (отчет публикуется отдельно; прения по отчету совмещались с выступлениями по другим вопросам, см. далее).

Программа докладов пленума открылась выступлением А. М. Щербака (Ленинград), который остановился на двух наиболее актуальных, на его взгляд, темах сравнительно-исторических исследований тюркских языков — изучении: 1) структуры односложных слов в тюркском праязыке и закономерностей их преобразований в исторически засвидетельствованных языках и 2) действия фактора аналогии в языковых изменениях. В коллективном докладе С. Г. Кляшторного (Ленинград) и Д. Д. Васильева (Москва) обращено внимание на задачи, стоящие перед исследователями тюркской руники на современном этапе, — поиск новых надписей, всестороннее палеографическое и текстологическое изучение памятников, их паспортизация и охрана, углубление исторической интерпретации оунических текстов; особой заботы требу-

ет комплекс работ по подготовке надписей к изданию в региональных атласах — вопросы финансирования, технической оснащенности, координации действий с социалистическими странами и т. п.

В своем докладе «Об основных перспективных направлениях тюркского литературоведения и фольклористики» Х. Г. Короголы (Москва), отметив большие и серьезные достижения советских тюркологов в этих областях, подробно остановился на недостатках и упущениях. Располагая огромными архивными фондами, сказал докладчик, ученые тюркоязычных республик не провели каталогизации материалов, что сильно тормозит их плановое изучение. Слабо поставлено в республиках сравнительное литературоведение и фольклористика, мало разрабатываются вопросы поэтики и стилистики как литературных, так и фольклорных произведений. Серьезное отставание наблюдается в изучении творческих методов литературы, но наименее разработанной отраслью и литературоведения и фольклористики остается текстология; показательно, что издаваемые памятники часто совершенно не снабжаются научным аппаратом. Состояние и проблемам текстологии, а также творческих методов в тюркоязычных литературах, по мнению докладчика, следовало бы посвящать одну из тюркологических конференций.

В докладе Е. З. Кажобекова (Алма-Ата) «Пратюркский лексический фонд. Перспективы проблемной разработки» выдвинута идея создания специализированной программы «Пратюркский лексический фонд» и разработку ее коллективом ученых на организационных началах межведомственной группы. Пратюркский фонд, по мнению автора, должен превысить 10 тыс. лексем (такую цифру как достаточную для реконструкции праязыка выдвинул акад. Б. А. Серебренников); малый объем имеющихся реконструкций определяется как недооценкой уровня развития тюркского праязыка, так и объективными факторами — подвижностью лексических единиц, сменяемость которых создает иллюзию отсутствия единства по многим лексемам, а также вариантностью по фонетическим основаниям и в отношении формообразовательных моделей (которым должна соответствовать неединственность архетипов).

После указанных докладов до конца дневного заседания состоялся ряд выступлений. Ю. А. Петросян (Ленинград) рассказал о дальнейшем организационном оформлении османово-туркологов в осуществление решения бюро СКТ о создании секции по изучению Турции (см. отчет: Сов. тюркология. 1986, № 3): принято решение о подготовке к созыву I Всесоюзной тюркологической конференции. Выступающий информировал, что первые чтения памяти А. Н. Кононова, организуемые ЛО ИВ АН СССР, намечены на 1989 г.

Ш. Ф. Мухамедьяров (Москва), считая, что в коллективном обсуждении в большей степени, чем успехи и достижения, нуждаются нерешенные проблемы, промахи и ошибки, посвятил свое выступление участвовавшим в последнее время попыткам ряда исследователей (в Азербайджане и других республиках) неоправданно удревлять историю тюркоязычных этносов.

Вечернее заседание, посвященное отчетам тюркологических учреждений страны, открылось выступлением А. Т. Кайдарова (Алма-Ата), рассказавшего о работе возглавляемого им Института языкознания АН КазССР в условиях перестройки и в свете преодоления негативных явлений недавнего прошлого. Необходимость улучшения всех аспектов деятельности, сказал докладчик, совершенствования организационной и кадровой структуры института, сосредоточения научных сил на главных направлениях многократно увеличивается еще и в связи с тем обстоятельством, что справедливая критика в адрес лингвистов, прозвучавшая в мартовских постановлениях ЦК и Совмина республики по поводу национально-языковых проблем, в то же время необычайно подняла престиж лингвистической работы. Следовательно, мы теперь просто не имеем права плохо и медленно работать; большое внимание нам нужно уделить насущным практическим вопросам — вести постоянное изучение языковой ситуации в регионах с различным национальным составом населения, в связи с чем институту нужен самостоятельный отдел социалингвистики; одно из важнейших направлений — создание нормативных грамматик казахского языка.

О проблемах, с которыми сталкивается Башкирский ордена «Знак Почета» институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР, рассказал его зам. директора З. Г. Ураксин (Уфа). Сообщенные им объемы проделанной работы, их тематическая разноплановость произвели на участников пленума большое впечатление (и это при небольшом численном составе — менее 100 человек). Однако, сказал докладчик, огромное количество исследований не опубликовано, так как Башкирское книжное издательство отказывается печатать их по коммерческим соображениям; в центральном же издательстве «Наука» ежегодный лимит листажа Башкирии незначителен. Обострилась кадровая проблема: в вузах республики снизился уровень подготовки выпускников, а ученые БФ АН СССР при нынешнем положении оказались оторванными от преподавания в вузах.

Председательствующий Э. Р. Тенишев порекомендовал включить в планы работы института изучение языковой обстановки в республике.

Важнейшим направлениям педагогиче-

ской и научной работы сотрудников кафедры казахского языка КазГУ посвятил свое выступление ее заведующий М. Т. Томанов (Алма-Ата).

Директор созданного в 1986 г. Института уйгуроведения АН КазССР Г. С. Садвакасов (Алма-Ата) рассказал о его структуре и планах. 75 научных сотрудников (пока несколько меньше; из них — 3 доктора и 16 кандидатов наук) организованы в 8 отделах: языкознания, литературы и искусства, истории и этнографии, социально-культурных и национальных отношений, по исследованию экономических и политических отношений, взаимосвязей Казахстана со странами Центральной Азии, теоретических проблем; информации и источниковедения; разрабатываются комплексно-целевые программы, налаживается координация научной деятельности с институтами востоковедения, Дальнего Востока, этнографии, языкознания Академии наук СССР и другими учреждениями, предпринимаются усилия по подготовке кадров через докторантуру и аспирантуру различных институтов. Все это поможет преодолеть трудности роста.

После отчетных докладов состоялись прения, в которых выступили девять человек. В. Г. Гузев (Ленинград) говорил о необходимости развертывания работ по созданию машинного фонда тюркских языков. На его выступление откликнулись И. А. Андреев (Чебоксары), А. Т. Кайдаров, Х. Г. Короглы. Т. Д. Меликов (Москва), выступив по докладу Х. Г. Короглы, предложил провести международную встречу по проблемам изучения «Китаби Деде Коркуд». А. М. Шербак, поддержав основные положения доклада Е. З. Кажобекова, посоветовал быть осторожнее с «алтайским» материалом; выступающий солидаризировался с критикой Ш. Ф. Мухамедьярова в адрес ряда историков и лингвистов, пытающихся обосновать родственные связи тюркских языков с языками шумеров, индейцев Америки и др. А. С. Орусбаев (Фрунзе) предложил поставить на очередном пленуме СКТ отчет Института языка и литературы АН КиргССР по примеру казахстанских товарищей. Он поддерживал мысль о необходимости шире развернуть в республиках социалингвистические исследования, сделав акцент на их комплексность, памятуя о том, что собственно лингвистические аспекты этой проблематики недостаточны для полной ее характеристики. Р. Г. Кузеев (Уфа) поднял важную проблему междисциплинарного взаимодействия лингвистики, этнографии, истории и других наук при изучении историко-генетических проблем; при этом, считает он, нельзя также ограничивать эти исследования и нынешними административными границами. И. А. Андреев, поддержав выступление Р. Г. Кузеева, предло-

жил обсудить на одном из пленумов СКТ уровень подготовки по тюркологическим дисциплинам в республиканских вузах. М. К. Кошчанов (Ташкент) указал на недостаточное развитие текстологии по многим тюркоязычным литературам, особенно когда дело касается дореволюционного наследия. Выступающий сообщил, что к 450-летию со дня рождения А. Навои ученые Узбекистана готовят двухтомную энциклопедию поэта.

На утреннем заседании 21 апреля была прочитана серия докладов по теоретическим проблемам тюркской грамматики.

По убеждению С. Н. Иванова (Ленинград), в нашем языкознании в целом, и в тюркологии в частности, недооцениваются эвристические возможности диалектической логики; между тем, считает докладчик, идеи диалектики должны обязательно привлекаться к рассмотрению грамматических вопросов и стать одной из основ теоретических исследований в области грамматики. Следует четко различать эмпирическое и теоретическое знание. В самом общем виде это различие характеризуется так: эмпирическое знание — непосредственно наблюдаемые факты и их описание; теоретическое знание — изучение ненаблюдаемых непосредственно *связей* фактов между собой и отражение этих связей в *понятии*. Понятие в диалектико-логическом его понимании не имеет ничего общего с чисто терминологическим его пониманием (т. е. названием типа «понятие падежа», «понятие сказуемости» и т. п.) и представляет собой развернутое *объяснение* скрытой (т. е. ненаблюдаемой непосредственно) *сущности* какого-либо ряда наблюдаемых явлений, основы их соотношения и взаимодействия. Иногда скрытые связи фактов остаются вне поля зрения исследователей. Например, изучение **тюркских** дееспричастий ведется как описание их значений и употреблений без выявления самого глубинного механизма их функционирования, между тем как должна быть изучена одна из самых существенных связей: как соотносятся обилие дееспричастных форм с обилием форм времени глагола. Примеры такого рода многочисленны. Признание того, что у любой совокупности фактов имеется скрытая основа их взаимодействия и что эта основа (сущность) должна быть отражена в научном *понятии*, и составляет принципиальное отличие диалектического научного подхода (мировоззрения) от различных направлений позитивизма, отрицающего наличие скрытой сущности явлений и признающего лишь упорядоченное описание фактов, наблюдаемых непосредственно.

Д. М. Насилов (Ленинград) в своем докладе «Проблемы функциональной грамматики тюркских языков» отметил актуальность для тюркской теоретической грамматики функционального описания языков. Функциональная грамматика, в

основе своей, категориальная, не может не учитывать характерные проявления категорий в каждом конкретном языке. Одним из принципов построения такой грамматики должно стать описание функционально-семантических полей, учитывающее разные аспекты взаимодействия всех ярусов языка при реализации определенного смыслового (коммуникативного) задания, причем функциональная нагрузка единиц каждый раз определяется их системными связями и условиями межуровневого взаимодействия. Следует помнить, что особенности тюркской морфологии находятся в полном соответствии с природой агглютинации. Функциональный и системный подход к анализу категорий помогает раскрыть субстанциональные возможности и систему внутренних связей между элементами разных уровней языка, прежде всего — между лексическими значениями морфологических форм.

В докладе В. Г. Гузева понятийные соотношения в системе абсолютных и относительных времен выражены в терминах «периоды ориентации», которые являются «языковленными обобщенными образами настоящего, прошедшего и будущего», в значениях же частных временных категорий отражено «хронологическое отношение не к моменту речи, а к периодам ориентации».

С вопросами к докладчикам и краткими замечаниями выступили Э. Р. Тенишев, И. В. Кормушин, К. В. Шека (все — Москва), З. И. Будагова (Баку), Т. М. Гарипов, М. В. Зайнуллин (оба — Уфа).

Дневное заседание было посвящено обсуждению работы журнала «Советская тюркология». С докладом выступил И. С. Сейдов (Баку). Он охарактеризовал основные направления деятельности журнала, вступившего в 18-й год своего существования, структуру и удельный вес публикаций за последние 7 лет (1980—1986). Из 874 публикаций в 42 номерах было напечатано: вне рубрик — 12 статей, в рубриках «структура и история языка» — 40, «языковые связи» — 61, «вопросы литературоведения и фольклористики» — 40, «ономастика» — 34, «дискуссии и обсуждения» — 48, «история отечественной тюркологии» — 12, сообщения и обзоры — 224, рецензии — 215, научная жизнь — 22, персоналия — 72, хроника — 84, некрологи — 22. При этом редакции, отметил докладчик, часто приходилось проводить значительную работу по подготовке статей к печати как литературно-стилистического, так и научно-содержательного порядка, в особенности это касалось материалов периферийных авторов. К числу негативных факторов в работе редакции докладчик отнес постоянный недостаток в портфеле журнала теоретических статей обобщающего характера, а также «голод» на статьи по литературоведению и фольклористике; нерегулярно и с запозданием

поступают рецензии и информации. Как стало ясно из доклада, формирование номеров производилось работниками редакции по переписке с членами редколлегий, собирать которую на регулярные заседания для коллективного обсуждения материалов не удавалось из-за «крайней разбросанности членов редколлегий и других объективных и субъективных причин». Большое место в докладе заняло упоминание всевозможных позитивных откликов на деятельность журнала — в резолюциях всесоюзных тюркологических конференций, различных письмах и статьях юбилейного характера и т. п.

В продолжительных и порой острых прениях по докладу И. С. Сейдова выступили 17 человек, вынесших разные, часто противоречивые и даже взаимоисключающие суждения, оценки и предложения. А. А. Чеченов (Москва) зачитал свое совместное с Е. З. Кажиебековым письмо руководству Академии наук Азербайджана, содержащее резкую критику недостатков в деятельности журнала. Причину их появления авторы видят, прежде всего, в отсутствии теоретических и обобщающих статей, дискуссий по актуальным проблемам тюркской филологии; недостаточно широк тематический диапазон журнальных публикаций; невысок уровень многих из них. И. Г. Добродомов (Москва) не согласился с односторонне негативной оценкой, прозвучавшей в оглашенном документе, он призвал к преодолению вполне возможных в большом деле недостатков на путях конструктивного сотрудничества. С ним солидаризовался Е. З. Кажиебеков, из выступления которого стало ясно, что критические положения его совместного с А. А. Чеченовым письма надо рассматривать не столько с точки зрения оценок вчерашнего дня, но с точки зрения задач настоящего и в еще большей степени — будущего, как конструктивную программу улучшения работы журнала. З. И. Будагова отметила, что выпуск всесоюзного журнала в Азербайджане — не только большая честь для тюркологов республики, но и большая ответственность за его работу. К числу недостатков выступающая отнесла отсутствие дискуссий, организатором (заказчиком статей) которых должен был быть журнал, относительно небольшое число рецензий и, наконец, тот факт, что перестройка во всех сферах жизни страны слабо отражена на страницах журнала. Оратор посчитала своим долгом отметить большой личный вклад в работу редакции И. С. Сейдова. К. М. Мусаев заявил, что никто не может отрицать большой роли «Советской тюркологии» для науки, но надо смотреть в будущее. Не понравилась парадность доклада: в деятельности журнала есть недостатки, надо было организовывать дискуссии, заказывать обобщающие проблемно-теоретические передовые статьи. Нельзя не отметить и упущения со сторо-

ны Советского комитета тюркологов: журнал фактически оставался долгое время вне контроля. Д. М. Насилов указал, что журнал отражает в своих публикациях лицо советской тюркологии, со всеми ее достоинствами и недостатками, и последние нельзя записывать в пассив только журналу. И. А. Андреев, напротив, считает, что журнал должен не просто отражать, но и поднимать уровень тюркологической науки; он оценил доклад как комплексный, недостаточно самокритичный. Перед журналом много проблем. Одна из них: журнал многие годы нарушает график выхода номеров. Г. А. Галимова усмотрела известные основания для положительно-констатирующей направленности доклада в том, что он не носит личного характера, а фактически сделан по следам юбилейного, сего, номера, выход которого — праздник для всех тюркологов. Членом редколлегий журнала, сказала выступающая, надо ответственнее относиться к своим обязанностям, не перекладывая их на работников редакции. Л. А. Покровская критиковала журнал за снижение уровня публикаций после нескольких первых лет его существования; многих авторов, отметила она, отталкивала от сотрудничества необоснованная стилистическая правка, приводившая иногда к несуразностям в тексте. Г. Ф. Благава полагает, что «Советскую тюркологию», например, от «Вопросов языкознания» — журнала, являющегося в известном смысле элитарным, отличает глубокий демократизм, так как на его страницах печатаются авторы от академика до аспиранта. Отсюда и естественное различие, неровность в уровне статей. Журнал отражает разнокачественное состояние нашей науки в разных регионах и в различных частных ее отраслях. Всей деятельностью журнала должна руководить работающая, а не номинальная редколлегия, которая определяла бы тематику статей и объекты рецензий и коллективно обсуждала бы поступающие в редакцию материалы с целью указания на возможные недостатки и устранения их авторами по замечаниям рецензентов и результатам обсуждения. Т. Д. Меликов не согласился с высказываниями о том, что журнал отражает реальное состояние нашей тюркологии, считая, что она отличается высоким уровнем развития, а журнальные публикации — низким, причем многие из них посвящены частным темам, тогда как журнал должен отдавать предпочтение статьям фундаментального характера. Следует вести поиск авторов по отраслям и проблематике, по которым публикаций очень мало. Необходимо усилить деятельность редколлегий и распределить функции среди ее членов таким образом, чтобы каждый отвечал за какое-нибудь направление, отрасль. Выступили также А. А. Ковшова (Москва), Т. М. Гарипов, Х. Г. Короглы, С. А. Орлов (Москва).

Подводя итоги дискуссии, Э. Р. Тени-

шев отметил, что комплексный филологический журнал, каким является «Советская тюркология», необходим ученым нашей страны; во многом он оправдывает свое существование и те силы и средства, которые в него вкладываются. Однако трудно относиться к журналу однозначно, что показал и целый ряд выступлений участников дискуссии, содержащих и позитивные моменты, и критику недостатков. К числу последних надо отнести, прежде всего, ощутимое отсутствие планомерной и последовательной работы редколлегии. Воздавая должное И. С. Сеидову за его работу на посту заместителя главного редактора, нельзя оставлять втуне и того факта, что из-за отсутствия коллективного, компетентного во всех аспектах руководства журналу не удалось сориентировать авторский актив на статьи по самым актуальным направлениям науки, и он не смог стать организатором научных дискуссий. Далее Э. Р. Тенишев сказал, что критическую фразу по этому поводу ему пришлось включить даже в приветствие по случаю сотого номера журнала (1986. № 4), хотя подобный жанр трудно уживается с критикой. В дальнейшей деятельности работников редакции и членам редколлегии необходимо учесть все сказанное в сегодняшней дискуссии, которая была полезной во многих отношениях. В заключительном

слове И. С. Сеидов поблагодарил участников дискуссии за заинтересованные выступления. Журнал, сказал он, не НИИ, это лишь зеркало, объективно отражающее положение вещей, и большего оно добиться не в состоянии; члены редколлегии, напомнил выступающий, не должны снижать критериев оценок при рекомендации материалов к публикации в журнале.

По предложению группы ленинградских тюркологов пленум СКТ единодушно поддержал кандидатуру чл.-корр. АН СССР Э. Р. Тенишева на должность главного редактора журнала «Советская тюркология», освободившуюся в связи с уходом с этого поста акад. АН АзССР М. Ш. Ширалиева в соответствии с известным постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР об ограничении сроков пребывания ученых в составе редколлегий десятию годами.

Пленум принял решение о создании при Советском комитете тюркологов наряду с секцией по изучению Турции следующих секций:

- тюркской ономастики;
- тюркской лексикологии;
- по фольклору тюркоязычных народов;
- алтаистики.

По докладу секретариата СКТ обсужден и принят план работы комитета на 1987 г.

ИЗ ТЮРКОЛОГИЧЕСКИХ ПУБЛИКАЦИЙ 1986 г. (ТЮРКСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ)*

Аблаков А. Управление глаголов в казахском языке. Алма-Ата.

Агманов Е. Исторический синтаксис казахского языка. Алма-Ата.

Айдаров Г. Язык памятников древнетюркской письменности V—VIII вв. Алма-Ата.

Айтмуратов Д. Тюркские этнонимы: каракалпак, черные клобуки, черкес, башкурт, кыргыз, уйгур, тюрк, печенег, сак, массагет, скиф. Нукус.

Актуальные вопросы языков народностей Севера: (Сб. науч. тр.). Якутск.

Алтаев С. Вопросы туркменской лексикографии. Ашхабад.

Баязитова Ф. С. Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении. М.

Васильев Ю. И. Способы выражения сравнения в якутском языке. Новосибирск.

Вопросы восточной филологии: [Сб. ст.]. Баку.

Вопросы киргизской терминологии: [Сб. ст.]. Фрунзе.

Вопросы ономастики Казахстана. Алма-Ата.

Вопросы структуры татарского языка: Межвуз. сб. науч. тр. Казань.

Вопросы теории и истории казахского языка: Сб. науч. тр. Алма-Ата.

Вопросы чувашской фонетики и морфологии: [Сб. ст.]. Чебоксары.

Гаджиева Н. З., Серебренников Б. А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Синтаксис. М.

Гукасян В. Л., Асламов В. И. Исследования по истории азербайджанского языка дописьменного периода. Баку.

Гурдов А. Структура и семантика грамматических форм английского и туркменского языков. Ашхабад.

Дауенов Е. Д. Типы и способы образования глагольных словосочетаний в каракалпакском языке. Нукус.

Диалектология и ареальная лингвистика тюркских языков Сибири. Новосибирск.

Жабелова Л. Ж. Сложные имена существительные в современном карачаево-балкарском языке. Нальчик.

Зайнуллин М. В. Модальность как функционально-семантическая категория: На материале башкирского языка. Саратов.

Зарубежная тюркология [Сборник/Пер. с англ., нем., фр.]. М.

Исламов М. Местоимения в тюркских

* Без учебников, учебных пособий, разговорников и популяризаторских изданий.

языках: (Материалы по основным диалектам азербайджанского языка). Баку.

Исследования по лексике и грамматике современного чувашского языка: [Сб. ст.]. Чебоксары.

Исследования по лексике и грамматике татарского языка: [Сб. ст.]. Казань.

Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности: Тез. докл. 29-й сессии Постоянной междунар. алтаист. конф. (РІАС), Ташкент, сент. 1986. М. Т. 1: История. Литература. Искусство; Т. 2: Лингвистика.

Ишбердин Э. Ф. Историческое развитие башкирского языка. М.

Кажобеков Е. З. Глагольно-именная корреляция гомогенных корней в тюркских языках: (Явление синкретизма). Алма-Ата.

Кайдаров А. Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке. Алма-Ата.

Калыбаева А., Оралбаева Н. Морфемика казахского языка. Алма-Ата.

Карнеци Е. Тюркско-армянский словарь/Подгот. текста, предисл. и коммент. Б. Л. Чукасяна. Ереван.

Курбанов А. М. Азербайджанская ономастология. Баку.

Кучкартаев И. К. Большой друг Узбекистана: (Жизнь и деятельность акад. А. Н. Кононова). Ташкент.

Лексические варианты в узбекской терминологии. Ташкент.

Махмудов А. А. Согласные узбекского литературного языка. Ташкент.

Мухамедов С. А., Пиотровский Р. Г. Инженерная лингвистика и опыт системно-статистического исследования узбекских текстов. Ташкент.

Нурмагамбетов А. Грамматика казахских говоров. Алма-Ата.

Орузбаева Б. О. Современное состояние и перспективы развития тюркологии в Киргизии: (Вопросы лингвистики): Докл. на 32-м Междунар. конгр. по азиат. и североафр. исслед. (Гамбург, 1986). М.

Попов Г. В. Слова «неизвестного происхождения» якутского языка: (Сравнит.-ист. исслед.). Якутск.

Правила тувинской орфографии и пунктуации. Кызыл.

Проблемы диалектологии и лингвогеографии тюркских языков: [Сб. ст.]. Уфа.

Проблемы истории и диалектологии тюркских языков. Баку.

Проблемы казахской терминологии: [Сб. ст.]. Алма-Ата.

Проблемы составления этимологического словаря: [Сб. ст.]. Чебоксары.

Развитие художественного перевода в Узбекистане: (Страницы истории перевода). Ташкент.

Серебреников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. 2-е изд., испр. и доп. М.

Слепцов П. А. Якутский литературный язык: Истоки, становление, норм. Новосибирск.

Сравнительная грамматика огузской группы тюркских языков. Баку. Ч. 2: Морфология.

Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. Новосибирск.

Тагиев А. Г. Лингвистические проблемы изучения русского языка как языка межнационального общения: (Словозменение и конструирование предложения). Баку.

Терминология узбекского языка и перспективы ее развития: Материалы 1-й Респ. терминолог. конф., Ташкент, 17 апр. 1986 г.: Бюллетень. Ташкент.

Толковый словарь казахского языка. Т. 9: Т—У. Алма-Ата.

Турсунпулатов М. Лексика узбекской разговорной речи. Ташкент.

Тюркологические исследования: [Сб. ст.: Посвящается 80-летию со дня рождения И. А. Батманова]. Фрунзе.

Turcologica 1986: К 80-летию А. Н. Кононова: [Сб. ст.]. Л.

Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов: [Сб. ст.]. Новосибирск.

Фонетические структуры в сибирских языках: (Сб. науч. тр.) Новосибирск.

Формирование и функционирование татарского языка: Межвуз. сб. науч. тр. Казань.

Хамидов Х. Каракалпакский язык XIX—нач. XX в. по данным письменных памятников. Ташкент.

Чувашский язык: проблемы исторической лексикологии. Чебоксары.

Шамсиев П. Ш. Исследование по узбекской текстологии. Ташкент.

Шервашидзе И. Н. Формы глагола в языке тюркских рунических надписей. Тбилиси.

Шукуров Ш., Базарова Д. Узбекское советское языкознание: Библиографические очерки (по 1982 г.). Ташкент.

Юлдашев Т. Морфология узбекских говоров Таджикистана: (Глагол). Ташкент.

Юсупов К. Лексико-семантические и стилистические особенности узбекского литературного языка: (На материале печати первой половины XX в.). Ташкент.

Юсупов Ф. Ю. Изучение татарского глагола. Казань.

Язык тюркских литературных памятников XIII—XIV веков: Морфология. Ташкент.

Языки народов севера Сибири. Новосибирск.

Якутский язык: История и актуальные вопросы: Сб. науч. тр. Якутск*.

И. В. Кормушин

* Редколлегия просит каждого, заметившего пропуск источников в библиографии (как в настоящем списке, так и в библиографии за 1985 г., помещенной в № 3 за 1986 г.), прислать свои дополнения в журнал «Советская тюркология». В одном из ближайших номеров будет помещена библиография по тюркскому литературоведению и фольклористике.

ОТЧЕТ

О РАБОТЕ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ ЗА 1986 г.

Отчетный год ознаменован таким крупным событием в жизни советского общества, как XXVII съезд КПСС, который определил важнейшие направления дальнейшего развития Советского Союза. Советские тюркологи, представляющие одно из важных направлений общественных наук, взяли на вооружение идеи съезда о революционной перестройке общества; это требует от нас повышения требовательности к тюркологическим исследованиям, к их идейно-теоретическому уровню. Необходимо избавляться от догматизма, больше внимания уделять насущным вопросам языкового развития в союзных и автономных тюркоязычных республиках.

Мы, однако, пока не можем сказать, что СКТ быстро перестраивается в духе решений апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС и съезда. Предстоит сделать еще многое.

СКТ работал по плану, утвержденному на своем XII пленуме в 1986 г. Значительное внимание было уделено подготовке очередной V Всесоюзной тюркологической конференции в г. Фрунзе в 1988 г.

Руководство СКТ уже наладило контакты с директивными органами Киргизской ССР, с президиумом АН Киргизской ССР и с руководством институтов, которые будут непосредственно заниматься организацией V ВТК. Создан Оргкомитет конференции. В отличие от предыдущих конференций, в V ВТК по решению президиума АН СССР участие иностранных ученых не предусмотрено.

В рамках подготовки V ВТК во Фрунзе и в продолжение дискуссий на IV ВТК в Ашхабаде в феврале 1987 г. лаборатория тюркологии и монголистики ИЯ АН СССР в Москве провела симпозиум по проблеме соотношения исторических грамматик и историй литературных тюркских языков. Первая из целой серии встреч по данной проблематике, она была посвящена рассмотрению общих подходов и методике разграничения обоих типов грамматик, возможностям дифференцированного использования одних и тех же письменных памятников для получения данных как для исторической грамматики, так и для истории литературного языка. На симпозиуме было заслушано около 30 докладов представителей академической и вузовской науки из Москвы, Ленинграда, Алма-Аты, Ашхабада, Баку, Казани, Уфы, Чебоксар, Махачкалы, Якутска, Кызыла. Дискуссия на симпозиуме носила весьма плодотворный характер, позволивший яснее представить как расхождения, так и общие моменты в воззрениях ученых по этим сложным вопросам. Решено оперативно издать сборник материалов симпозиума.

28—30 мая 1986 г. в г. Алма-Ате проходило третье расширенное совещание по проблемам этимологии тюркских языков, организованное по заданию Советского комитета тюркологов при ОЛЯ АН СССР. В работе приняли участие ученые из Москвы, Ленинграда, Киева, Абакана, Баку, Горно-Алтайска, Казани, Кызыла, Львова, Нальчика, Ташкента, Улан-Удэ, Уфы, Фрунзе, Чебоксар, Черкесска, Якутска, городов Казахстана—Караганды, Кокчетавы, Кызыл-Орды, Усть-Каменогорска, академических учреждений и вузов Алма-Аты. Общее число участников—более 250, в том числе докладчиков—150 человек.

Советская наука давно уже прочно заняла ведущие позиции в мировой тюркологии, и особенно в последние годы, как это неоднократно подчеркивалось на всесоюзных тюркологических конференциях в Алма-Ате (1976), Ташкенте (1980) и Ашхабаде (1985), центр тяжести все более и более ощутимо перемещается на «периферию». В настоящий момент можно уже с уверенностью констатировать, что крупные тюркологические центры союзного значения созданы в Баку, Алма-Ате, Ташкенте, Новосибирске и ряде других городов. По поручению Советского комитета тюркологов при ОЛЯ АН СССР под руководством академика АН Казахской ССР А. Т. Кайдарова при Институте языкознания АН КазССР ведется планомерная работа по лексико-семантическому и морфонологическому исследованию общекыпчакского словарного фонда и подготовке корпуса пратюркских корней. Перед современной исторической тюркологией стоит целый ряд кардинальных проблем, требующих коренного пересмотра или существенного уточнения. Всесоюзный форум этимологов в Алма-Ате, несомненно, сыграл свою положительную роль в их решении.

В 1986 г. во Фрунзе состоялась первая конференция по тюркской ономастике. Эта конференция—следующая качественная ступень в развитии отечественной ономастики, ярко выраженной общественной науки. Об этом свидетельствует не только возросший уровень работ, но и сама возможность ее проведения. Конференция показала бурный рост тюркской ономастики. Само количество состоявшихся докладов огромно—135, из

них по этнонимии—24, антропонимии—29, топонимии—50, космонимии—2, теонимии—8, зоонимии—4, общим вопросам ономастики—10, именам собственным в художественной литературе—7, ктематонимии—1. Конечно, разделы ономастики развиты еще неравномерно, но наличие успешное становление таких ее разделов, как этнонимия, теонимия, зоонимия, космонимия, которых еще недавно вообще не существовало. Таков темп развития науки нашего времени. Теперь главное—заботиться не о количестве, а о качестве исследований.

В конференции приняли участие представители 9 союзных и 11 автономных республик, а также 2 автономных областей; кроме того, в ней участвовали двое коллег из социалистических стран: Венгрии (Мандоки Конгур Иштван, проф. Будапештского университета) и Болгарии (Тодоров Христо, София).

В докладах нашли отражение все тюркские языки Советского Союза, в том числе языки, ономастика которых остается малоизученной, например, ногайский, гагаузский, карачаево-балкарский, якутский, тувинский, алтайский и др. К сожалению, не представлены доклады по шорской, чулымской, карaimской, крымско-татарской, кумыкской ономастике, а также ономастике урумов.

В поле зрения докладчиков находились проблемы, связанные как с теорией и методикой ономастических исследований, так и с разработкой практических вопросов современного ономастикона. Совершенно недостаточно сообщений о практической помощи ономастики в выборе имен детям, переменах географических названий, выборе кличек, а также по теонимии, космонимии.

В 1986 г. в Ташкенте была проведена XXIX конференция ПИАК. Подробный отчет о работе конференции опубликован в печати.

В мае 1986 г. сектор языков народов Сибири Института истории, филологии и философии СО АН СССР провел совещание по диалектологии тюркских языков. Темой работы совещания было: 1) обсуждение макета ДАТЯ СССР; 2) информация о ходе сбора материалов для диалектологического атласа тюркских языков Сибири. В работе совещания приняли участие 26 тюркологов (из них 3 доктора и 16 кандидатов наук) из Казани, Ташкента, Ашхабада, Абакана, Кызыла, Горно-Алтайска, Новокузнецка, Улан-Удэ, Барнаула, Кемерово. Не смогли принять участие в совещании представители кавказской и поволжской зон.

Участники совещания обсудили макет ДАТЯ СССР, включающий 206 карт и материалы к ним. Ими был сделан ряд замечаний, касающихся как технических деталей, так и некоторых существенных вопросов построения карт. Но, несмотря на сделанные замечания, работа по составлению ДАТЯ получила положительную оценку.

Советский комитет тюркологов выражает благодарность организаторам названных конференций, совещания и симпозиума: Институту языкознания АН Казахской ССР, Институту языка и литературы АН Киргизской ССР, Институту языка и литературы АН Узбекской ССР, Институту языкознания АН СССР, Институту истории, филологии и философии СО АН СССР.

Сбор материала и его обработка по диалектам тюркских и монгольских языков в рамках лингвистического атласа Европы по Первому вопроснику (ономастиология) ведется под руководством члена международной редколлегии ЛАЕ Э. Р. Тенишева. В сетку ЛАЕ входят 10 пунктов башкирского языка (Н. Х. Максимова, Уфа), 10 пунктов татарского языка (Л. Т. Махмутова, Казань), 10 пунктов чувашского языка (А. П. Сергеев), 2 пункта карачаево-балкарского языка (Ш. Х. Акбаев, Карачаевск), 2 пункта ногайского языка (Е. С. Айбазова, Черкесск), 1 пункт кумыкского языка (Т. Г. Таймасханова, Махачкала), 2 караимских пункта (Фиркович, Вильнюс), 3 калмыцких пункта (Э. Ч. Бардаев и Н. Н. Убушаев, Элиста), а также 6 пунктов европейской части Турции (Нури Эдже). Недавно в тюркскую сетку ЛАЕ включены 2 новых пункта гагаузского языка в Молдавии (Г. А. Гайдаржи, Бельцы и Е. К. Колца, Кишинев) и 2 пункта казахского языка (Ш. Ш. Сарыбаев, Алма-Ата). В 1984 г. опубликован первый выпуск ЛАЕ (изд. Ван Горкум, Нидерланды). Выпуск состоит из двух частей: тома карт с легендами и тома комментариев. Выпуск включает 12 карт, 4 из них принадлежат советским авторам.

В 1986 г. вышел в свет второй выпуск ЛАЕ, состоящий из 8 карт. Одновременно с публикацией ЛАЕ по Первому вопроснику идет подготовительная работа по Второму вопроснику ЛАЕ. Ее основная задача—сделать подробное заполнение Второго вопросника, включающего разделы: фонетика, фонология, морфология, синтаксис, лексикология, семасиология, для литературного языка или для одного населенного пункта. Специальное совещание-инструктаж проведено для тюркских языков в Казани. Пользуясь татарскими материалами, проведено подробное заполнение Второго вопросника ЛАЕ.

В Государственный план НИР Института востоковедения АН СССР внесена тема «Памятники тюркской рунической письменности Южной Сибири. Переводы и комментарии». Сроки исполнения 1986—1990 гг., исполнитель—Д. Д. Васильев.

В 1986 и в 1987 гг. велись и ведутся полевые исследования памятников тюркской рунической письменности в бассейне Енисея и Горном Алтае: в полевой сезон 1986 г. обнаружены новые памятники (совм. с В. А. Семеновым) в Тувинской АССР.

СКТ участвовал в перспективном планировании тюркологических исследований по языкознанию, литературоведению и фольклористике в академических научных учреждениях союзных и автономных республик; в совместной работе проблемной комиссии по теории и истории литературных языков при Институте языкознания АН СССР в целях активизации исследований по истории тюркских литературных языков.

Бюро СКТ проводило выездное XII пленарное заседание Советского комитета тюркологов в г. Нальчике с обсуждением состояния тюркологических исследований в северо-кавказском регионе. Состоялась дискуссия «Формальные и семантические подходы в изучении сложных и осложненных синтаксических конструкций тюркских языков».

В работе Советского комитета тюркологов, его бюро, как и во всяком живом организме, имеются нерешенные проблемы, трудности, недостатки. Они связаны с недостатком информации обо всех, теперь возросших по объему тюркологических мероприятиях, таких, как планирование работ и его выполнение, публикация трудов, проведение конференций и совещаний по вопросам тюркологии, включая вопросы преподавания тюркологических дисциплин в вузах и школах, подготовка кадров—будущих тюркологов, зарубежные связи и т. д. СКТ обращается ко всем его членам, организациям и учреждениям, так или иначе связанным с тюркологией, регулярно присылать в адрес СКТ имеющиеся у них материалы или их копии (например, отчетов и планов), что облегчит осуществление координации работ СКТ.

Хотелось бы, чтобы все члены СКТ проявляли активность в его деятельности, в улучшении работы, оказывали бы посильную помощь членам бюро, а также сотрудникам лаборатории тюркологии и монголистики Института языкознания АН СССР, на плечи которых ложится большая работа на общественных началах, вне рабочего времени над плановыми и другими нагрузками.

СКТ ждет больше инициативы со стороны литературоведов, фольклористов, историков, этнографов и археологов по совершенствованию работы СКТ, по координации научных исследований в этих направлениях.

На заседаниях пленумов СКТ обычно рассматривается много вопросов, что иногда не позволяет проводить широкий и глубокий обмен мнениями по ним. Некоторые из них целесообразнее было бы рассматривать на заседаниях бюро СКТ.

СКТ обращается ко всем тюркологам вносить конкретные предложения по дальнейшему совершенствованию деятельности комитета, его бюро и научных секций.

Бюро СКТ будет стремиться тщательно анализировать поступившие предложения и принимать возможные меры по их реализации.

К. М. Мусаев

РЕЗОЛЮЦИЯ

ХІІІ ПЛЕНУМА СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ ПРИ ОТДЕЛЕНИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА АКАДЕМИИ НАУК СССР

г. Москва, 21 апреля 1987 г.

20—21 апреля 1987 г. в Москве, в конференц-зале Института языкознания АН СССР, проходила работа очередного—ХІІІ пленума Советского комитета тюркологов. Заслушав отчет бюро СКТ, с которым выступил зам. председателя СКТ д-р филол. наук К. М. Мусаев, пленум признал работу СКТ и его бюро за истекший год удовлетворительной. На пленуме были обсуждены научные и научно-организационные проблемы, составлен план работы на 1987 г., принято решение о создании ряда новых секций СКТ.

ХІІІ пленум Советского комитета тюркологов единодушно отмечает, что развернувшаяся по инициативе КПСС всенародная борьба за ускорение социально-экономического развития нашей страны, перестройка методов и форм ведения хозяйственной и научной деятельности, приближение науки к практике, кардинальные изменения, намеченные январским (1987 г.) Пленумом ЦК КПСС в кадровой политике и практике, обязывают всех тюркологов—научных работников и преподавателей вузов, аспирантов и студентов—решительно улучшить свою работу во всех ее аспектах, поднять уровень и качество научных исследований и преподавания, усилить подготовку высококвалифицированных научных и педагогических кадров. Наряду с развитием исследований по об-

и частным проблемам тюркского языкознания, литературоведения и фольклористики, истории и этнографии тюркологической науке важно сегодня обратить пристальное внимание на запросы практики, требования всестороннего подъема духовного самосознания и культурной жизни тюркоязычных наций и народностей Союза ССР. Пленум СКТ считает, что многое надо перестроить не только в работе научно-исследовательских учреждений и вузовских кафедр, но и в деятельности самого Комитета, его бюро и секций, в работе главного печатного органа—журнала «Советская тюркология».

Заинтересованная и принципиальная дискуссия по итогам деятельности журнала «Советская тюркология» за 17 лет его существования показала, что журнал имеет неоспоримые заслуги перед отечественной тюркологией. Большой личный вклад в успешную в целом работу внесли один из организаторов журнала и его главный редактор академик АН АзССР М. Ш. Ширалиев и заместитель главного редактора И. С. Сейдов. Вместе с тем нельзя не согласиться, что работа печатного органа с точки зрения требований сегодняшнего дня нуждается в значительном улучшении и обновлении форм и методов. Следует прежде всего решительно повысить научно-организационную роль обновляемой редколлегии журнала, личную ответственность всех ее членов за качество рекомендуемых к публикации статей и рецензий. Необходимо при этом серьезно продумать вопросы персонального формирования, с тем чтобы редколлегия могла реально функционировать как орган коллективного обсуждения поступающих материалов, чтобы редакции не приходилось брать на себя руководящие функции научной редколлегии. Журнал призван быть не просто зеркалом успехов и частных неудач, но знаменем и образцом лучших достижений отечественной и мировой тюркологии. Он должен играть активную организующую роль в проведении дискуссий по наиболее актуальным проблемам тюркской филологии. Во всесоюзном органе не место статьям по частным и мелким вопросам, комплементарным рецензиям. Редколлегия и редакция должны привлечь лучшие научные силы наших тюркологов для написания обобщающих или поисковых статей по проблемам теории и практики нашей науки.

Пленум заслушал отчеты ряда ведущих тюркологических учреждений—Института языкознания АН КазССР (докл. директор Института акад. АН КазССР А. Т. Кайдаров), кафедры казахского языка Казахского университета (докл. зав. кафедрой чл.-корр. АН КазССР М. Т. Томапов), Института языка, литературы и истории Башкирского филиала АН СССР (докл. зам. директора Института д-р филол. наук З. Г. Уракин) и информацию директора вновь созданного Института уйгуроведения АН КазССР чл.-корр. АН КазССР Г. С. Садвакасова. Плодотворная в целом работа указанных научных коллективов сочетается с определенной оторванностью от изучения наиболее важных фундаментальных проблем в своей области, слабо ведется координация работ, отсутствуют межотраслевые объединения ученых для решения крупных научных проблем.

Обобщая внесенные в ходе дискуссий по научным и научно-организационным вопросам предложения, пленум постановил:

1. Одним из важных направлений исследовательской работы, обращенной к практике, является анализ функционирования тюркских национальных языков на современном этапе. Недооценка, пренебрежение к всестороннему развитию функций родного языка в условиях национально-русского дву- и многоязычия, как и другая крайность—недостаточная забота о качестве владения тюркоязычными народами и народностями языком межнационального общения—русским языком, может привести к негативным последствиям. Советскому комитету тюркологов необходимо организовать работу по целенаправленному и скоординированному изучению социальных функций тюркских и русского языков в различных сферах общественной жизни их носителей.

2. Пленум СКТ считает, что историко-генетические исследования тюркоязычных народов являются важнейшим и актуальнейшим направлением в тюркологии, однако в этой области следует перейти к организации комплексных работ с одновременным и совместным участием лингвистов, литературоведов и фольклористов, историков, археологов и этнографов. При этом приоритет в разработке данной тематики должен быть отдан решению проблем в пределах крупных регионов и на межрегиональном уровне.

3. Пленум СКТ считает необходимым, чтобы бюро СКТ вошло с ходатайством в ОЛЯ АН СССР и Минвуз СССР об открытии докторантуры, прежде всего при ведущих научных учреждениях Москвы и Ленинграда, по всему циклу тюркологических специальностей.

4. Пленум СКТ считает необходимым организовать специальную группу, которая изучила бы практические возможности развертывания работ по созданию машинного фонда в области изучения тюркских языков и других тюркологических специальностей. Организация группы, в которую предлагается войти всем практически работающим по этой проблеме специалистам, поручается члену СКТ, д-ру филол. наук В. Г. Гузеву.

5. Пленум СКТ признает необходимым провести подготовительную работу по составлению научной программы «Пратюркский лексический базис» с последующим обсуждением программы и организационным оформлением научного коллектива исполнителей на ближайшем пленуме—исполнители кандидаты филол. наук Е. З. Кажобеков и А. А. Чеченов.

6. Пленум СКТ одобряет предложение секции по изучению Турции СКТ начать подготовку к проведению I Всесоюзной туркологической конференции.

7. Секции по изучению фольклора тюркоязычных народов СКТ совместно с Советом по фольклору при Отделении литературы и языка АН СССР и заинтересованными учреждениями — Академией наук Азербайджанской ССР и Туркменской ССР приступить к подготовке международного—и прежде всего с участием ученых Турции—симпозиума по проблемам изучения огузского эпоса «Китаби Деде Коркуд».

8. СКТ в соответствии с постановлением президиума АН СССР об увековечении памяти основателя комитета академика А. Н. Кононова поддерживает предложение Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР провести в 1989 г. в Ленинграде I чтения памяти академика А. Н. Кононова.

9. Пленум СКТ признает необходимым активизировать деятельность комиссии, образованной на XII пленуме СКТ, по оказанию помощи совместно с бюро СКТ в деле скорейшего издания «Диалектологического атласа тюркских языков СССР».

РЕВОЛЮЦИОНЕР, ПИСАТЕЛЬ, ПРОСВЕТИТЕЛЬ

18 декабря 1987 г. в г. Самарканде состоялась организованная Самаркандским областным отделением Союза писателей Узбекской ССР научно-теоретическая конференция, посвященная 100-летию со дня рождения писателя и просветителя Сейид Риза Али-заде.

Конференцию открыл доктор филологических наук, профессор Самаркандского государственного университета имени А. Навои Н. Ш. Шукуров. Затем с докладом выступил заведующий кафедрой истории КПСС Самаркандского медицинского института им. А. С. Павлова д-р ист. наук, проф. Г. А. Абдусаттаров. В докладе научно-теоретически обоснована и прослежена многогранная деятельность С. Али-заде.

С. Али-заде родился в 1887 г. в Азербайджане в семье ткача. Ребенком, вместе с семьей, он переезжает в Самарканд. Трудовая жизнь будущего писателя начинается рано — в тринадцать лет он уже работает наборщиком в типографии Демурова. Здесь, читая нелегальную литературу, С. Али-заде сходитесь с революционно настроенными рабочими.

В 1907 г. он открывает в Самарканде школу для бедноты, где сам и преподает. В это же время С. Али-заде активно сотрудничает в газетах и журналах «Иршад», «Икбал», «Таржимон», «Молла Насреддин» (которые издавались в Азербайджане и в Крыму), «Самарканд», «Ойна», «Хуррият», «Меҳнаткашлар ўқи», «Машраб», «Бухорои шариф», «Бурон» (которые издавались в Самарканде, Бухаре и Ташкенте).

В 1917 г. С. Али-заде вступает в ряды РСДРП(б). В том же году он создает первый узбекский букварь «Биринчи йил», а позднее — букварь для таджикских школ, «Грамматику», «Книгу для чтения», составляет двухтомный «Русско-таджикский словарь».

В 1919—1921 гг. С. Али-заде работает редактором еженедельного журнала

«Пламя Октября» («Шуълаи Инкилоб»). В его переводах на страницах журнала печатаются статьи Ленина. «Шуълаи Инкилоб» читали трудящиеся не только советского Востока, но и Ирана, и Афганистана, и Турции.

С. Али-заде переводит на узбекский и таджикский языки «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса и «Программу РСДРП». В периодической печати того времени часто появляются его сатирические стихи и публицистические статьи. С. Али-заде занимается также художественным переводом, он переводит на таджикский язык «Капитанскую дочку» А. С. Пушкина, «Цемент» Ф. Гладкова, «Как закалялась сталь» Н. Островского и др.

С. Али-заде умер в 1945 г. в г. Владимире.

Выступившие на конференции директор Института языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР д-р филол. наук Б. Н. Назаров, зав. отделом Министерства просвещения Азербайджанской ССР д-р пед. наук, проф. Ш. А. Микайлов, преподаватели Самаркандского университета Р. Марупов, П. А. Ольвовский, студентка Самаркандского педагогического института З. Ниязова, внук писателя Ф. Али-заде отметили многогранную педагогическо-просветительскую и писательскую деятельность С. Али-заде.

Было указано на необходимость дальнейшего изучения общественно-политической деятельности и творческого наследия С. Али-заде и издания его трудов.

В заключение конференции актеры Самаркандского театра оперы и балета показали отрывок из пьесы азербайджанского драматурга У. Гаджибекова «Аршин мал алан», которую на узбекский язык перевел С. Али-заде.

А. Абдурахманов

ЗАЩИТА ДОКТОРСКИХ ДИССЕРТАЦИЙ

Решением ВАК СССР в 1986 г. ученая степень доктора филологических наук присуждена:

— заведующему отделом фольклора ИЯЛ им. А. С. Пушкина УзССР Мирзоеву Гуру (тема диссертации: «Искусство узбекских народных сказителей и особенности их эпического репертуара»);

— старшему научному сотруднику ИЯЛ им. А. С. Пушкина АН УзССР Имамому Камилу (тема диссертации: «Генезис и поэтическая трансформация жанров узбекской устной прозы»);

— заведующему сектором балкарского языка Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института истории, филологии и экономики Гужееву Жамалу (тема диссертации: «Теоретические основы составления толковых словарей тюркских языков»).

Редколлегия и редакция журнала «Советская тюркология» поздравляют выше-названных ученых и желают им дальнейших творческих успехов.

Н Е К Р О Л О Г

ШАКМАН ХУСЕИНОВИЧ АҚБАЕВ

21 августа 1987 г. скоропостижно скончался один из известных исследователей карачаево-балкарского языка, член Советского комитета тюркологов, заведующий кафедрой карачаевской и ногайской филологии Карачаево-Черкесского государственного педагогического института, кандидат филологических наук, доцент Шакман Хусеинович Акбаев.

Ш. Х. Акбаев родился 4 сентября 1934 г. в селе Терезе Малокарачаевского района Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края. После успешного окончания в 1960 г. историко-филологического факультета Пятигорского государственного педагогического института был рекомендован в аспирантуру. В 1960—

1963 гг. Ш. Х. Акбаев прошел целевую аспирантуру при кафедре общего языкознания Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова под руководством академика АН Азербайджанской ССР М. Ш. Ширалиева.

В 1964 г. Ш. Х. Акбаев блестяще защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка (опыт сравнительного и сравнительно-исторического изучения)». Изданная в виде монографии эта работа по сей день продолжает служить одним из основных первоисточников по курсу «Карачаево-балкарская диалектология», читаемому на филологических факультетах Кабардино-Балкарского государственного университета и Карачаево-Черкесского государственного педагогического института.

К июлю 1987 г. Ш. Х. Акбаевым была полностью завершена и апробирована в Институте языкознания Академии наук СССР докторская диссертация на тему: «Формирование и современное состояние диалектов карачаево-балкарского языка».

Ш. Х. Акбаев впервые применил системный подход к изучению богатого фактического диалектного материала и на этой основе установил дистрибуцию фонем, выделил их омофоны, показав при этом системные отношения звуковых, морфологических и лексических единиц языка, в которых все еще продолжается процесс стабилизации и нормализации.

Пользуясь сравнительно-историческим ме-

тодом, Ш. Х. Акбаев попытался реконструировать «загадочный» архетип современных аялаутных тюркских звуков $И \sim ДЖ \sim Ж \sim Ч \sim ДЬ \sim С \sim \zeta$ $Т^1 \sim Н^1$, корреспондирующих друг другу.

Ш. Х. Акбаев являлся членом комиссии по составлению Лингвистического атласа Европы (ЛАЕ).

Перу Ш. Х. Акбаева принадлежит ряд научных статей, посвященных различным проблемам карачаево-балкарского и тюркского языкознания. Свою научно-исследо-

вательскую работу Шакман Хусеинович успешно сочетал с преподавательской деятельностью в вузе.

Ш. Х. Акбаева отличала высокая требовательность к себе, исключительное трудолюбие, скромность, простота и доброжелательность в отношении с другими. Светлая память о Шакмане Хусеиновиче Акбаеве навсегда сохранится в сердцах его благодарных коллег, друзей и студентов.

Х.-М. И. Хаджилаев

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ» В 1987 ГОДУ (№№ 1—6)

	№	Стр.
Тюркское языкознание в СССР за семьдесят лет	5	3—31
Короглы Х. (Москва). Вопросы тюркской фольклористики	5	32—38
Фазылов Э. И. (Ташкент). Тюркская текстология: итоги и перспективы	5	39—42

ПРОБЛЕМЫ АЛТАЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Насилов Д. М. (Ленинград). О грамматической интерпретации бивер- бальных конструкций	3	10—12
Поцелуевский Е. А. (Москва). Экстралокативное значение—семантиче- ская примета служебных имен в алтайских языках	3	13—15
Щербак А. М. (Ленинград). Проблема ротацизма и перспективы даль- нейшего изучения тюркско-монгольских языковых связей	3	3—9

ПРОБЛЕМЫ ТЮРКСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Абдуллаев К. М. (Баку). Об одном критерии определения границ текста в азербайджанском языке	3	31—38
Ераслан Кемаль (Анкара, Турция). К вопросу о названиях огузских племен <i>boz-ok</i> и <i>йс-ok</i>	3	27—30
Кучкартаев И. К. (Ташкент). Обозначения речевой деятельности в контексте этнокультурного развития	3	39—43
Мамедов Н. Х., Мамедов И. Т. (Баку). Об относительной хронологи- зации тюркско-иранских языковых контактов	3	44—46
Оразаев Г. М.-Р. (Махачкала). «Северокавказский тюрк» в системе тюркских региональных письменных языков XVI—XIX вв.	3	47—52
Орузбаева Б. О. (Фрунзе). Лексические параллели в киргизском и южно-сибирских тюркских языках в свете их историко-культур- ных общностей	3	20—26
Сертка Осман Фикри (Стамбул, Турция). Заметки по поводу чтения надписи в честь Тоньюкука	3	16—19

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Баскаков Н. А. (Москва). Огузский ареал в истории консолидации тюркских языков	1	3—7
Бергельсон М. Б., Кибрик А. А. (Москва). Система переключения ре- ференции в тувинском языке	2	16—32
Бергельсон М. Б., Кибрик А. А. (Москва). Система переключения ре- ференции в тувинском языке	4	30—45
Гаджиева Н. З. (Москва). Проблема языкового типа	5	43—51
Грунина Э. А. (Москва). К теории тюркского залога	2	3—15
Кажобеков Е. З. (Алма-Ата). Проблемы реконструкции тюркского праязыка: пропедевтический ракурс	4	3—22
Кормушин И. В. (Ленинград). Актуальные проблемы алтаистики	6	3—9
Телицин Н. Н. (Ленинград). К характеристике деепричастий в древне- уйгурском языке	6	10—18

	№	Стр.
Трыарский Эдвард (Варшава, ПНР). О диалектной дифференциации армяно-кыпчакского языка	4	23—29
Уракин З. Г. (Уфа). Общность образно-фоновой и лексической основы фразеологических единиц алтайских языков	5	52—54

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Добродомов И. Г. (Москва). Об одном тюркизме в дигорском	1	19—20
Кубатов А. Б. (Баку). О лексических элементах шахдагско-лезгинской общности в кубинских говорах азербайджанского языка	1	14—18
Юналеева Р. А. (Казань). Тюркизмы в системе заимствований русского языка	1	8—13

ФОЛЬКЛОРИСТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. КУЛЬТУРА

Аджиев А. М. (Махачкала). Тюрко-монгольская общность в кумыкском фольклоре и некоторые закономерности ее проявления	3	102—109
Алиаров С. С. (Баку). К этнической биографии Алп-Эрена	6	19—27
Велиев К. Н. (Баку). Традиционные формулы в тюркоязычном эпосе	3	88—93
Какук Ж. (Венгрия). Татарский материал Игнаца Куноша	3	53—57
Каскабасов С. А. (Алма-Ата). Жанр былички в казахском фольклоре	6	32—36
Кляшторный С. Г. (Ленинград). Древнетюркская цивилизация: диахронические связи и синхронические аспекты	3	58—62
Лауде-Циртаугас Иильзе (Сиэтл, США). Киргизский поэт-сказитель Сагымбай Орозбаков (1867—1930) и эпос «Манас»	3	74—82
Мирбадалева А. С. (Москва). О художественной структуре двух классических вариантов киргизского героического эпоса «Манас», записанных от манасчи С. Орозбакова и С. Каралаева	3	98—101
Салмин А. К. (Ленинград). Два чувашских термина, обозначающих сказку	2	33—37
Стеблева И. В. (Москва). Культурные контакты тюркских народов в древности и раннем средневековье	3	83—87
Тюркмен Фикрет (Измир, Турция). Анатолийский и узбекский варианты сказания о Тахире и Зухре	3	63—67
Урманчеев Ф. (Елабуга). Золотая волчья голова на знамени	3	68—73
Хисаметдинова Ф. Г., Шарипова З. Я. (Уфа). Термины башкирской демонологии	4	46—51
Хисамов Н. Ш. (Казань). Особенности современного этапа исследований средневековых тюркских литературных памятников	3	110—112
Чудояков А. И. (Новокузнецк). Историзм эпоса народов Южной Сибири	3	94—97
Эрджилясун А. Б. (Анкара, Турция). Некоторые соображения о дастане «Огуз каган»	6	28—31

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Ахмедов Б. А., Мукминова Р. Г. (Ташкент). Тюрко-монгольские заимствования персоязычных хроник XV—XVII вв.	6	37—45
Мусаев К. М. (Москва). Алтайская гипотеза в свете контактов тюркских языков с языками мира	4	52—59
Тумашева Д. Г. (Казань). Этнические связи западно-сибирских татар	2	38—51

ОНОМАСТИКА

Дрон И. В. (Кишинев). Гидронимы гагаузов Молдавской ССР	2	52—61
Жапаров Ш. (Фрунзе). Киргизские этноантропонимы Кыргыз, Казак, Ногой, Ўзбек и Арап	4	60—66
Яйленко В. П. (Москва). Этноним угров-савартов и оногуры	4	67—70

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Баскаков Н. А. (Москва). К проблеме китайских заимствований в тюркских языках	5	69—75
---	---	-------

	№	Стр.
Дёрфер Г. (Геттинген, ФРГ). Махмуд Кашгари: аргу, халадж	1	37—44
Дёрфер Герхард (Геттинген, ФРГ) О количественной градации гласных в халаджском языке	5	55—68
Жуков К. А. (Москва). Еще раз о слове «Челеби»	6	46—50
Кляшторный С. Г. (Ленинград). Девятая надпись с Уйбата	1	33—36
Кондратьев В. Г. (Ленинград). О развитии в языке	2	62—67
Коркмаз Зейнеб. (Анкара, Турция). Тюрко-монгольские общности и значение монгольского в изучении тюркских языков	4	71—78
Кузьмин-Юманади Я. Ф. (Казань). О гебраизмах в чувашском языке	2	68—76
Кызласов И. Л. (Москва). Земледельческое жертвоприношение древне-хакасской общины	1	21—32
Мутъи Ибрагим, Османов Мирсултан (Урумчи, КНР). О родине, жизни и гробнице Махмуда Кашгарского	4	79—89
Татаринцев Б. И. (Кызыл). Этимология тюркского названия богатыря (batur~bayatur)	4	90—96
Эрнст Э. К. (Тарту). К происхождению тюркского числительного 'один'	2	77—79

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Абдуллаев А. З., Джавадов А. Г. (Баку). О семантическом ядре азербайджанского сложноподчиненного предложения	1	52—56
Ализаде А. Дж. (Баку). Лексико-семантический анализ некоторых слов азербайджанского литературного языка XVI века	1	57—66
Андросова С. И. (Москва). Субституция гласных русских заимствований в якутском языке	5	96—103
Арсланов Л. Ш. (Елабуга). Об изучении диалектов тюркских регионов нижневолжско-северокавказского региона	6	51—59
Барандеев А. В. (Москва). Гидрографические термины тюркского происхождения в «Книге Большому Чертежу»	5	76—85
Будагов В. Б. (Баку). О структурно-семантических особенностях лингвистических терминов арабского происхождения в азербайджанском языке	1	75—83
Вашири Иштван. (Будапешт, ВНР). Еще раз о термине tartanaq	4	97—103
Вейсалов Ф. Е., Исаева Р. М. (Баку). Акустические характеристики азербайджанских смычно-взрывных согласных (b), (p), (d) и (t)	5	104—110
Галаяудинов И. Г. (Уфа). Письменные памятники Башкирии и некоторые проблемы их комплексного изучения	1	67—74
Гусейнзаде Ч. М. (Баку). О двух древнетюркских антропоморфантах Джанашиа Н. (Тбилиси). Экзистенциальные конструкции var/уок в турецком языке	5	111—115
Джанибеков Х. С. (Нальчик), Чеченов А. А. (Москва). О темпоральных, аспектологических и модальных признаках форм прошедшего времени индикатива карачаево-балкарского глагола	6	60—66
Джураев А. Б. (Москва). Ареалогия и исследование узбекских народных говоров	5	86—95
Молчанова Е. К. (Москва). Дейктические и анафорические местоименные суффиксы в языках среднеазиатского языкового союза	1	45—51
Мусаев М. М. (Баку). Полупредикативные единицы с каузальным и целевым отношением в тюркских языках огузской группы	2	80—85
Мустафаева Г. Г. (Баку). Экспрессивные функции собственных имен в азербайджанской литературе	6	77—85
Сарыбаев Ш., Сулейменова А. (Алма-Ата). Об изучении казахского языка за рубежом	6	92—96
Турниязов Н. К. (Самарканд). К вопросу о синтаксической деривации гипотаксиса	2	86—91
Убрятова Е. И. (Новосибирск). Изучение тюркских языков Сибири	4	111—115
Халилов Ш. Х. (Баку). Историческое развитие и нормализация категории падежа в средневековом азербайджанском литературном языке	1	84—94
Хусаинов К. Ш. (Алма-Ата). Звукоизобразительные глаголы смеха в казахском языке	2	92—100
Щека Ю. В. (Москва). Элементы интонологии турецкой разговорной речи	6	67—76
	4	104—110

№ Стр.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Абдуллаев К. М., Джафаров Н. Г. (Баку). Низами Худидев. Азэрбајчан әдэби дили дүгәт тәркибинин инкишафы	2	108—110
Абилхасимов Б. А., Чернов М. Ф. (Алма-Ата). Русско-казахский фразеологический словарь	4	116—118
Ахметжанова Ф. Р. (Алма-Ата). С. Л. Ким. Семантика относительных прилагательных русского и узбекского языков	1	96—98
Байрамова Л. К. (Казань). З. З. Гатиатуллина. Сравнительная типология словообразовательных систем английского и татарского языков	6	100
Бичелдей К. (Кызыл). Сат Ш. Ч. Тыва диалектология	6	103
Благова Г. Ф., Наджип Э. Н., Тенишев Э. Р. (Москва). XIII—XIV асрлар туркий адабий ёдгорликлар тили: Морфология	5	125—127
Гарипов Т. М. (Уфа), Добродомов И. Г. (Москва). Исследования зарубежных ученых по тюркской филологии	2	101—105
Жубанов Е., Арынов Т. (Алма-Ата). Йүгінеки Ахмед. Ақиқат сыйы	4	121
Зарбалиев Х. М. (Баку). Новое в зарубежной лингвистике: проблемы современной тюркологии	5	127—131
Ибрагимов С. М. (Казань). Формирование и функционирование татарского языка	6	106
Ишаев А., Данилова Л., Умуркулов Б. (Ташкент). Раҳимов С. Ўзбек тили сурхондарё шевалари	4	121—122
Келимбетов Н. (Алма-Ата). Ә. Қоңыратбаев. Қазақ эпосы және тюркология	6	103
Короглы Х. Г. (Москва). «Огузнаме». Перевод и комментарий Р. Шукуровой	6	99
Латыпов Л. Ю. (Казань). М. Х. Әхтәмов. Омонимдар һүзлегә	6	104
Магеррамова Р. Дж. (Баку). Ж. М. Гузеев. Семантическая разработка слова в толковых словарях тюркских языков	1	98—101
Магеррамова Р. Дж., Абдуллаева С. А. (Баку). Муса Исламов. Түрк дилләриндә әвәзликләр	4	119—120
Миржанова С. Ф. (Уфа). Э. Ф. Ишбердин. Историческое развитие лексики башкирского языка	6	103
Мусаев К. (Москва). К. Үсенбеков, Б. Абылгазиев, Ы. Кадыров. Аскер иши боюнча терминдердин орусча-кыргызча сөздүгү: Русско-киргизский терминологический словарь по военному делу	2	106—108
Отаров И. М. (Нальчик). Л. Ж. Жабелова. Сложные имена существительные в современном карачаево-балкарском языке	1	95—96
Сейделанов К. (Алма-Ата). Огуз-наме. Мухаббат-наме	4	122
Тенишев Э. Р. (Москва). В. Гулиев. Мирзә Қазымбәј	6	92—93
Хузангай А. П. (Чебоксары). В. Г. Родионов. Чувашское и тюркское . стихосложение	1	101—103
Щербак А. М. (Ленинград). К изучению старотюркской и персидско-таджикской литературы	5	116—124

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Абдурахманов А. (Самарканд). Революционер, писатель, просветитель	6	125
Васильев Д. Д., Тенишев Э. Р. (Москва). XXIX сессия Постоянной международной алтаистической конференции	3	113—116
Гузев В. Г. (Ленинград). Дни гагаузской культуры в Ленинграде	4	126
Кормушин И. В., К. Мусаев (Москва). XIII пленум Советского комитета тюркологов	6	113
Тажибаяв Э. С. (Алма-Ата). Великий писатель и ученый	6	112

PERSONALIA

Бекбергенов А. Б. (Нукус). Досжан Сипатдинович Насыров	1	106—108
Грунина Э. А., Левитская Л. С., Поцелуевский Е. А., Тенишев Э. Р. (Москва). Галина Федоровна Благова	4	123—124
Джумагулов Ч., Джумалиев Ж. (Фрунзе). Гульджамал Бакинова	5	133—134
Жубанов Е. Х., Алиев Ф. Ф. (Алма-Ата). Смет Кенесбаевич Кенесбаев	1	104—105
Ибраев Ш. (Алма-Ата). Рахманкул Бердибаев	1	105—106

	№	Стр.
Коркина Е. И., Петров Н. Е., Слепцов П. А. (Новосибирск). Елизавета Ивановна Убрятова	5	132—133
Магеррамова Р. Дж., Мусаев М. М. (Баку). Абдурахман Мехи оглы Джавадов	6	110
Накисбеков О., Джунисбеков А. (Алма-Ата). Телгожа Джанузакович Джанузаков	6	109
Насыров Д. С., Доспанов У. Д. (Нукус). Кенжебай Убайдуллаевич Убайдуллаев	3	117—118
Сыздыкова Р. Р., Сарыбаев Ш. Ш. (Алма-Ата). Маулен Балакаевич Балакаев	6	108
Щаропов Н. А., Юлдашев Б. (Самарканд). Худайберды Даниярович Данияров	4	124—125

ХРОНИКА

Махмудов Н. М., Меметов А. М. (Ташкент). «Актуальные проблемы культуры речи»	1	109
--	---	-----

НЕКРОЛОГ

Хаджилаев Х.-М. И. Шакман Хусеинович Акбаев	6	126
---	---	-----

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- И. В. Кормушин (Москва). Актуальные проблемы алтаистики 3
Н. Н. Телицин (Ленинград). К характеристике деепричастий в древнеуйгурском языке 10

ФОЛЬКЛОР. ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА

- С. С. Алиев (Баку). К эпической биографии Алп-Эрена 19
А. Б. Эрджиласун (Анкара, Турция). Некоторые соображения о дастане «Огуз каган» 28
С. А. Каскабасов (Алма-Ата). Жанр былички в казахском фольклоре 32

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- Б. А. Ахмедов, Р. Г. Мукминова (Ташкент). Тюрко-монгольские заимствования персоязычных хроник XV—XVII вв. 37

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- К. А. Жуков (Ленинград). Еще раз о слове «Челеби» 46

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- Л. Ш. Арсланов (Елабуга). Об изучении диалектов тюркских языков нижне-волжско-северокавказского региона 51
Нана Джанашиа (Тбилиси). Экзистенциальные конструкции с *uq/uoq* в турецком языке 60
К. Ш. Хусаинов (Алма-Ата). Звукоизобразительные глаголы смеха в казахском языке 67
М. М. Мусеев (Баку). Полупредикативные единицы с каузальным и целевым отношением в тюркских языках огузской группы 77
У. А. Айгбаев (Алма-Ата). Аспекты терминологии и этапы терминоведения 86
Г. Г. Мустафаева (Баку). Экспрессивные функции собственных имен в азербайджанской литературе 92

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

- Э. Р. Тенишев (Москва). В. Гулиев. Мирза Казымбей 97
Х. Г. Корголы (Москва). Фазлаллах Рашид ад-Дин. Огуз-наме. Перевод и комментарии Р. Шукуровой 99
Л. К. Байрамова (Казань). З. З. Гатиатуллин. Сравнительная типология словообразовательных систем английского и татарского языков. Словарь словообразовательных элементов современного татарского литературного языка 100
М. Б. Балакаев, Х. М. Есенов, Е. М. Мергенбаев (Алма-Ата). Хазирги каракалпак тили: Синтаксис 101

АННОТАЦИИ

<i>Н. Келимбетов</i> (Алма-Ата). <i>Ә. Қоныратбаев</i> . Қазақ эпосы және түркология	103
<i>К. Бичелдей</i> (Кызыл). <i>Ш. Ч. Сат</i> . Тыва диалектология	103
<i>Л. Ю. Латылов</i> (Казань). <i>М. Х. Эхтөмов</i> . Омонимдар һүзлеге	104
<i>С. Ф. Миржанова</i> (Уфа), <i>Э. Ф. Ишбердин</i> . Историческое развитие лексики башкирского языка	105
<i>С. М. Ибрагимов</i> (Казань). Формирование и функционирование татарского языка	106

PERSONALIA

<i>Р. Г. Сыздыкова, Ш. Ш. Сарыбаев</i> (Алма-Ата). Маулен Балакаевич Балакаев	108
<i>О. Накисбеков, А. Джунисбеков</i> (Алма-Ата). Телгожа Джанузакович Джанузаков	109
<i>Р. Дж. Магеррамова, М. И. Мусаев</i> (Баку). Абдурахман Мехи оглы Джавадов	110

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Э. С. Тажигаев</i> (Алма-Ата). Великий писатель и ученый	112
<i>И. В. Кормушин, К. Мусаев</i> (Москва). XIII пленум Советского Комитета тюркологов	113
<i>А. Абдурахманов</i> (Самарканд). Революционер, писатель, просветитель	125
Защита докторских диссертаций	125

НЕКРОЛОГ

<i>Х.-М. И. Хаджилаев</i> . Шакман Хусеинович Акбаев	126
Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская тюркология» в 1987 году (№№ 1—6)	123

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>I. V. Kormushin</i> (Moscow). Actual problems of altaistics	3
<i>N. N. Telitsin</i> (Leningrad). Towards the characteristics of verbal adverbs in the Ancient Uigur language	10

FOLKLORE. LITERATURE. CULTURE

<i>S. S. Aliyarov</i> (Baku). Towards the epic biography of Alp-Eren	19
<i>A. B. Ergilyasun</i> (Ankara, Turkey). Some considerations about the dastan «Oguz Kagan»	28
<i>S. A. Kaskabasov</i> (Alma-Ata). Bylichka genre in the Kazakh folklore	32

ETHNOLANGUAGE CONNECTIONS

<i>B. A. Akhmedov, R. G. Mukminova</i> (Tashkent). Turkic-mongolian borrowings of the Persian chronicles (XV—XVII cc.)	37
--	----

DISCUSSIONS

<i>Ж. А. Zhukov</i> (Leningrad). Once more about the word «Cheleby»	46
---	----

MATERIALS AND REPORTS

<i>L. Sh. Arslanov</i> (Yelabuga). About the research of the turkic dialects in the region of the South Caucasus	51
<i>Nana Janashia</i> (Tbilisi). Existual constructions with var/yok in the Turkish language	60
<i>K. Sh. Khusainov</i> (Alma-Ata). Soundimitating verbs of laughter in the Kazakh language	67
<i>M. M. Musayev</i> (Baku). Half predicative elements with the relations of cause and aim in the turkic languages of the Oguz group	77
<i>U. A. Aytbayev</i> (Alma-Ata). Aspects and stages of terminology	86
<i>G. G. Mustafayeva</i> (Baku). Expressive functions of the proper names in the Azerbaijani literature	92

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

REVIEWS

<i>E. R. Tenishev</i> (Moscow). В. Гулиев. Мирэа Казымбэј	97
<i>Kh. G. Korogly</i> (Moscow). Фазлаллах Рашид ад-Дин. Огуз-наме. Перевод и комментарий Р. Шукюровой	99
<i>L. K. Bairamova</i> (Kazan). З. З. Гатиатуллина. Сравнительная типология словообразовательных систем английского и татарского языков. Словарь словообразовательных элементов современного татарского литературного языка	100
<i>M. B. Balakayev, Kh. M. Yesenov, E. M. Mergenbayev</i> (Alma-Ata). Хазирги қарақалпақ тили: синтаксис	101

ANNOTATIONS

<i>N. Kelimbetov</i> (Alma-Ata). Ә. Қоңыратбаев. Қазақ эпосы және түркология	103
<i>K. Bicheldev</i> (Kyzyl). III. Ч. Сат. Тыва диалектология	103
<i>L. Yu. Latypov</i> (Kazan). М. Х. Әхтәмов. Омонимдар һүзлегә	104
<i>S. F. Mirghanova</i> (Ufa). Ә. Ф. Ишбердин. Историческое развитие лексики башкирского языка	105
<i>S. M. Ibragimov</i> (Kazan). Формирование и функционирование татарского языка	106

PERSONALIA

<i>R. G. Syzdykova, Sh. Sh. Sarybayev</i> (Alma-Ata). Maulen Balakayevich Balakayev	108
<i>O. Nakisbekov, A. Junisbekov</i> (Alma-Ata). Telgozha Januzakovich Januzakov	109
<i>R. J. Magerramova, M. I. Musayev</i> (Baku). Abdurakhman Mekhi ogly Javadov	110

SCIENTIFIC AND CULTURAL LIFE

<i>E. S. Tazhibayev</i> (Alma-Ata). Great writer and scientist	112
<i>I. V. Kormushin, K. Musayev</i> (Moscow). XIII Plenum of the Soviet Turkologists' Committee	113
<i>A. Abdurakhmanov</i> (Samarkand). Revolutionary, writer	125
Doctors' dissertations	125

OBITVARY

<i>Kh.-M. I. Khadzhilayev</i> . Shakman Khuseinovich Akbayev	126
References of the articles published in Soviet Turkology in 1987. (№№ 1-6).	128

© «Советская тюркология», 1987 г.

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Корректоры: *А. А. Гусейнова, С. Дж. Эфендиева.*

Сдано в набор 29.12.87 г. Подписано к печати 24.03.88 г. ФГ 05019. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4,5. Физ. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
Заказ 12223. Тираж 2511. Цена 1 руб. 10 к.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.